

Военно-исторический журнал ОРЛОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК

Спецвыпуск №9 (44), 2015 год

**РАДИ СПРАВЕДЛИВОСТИ ВСЮДУ
НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ**

УДК 82-1+94(47)+355/359+908(470+571)

ББК 84(2p)6

О-66

ISSN 2409–871X

Серийное оформление обложки: Александр Ухин

Редакционная коллегия: С.А. Ветчинников (главный редактор)

В.Я. Воробьёва

А.И. Кондратенко

С.В. Широков

«Орловский Военный Вестник», Спецвыпуск № 9(44), 2015 год

О-66 Ради справедливости всюду / Военно-исторический журнал / – Орёл: ПФ «Картуш», 2015. – 170 с.

Очередной спецвыпуск «Орловского военного вестника» с разножанровыми произведениями Виктора и Сергея Рассохиных состоит из двух блоков, не вошедших в альманах «Ради жизни» членов Орловского отделения Союза российских писателей.

Данные работы были названы околотитературными кругами (лишившими авторов госстипендии), а также рядом коллег – «не литературой». Материалы Рассохиных менялись трижды: с поэзии и прозы – на публицистику, с исторических исследований на основе документов – на стихи, посвящённые героике Великой Отечественной войны (с эпиграфами десятков поэтов-фронтовиков). Что «это» как не поправление военной истории в Год русской литературы?!

Исходя из позиции редколлегии журнала «Пусть в споре рождается истина» – право оценки труда авторов 40 книг предоставляется уважаемым читателям Орловщины, уроженцам бывшего СССР и русской диаспоре за рубежом.

УДК 82-1+94(47)+355/359+908(470+571)

ББК 84(2p)6

На обложке:

Лицо: – Авторский логотип*, встречи и выступления писателей в Год 70-летия Победы и литературы.**Оборот:** – Рисунки Сергея Рассохина из исторической монографии «ВЕК ИКС».

© ПФ «Картуш», 2015

© Рассохин В.В., 2015

© Рассохин С.В., 2015

* Авторский логотип на обложке десятилетиями проходит во всех книгах писателей – RSW – Рассохины, Сергей, Виктор (Прим. ред.).

На слиянии Оки и Орлика

В текущем году Россия пережила две великих даты истории – 70-летие Победы над нацистской Германией и 70 лет окончания Второй Мировой войны.

Для всех нас курс на сплочение общества отразился в портретах миллионов воинов «Бессмертного полка». Легендарные и забытые защитники Отечества, освободители Родины, Европы и Азии от ига Рейха, Италии и Японии, своими жизненными, фронтовыми и трудовыми подвигами завещали потомкам сохранение независимости, чести, долга, любви к Отчизне. Мы помним о танковой колонне «Освобождённый Орёл», об авиаэскадрилье «Трудящиеся Орла – фронту!». Не забываем Героев Уральского танкового корпуса и пилотов «Нормандии-Неман», о безграничном мужестве партизан и подпольщиков.

Орёл – коронованная гордая птица. Город с его именем известен миру не только как Первосалютный центр Воинской Славы, но и замечателен литературными корнями, традициями, наследием.

Впереди – 450-летие Орла. Каким будет юбилей – зависит от большинства орловчан, независимо от форм работы и мест нахождения. Во взаимодействии власти и народа – новые проекты, задачи и свершения укрепят всероссийский и международный статус третьей литературной столицы.

Писатели и трудящиеся типографий «Труд», «Фолиант», «Орлик», «Картуш» и «Новое время» обязательно внесут свой вклад в знаменательное событие в жизнедеятельности облагораживаемого города.

**С наилучшими пожеланиями –
Председатель Горсовета народных депутатов,
мэр города Орла
Василий Фёдорович Новиков**

РАССОХИН ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ

Автографы читателям – святое дело писателя

Рассохин Виктор Васильевич родился 7 января 1939 года в городе Орле, в трудовой семье. Ребёнком пережив тяготы оккупации и эвакуации, вместе с сестрой Аллой рано лишился родителей, проживал и учился в Северо-Задонске Тульской области.

Увлёкшись поэзией и рисованием пейзажей, свои первые стихи написал ещё в школе, в старших классах. Отлично играл в футбол, участвуя в школьной команде на первенствах области.

В период Карибского кризиса служил в ракетных войсках (3,5 года) – в Капустином Яре и на Дальнем Востоке. Дебютировав циклом стихов в «Новомосковской правде» при поддержке поэта С.Я.Позднякова, Виктор с отличием окончил курсы сержантов, стал командиром отделения. Величие Родины, которую он видел и осознавал во всю неохватную ширь и мощь впервые, отразились в его публикациях в газетах «Суворовский натиск» (Хабаровск), «Коммунар» (Уссурийск), «Красное знамя» (Владивосток). Стихи начинающего поэта и солдата публиковались в альманахе «Тихий

океан», журнале «Советский воин», в газете «Горняцкая правда» (Донбасс).

Вернувшись домой, учился в Орловском педагогическом институте (историко-филологический факультет) у замечательных преподавателей Г.А. Габинского и Г.Б. Курляндской, дружил со многими художниками, литераторами и краеведами Орла.

По распределению учительствовал в дальних сёлах и деревнях Орловщины, замещал директоров школ и преподавателей по разным предметам. В начале 70-х годов переехал в Орёл, где, оставшись верным поэзии, работал журналистом, редактором телевидения и заводской многотиражки «Дормашевец».

Стихи, проза и статьи Виктора Рассохина печатались в различных газетах страны, в коллективных сборниках Приокского книжного издательства, в журналах «Урал», «Москва», «Октябрь», «Наш современник», «Техника молодёжи», «Молодая гвардия», «Военные знания», «Нёман» и в других всесоюзных (республиканских) изданиях.

Творчество орловца поддержали поэты-фронтовики С.П. Щипачёв, Н.К. Старшинов, Е.А. Зиборов, С.В. Михалков. Глубокий след в формировании личности поэта оказали защитники Отечества, по счастью, выжившие в Великой войне народов – прозаики Р.К. Агишев, Л.Н. Афонин, Е.И. Носов, С.А. Баруздин, С.А. Викулов, М.Н. Алексеев, П.Г. Сальников, К.Ш. Кулиев, В.Д. Захарченко, А.Н. Яновский, В.А. Мильчаков, А.А. Лапонов...

По их добропорядочным рекомендациям В.В. Рассохин был принят в Союз писателей СССР в 1978 году. Первая книга стихов «Капель» вышла в Туле, в 1968 году. За ней последовали сборники стихотворений и поэм «Золотая кувшинка», «На ветру», «Тропинка», «С восходом солнца», («Бригадирские будни»), «Круговорот», «Шапка Мономаха», «Последняя дуэль», увидевшие свет и массового читателя благодаря коллективам типографий Тулы, Орла и Москвы.

С 1992 года автор, совместно с сыном Сергеем, работал над фундаментальной монографией «ВЕК ИКС», посвящённой становлению диктатур, трагедиям и подвигам Человечества до и в ходе самой жестокой и кровопролитной войны в истории цивилизации. Исследование так и не вышло в печать, ввиду планетарной широкомасштабности документальных фактов, лиц и событий. Однако переработанные крупными произведения легли в основу новых книг о Второй Мировой войне, изданных в соавторстве с сыном в его оформлении.

Поэзия Рассохина звучала по Всесоюзному радио. Виктор Васильевич неоднократно выступал на Орловском телевидении, написал сценарий к д/ф «Утренний народ» о трудящихся Орловского сталепрокатного завода (1993 г.), участвовал в съёмках д/ф «Штрихи к

портрету «Короля» о выдающемся авиаконструкторе-земляке Н.Н.Поликарпове к его 120-летию со дня рождения и к 100-летию ВВС России¹.

С 1992 года он состоит в рядах Союза российских писателей, несколько лет возглавлял его Орловское региональное отделение. Писатель находится в постоянном творческом поиске в командировках по Орловщине и Отчизне, экспериментирует с жанрами, выступая как публицист, историк, аналитик, природовед родного края.

Перу автора присущи высокая гражданственность, правдивость, искренность, любовь к матери, Родине, трепетное отношение к репрессированным, узникам концлагерей, к Святой Рати фронтовиков и величественным трудовым подвигам Героев тыла. Несомненно, главной заслугой В.В. Рассохина является воскрешение имён и свершений сотен земляков и соотечественников в очерках, статьях, книгах, красноречиво повествующих о крестьянстве, людях науки и искусства, об изобретателях и подвижниках научно-технического прогресса.

Сострадание людским печалям и болям, работы с натуры, жёсткая требовательность к власти, призыв к воспитанию крепкой памяти и патриотизма народов, чёткое осознание предназначения писательского труда, по меткому выражению Г.Б.Курляндской, сформировали в сочинениях В.В. Рассохина «Верность Истине».

Друг И.Д. Крохина, А.С. Логвинова, Л.Ю. Моисеева справедливо считает, что без понимания заповедей предков нынешним обществом осуществляется его постепенная необратимая деградация, включающая в себя все формы жизнедеятельности человека. Отсюда – неповторимость судеб и характеров, редкая целенаправленность образов, мудрость не вождей, а простолюдинов, сборник литтворчества заключённых в ИТК Орловщины «Под созвездием Орла», отредактированный В.В. Рассохиним.

Многотематичный, разножанровый спектр внимания автора к злободневным проблемам истории и современности, человеколюбие к собрату по Планете, призыв к взаимопониманию религиозных конфессий вывели его из профессионального писателя в общественного деятеля, понимающего, что не тема правит художником – он сам обязан её «схватить на лету».

За плодотворно-многолетний вклад в литературу Отечества, за благотворительность и воспитание высоконравственности, за борьбу с всепорочностью определённой прослойки общества В.В. Рассохин награждён многими грамотами, благодарностями, дипломами, благодарственными письмами. Его совместный труд с сыном благословлялся достойночтимым Патриархом Алексием II и

¹ Фильм режиссёра А.А. Бутузовой стал золотым призёром фестиваля «Киноток – 2013».

нынешним многоуважаемым Предстоятелем РПЦ, Его Святейшеством Кириллом, был поддержан Почётным гражданином Орла, старцем Илием, духовными Владыками Орловщины Паисием, Пантелеимоном, Антонием, епископом Барнаульским и Алтайским Сергием, спикером Совета Федерации Е.С. Строевым.

Виктор Васильевич награждён юбилейными медалями «За верность авиации», «70 лет Танковой Гвардии», «900 лет подвигу священномученика Кукши», «70 лет Великой Победы», «600 лет крещения амчан и обретения чудотворной иконы святителя Николая во граде Мценске». Автор ряда очерков о Второй Мировой войне участвовал в работе Международной конференции «Пушкин и Тургенев», издал, в ходе 47 лет, 40 книг (32 – в соавторстве с С.В. Рассохиным, с 1992 по 2015 гг.). Не ошибся в даре земляка «орловский Есенин» Д.И. Блынский, впервые опубликовавший его стихотворение «Русская лапта» в далёких ныне 60-х...

ВИКТОР РАССОХИН

В ФИНСКИХ СНЕГАХ

Хромой сторож предложил нам самосад с донником. Мы отказались.

– А я вот, старый дурак, кашляю, аж слёзы из глаз, да бросить не брошу. Не курил ведь тоже, как и вы.

За огородом, в сквозистых ещё кустах смородинника, щёлкнул соловей, робко, как бы пробуя голос.

– Вишь, пострелёнок. Рядом почти, а не увидишь. Поёт себе и округу радует. Невидимка. Прямо-таки финский снайпер. Только песня у того была смертельная. Пропоёт пуля – знаешь, что в ёлках грохнуло, оглянёшься – нет товарища...

Он глубоко затынулся. Крылья носа расширились, и седые струи дыма шумно вытолкнулись лёгкими.

– Она, война эта, вроде незавидная была. А брата нашего взяла – сосен в лесу меньше. Многим снег пухом...

– Василий Фёдорович, а в Отечественную вы воевали? – обратился к нему мой товарищ.

– Нет. Я её раньше хлебнул. На линии Маннергейма ахнуло. Месяца четыре в госпитале провалялся. И сюда – домой. Тут следом и Гитлер... В кадровую, как видите, не попал, а партизаны меня помнят. Двух лётчиков спас. Генералом один был. Прошлым летом меня отыскал...

– Так вот, была у нас девушка. Военврач. Ларисой величали. Ленинградская. Ох, и девка – картина писаная. Дела-то до моего ранения

происходили. Наша братия какая? Чуть чего – гы да гы-гы. А тут цыц! Пройдёт, бывало, Лариса Николаевна – мы молодели. Каждый вспоминал свою возлюбленную, и сердце мягче становилось. Чёрствость-то она, как ржа. Раз пристала, не уберёшь, съест. Да и радостно было от того – незанятою ходила. Говорили, что сам командир батальона сох по ней. Вологодский сам. Всё на «о» нажимал. Гаркнет, бывало, «Смирно-о!» – коленки дрожат. Мне почему-то не верилось, что он к себе в душу мягкость допустить может.

Поводил нас он крепко... Полбатальона получили награды. Мы в мыле, и он в мыле. Сухов фамилия была. Осколком грудь ему протаранило. Клок шинели аж на спине вылез. Лариса Николаевна рядом стояла. Ничего не сказал, лишь обескровленной рукой указал на планшетку. Возьми, мол. Она белее снега была, потом наклонилась, поцеловала его в небритую щеку. В планшетке её портрет оказался. Вылитый. Карандашом сделан...

– Рисовал, значит! Находил время...

– Находил, стало быть. У кого охота на что. Война не всё в человеке убивает. Он, человек-то, для жизни предназначен. Разве кто плохое загадывает? Изверги только.

Со смертью Сухова и в Ларисе Николаевне что-то произошло. Осунулась. Голос осёкся. Но всегда с нами приветлива была, иногда шутила как-то по-городскому, и на щеках её горел румянец маковым цветом.

– Ты, – говорит, – Вася, когда-нибудь ландыши рвал своей любимой? – А я засмеялся. Открыто говорю: – Никогда. У нас в деревне этак не водится.

– Не смейся, – говорит, попробуй. Вот снег сойдёт, нарви, да в конверт. Обрадуется – любить лучше будет! Сама к другому подойдёт, как рана, спросит, перевязку или что надо сделает...

Последнее время батальону работка подвернулась. То нас потрепят, то мы потрепем. Однажды нас так залучили – думали снегом задавят. Но выбрались, и не знаю, каким образом такую у них краюху отхватили, что я сам под награду попал. И Ларисе Николаевне тоже орден выпал.

Бои не прекращались. Мы всё лесами шли. Снег по ноздри. Лыж мало. Да и непривычно на них. Сосняком пробираемся. На убитых то на опушке, то в ложине наткнёмся. Скрюченные лежат. Ноги тут, голова там валяется. Видим, что здесь прошли недавно. Шли скоро. Убирать было некогда. Да и глушь, возьми её господи, там превеликая!

Ничего не тронули, только лыжи захватили. Спускаемся этак вниз. Стон слышим. Подходим ближе. Финн лежит, скорчившись. Голова льняная. Сзади полоса красная – полз... Командир новый подошёл, понимал по-ихнему. А раненый показывает рукой на Ларису Николаевну. Красный крест на рукаве заметил. Она подошла.

- Убрать его! Прикончить! – кое-где раздавались голоса.
- Донесём до ближайшего пункта! – сказал командир.
- Сейчас перекур и в путь. Соединиться должны.

Мы пошли к головной группе, а Лариса Николаевна осталась ему перевязку сделать. И едва мы отошли саженой на пять-семь, как остановил нас пронзительный женский крик. Меня аж пот прошиб... Бежим на крик с Митькой Огурцовым.

У сосны Лариса Николаевна с ножом в груди. По самую рукоятку вогнал, подлец!

На руки я её – жива, дышит прерывисто. Несу, у самого поджилки трясутся и плачу. Текут слёзы и всё. Не слышал, как Митька в убийцу выпалил. Вот тебе и ландыши, думаю...

Положил её на ветки. Сумку снял. Бинты беру, йод беру... Она головой – не то, говорит, не то. Глянул – свёрток в газете. Кивнула. Адрес, говорит, записывай. Только и успела всего. Кровь горлом пошла.

Тяжело переживали. Не верили. В деревне с почестью схоронили. Ей-богу, многие плакали. Уж очень смерть её у нас неожиданно выкрала...

Фёдорыч замолчал и глухо кашлянул. Мы сидели, слыша своё дыхание, и ясно представляли непроходимые леса, огоньки самокруток перекура и девушку, видимо, ушедшую добровольцем из вуза...

– Спички дай, – охрипшим голосом сказал Фёдорыч моему товарищу, но, вспомнив, что мы некурящие, рассыпал табак...

– В Питер я наведывался точно по адресу. После войны никого не нашёл. Мать в блокаду умерла. Опоздал я с наказом. Раньше бы надо. И портрет её теперь у меня. Зайдёте, посмотрите.

Мы обрадовались такому случайному совпадению и отправились за Василием Фёдоровичем, опирающимся на вишнёвый узловатый костыль.

На стене, рядом с семейными фотографиями, в багетовой рамке висел портрет. На нас смотрела белокурая девушка с затаённой лукавинкой в глазах. С лица, казалось, вот-вот спорхнёт улыбка, и она спросит у нас звонким и чистым голосом:

– А вы, ребята, рвёте любимым ландыши?!

* * *

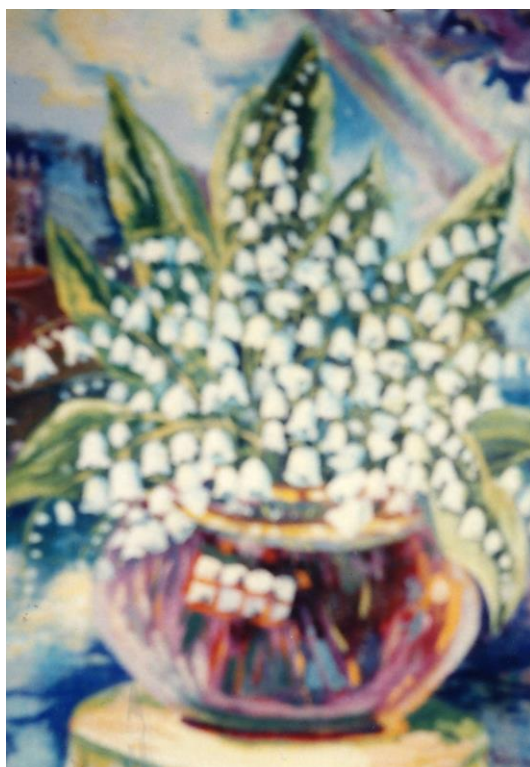
*Серебряные крошки-колокольца
Они вот-вот от ветра запоют.
И, кажется, их не касалось солнце,
Они по воле собственной цветут.*

*Любители цветов проходят верхом,
Пускай вокруг бросают цепкий взгляд.
А ландыши стоят белее снега*

И попадаться в руки не хотят.

Плакат-предупреждение о «кукушках»

Этюд Виктора Рассохина «Ландыши»

СПАСЁННОЕ НЕБО

*Антону Губенко, Дмитрию Кокореву, Виктору Талалихину,
Николаю Терёхину, Борису Ковзану, Сергею Колыбину,
Борису Пирожкову, Василию Синчуку, Петру Шавурину,
Алексею Артамонову, Юрию Лямину, Павлу Пологову,
Алексею Хлобыстову, Григорию Репихову –
всем Героям ВВС СССР, совершившим более 600 таранов –
посвящаю*

1

На соснах – щетинится хвоя,
Осины уже не дрожат.
Над рощами Подмосковья
Проходит воздушный пират.

Берлинской любовью заласкан,
Держа за щекой шоколад,
Ариец ждёт орден на лацкан
Ещё за несброшенный ад.

Ехидна усмешечка аса,
Топорщится щётка усов:
– Вечернее соло фугаса
Сорвёт даже крышки гробов.

– Пусть предки поднимутся кверху,
Мы их потревожим чуть-чуть
За Грюнвальд, за штурм Кёнигсберга,
За льдисто-красавую Чудь.

Художник Д. Пентланд

Ах, как это будет красиво!
Что Киплинг? Я тоже поэт...
Тюльпаны ниспосланных взрывов
Примите, как скромный букет.

Букет? А не щедро ли, право?
Не слишком ли щедро? ВЕНОК!!!
И вдруг поднимается справа
Серебряный «ястребок».

– Мальчишка! Сгоришь как порох.
Зря возгордился ас.
Очередь... Сбой мотора.
Свет раскалённых трасс...

2

«Хейнкель» взревел надсадно,
Принял зловещий вид.
– Что, в небесах прохладно?
Что, под Москвой знобит?

Вновь самолёт в зените,
Виктор стёр пот с лица.
Тянутся-рвутся нити
Огненного свинца.

Пусть слабовата школа:
Вчерашний курсант страны...
Но лётчиков Халхин-Гола
Видел он до войны.

И по святому праву
Слева идёт на крест:
Очередь за Варшаву!
Очереди за Брест!..

3

Снова в пике. И с ходу
Цель «ястребок» берёт.
В спешке взрезает воздух
Вражеский пулемёт.

Вспышки – электросваркой,
Хрипло рокошет пасть.
Немцу в кабине жарко,
Мигом почуял власть.

К лёгкой привыкший к славе,
Жертве кричит: – Капут!
Звёзды на крыльях – давят,
Звёзды – ответ дают

Крупнокалиберный, гневный!
Пламя слепит глаза...
И на пределе нервы
Люфтваффовского туза.

4

Небо в зелёных звёздах,
Звёзды вокруг креста:
– Будет врагам погостом
Звонкая высота!

Не удалась разведка,
Кланяйся, гад, Земле!
Что ж ты молчишь, гашетка?
Воздух застрял в стволе?

Скроется. Действуй, тёзка!
Ветром точи крыла,
Чтоб каждая здесь берёзка
Силу тебе дала.

В обойму вошла патроном,
Прошила б насквозь дюраль,
Чтоб ввек матерям и жёнам
Душу не жгла печаль.

По каждому – кто не выжил,
По каждому – кто убит...
Стреляет, спускаясь ниже,
Оскалившийся бандит.

5

– Не вырвешься восвояси,
Подставишь крестовый бок...
Скорость ещё в запасе,
Выдюжит «ястребок».

Бьёт пулемёт фашиста,
Видно почти как днём.
– Метко сработал, чисто!
Локоть горит огнём.

Наших берут не сразу,
Рана – укус шмеля.
Если уйдёшь на базу,
Не примет меня... земля.

Взмыл, не почуяв веса,
Вот уже у хвоста:
Свастику бы отрезать
Ненавистью винта?!

Туго в бою открытом?
Строчи теперь, не строчи...
Жёлтым метеоритом
«Хейнкель» сверкнул в ночи.

Кажется, сильный ветер
Осколки разнёс окрест.
Словно не жил на свете
Надеявшийся на крест.

Больше не разговаривал,
Прахом стал в тишине...
Может быть, это зарево
Фюрер видел во сне.

Зарево наступленья,
Красную мощь крыла,
Жуткий грохот паденья
Гербового орла,

Что над позором рейха
Вис ещё, как живой,
Слушая мощность эха
Подвига под Москвой.

Картина В.Н. Барсукова

6
Издавна наши парни
Захватчиков бьют сплеча.
Небо им благодарно,
В нём что-то от кумача.

Помните, экипажи,
С крестом или без креста:
Красное небо – дважды
Нам сдаёт рапорта.

Ранней зарёй – до солнца,
После него – в закат.
Кому там ещё неймётся?
Ещё есть ночной пират?

Довольно с России дани,
И, мирное небо любя,
Ракеты пойдёт таранить
Не только лишь за себя.

Воздушные печенег —
Нам всякий под силу бой!
Пусть в страхе дрожат стратеги
Минувших и новых войн.

С блицкригом до блицуспеха
Не стойте с календарём.
Таран – это почерк века,
Ответивший Злу – Огнём.

Борис Ковзан

Алексей АРТАМОНОВ

Антон ГУБЕНКО

Борис ПИРОЖКОВ

Василий СИНЧУК

Виктор ТАЛАЛИХИН

Григорий РЕПИХОВ

Дмитрий КОКОРЕВ

Сергей КОЛЫБИН

Юрий ЛЯМИН

Ас среди таранщиков –
Алексей Хлобыстов

Мастер атак Пётр Шавурин

Виртуоз боевого пилотажа
Павел Пологов

Гроза «стервятников»
Николай Терёхин

Кара за небесный разбой

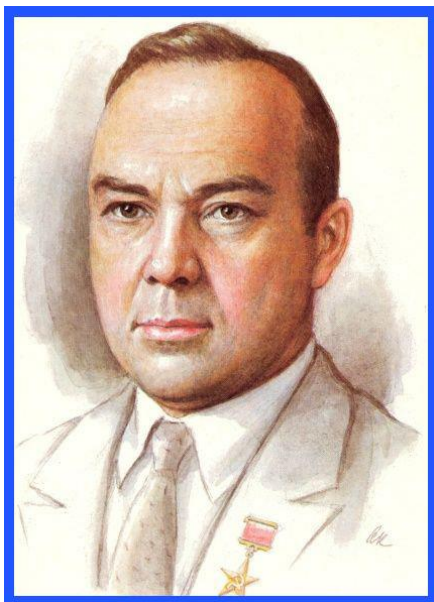
На переплавку!

ВЗЛЁТЫ И ПИКЕ АВИАКОНСТРУКТОРА ПОЛИКАРПОВА

Знаменитого авиаконструктора, нашего земляка Николая Поликарпова называли королём истребителей.

Официальная история достижений Н. Поликарпова широко освещена в отечественных источниках и за рубежом. Однако в биографии одного из первых Героев СоцТруда и депутата Верховного Совета СССР есть своя ложка дёгтя: трагическая цепь авиакатастроф, трения с режимом, репрессии в его конструкторском бюро задолго до войны – всё это отображено историками недостаточно.

Борьба с «контрреволюционностью», стартовавшая в конце 20-х годов, коснулась поликарповцев при проектировании истребителей И-5 и И-6. Внедрение бипланов в серию шло успешно и раньше поставленных сроков. Увы, сильнее замыслов авиастроителей и КПД моторов оказался... донос в ОГПУ. «Доброжелатель» упрекал сына попа, беспартийного авиаинженера в излишней расточительности и в

приверженности к «непролетарской школе» самолётостроения. Доносчик не утруждал себя формулировками, обвинив конструктора в проектировании «заведомо вредительских самолётов и пропихивании их в серию вопреки воле коллектива».

К тому времени за флагманом Авиатреста стояли разработки и испытания Ил-400, ПМ-1, ДИ-1, И-3, ДИ-2. В 1927-м Николай, подгоняемый успехами зарубежных авиафирм, трудился с товарищами над У-2, Р-5, И-6, Л-2. Никто из них представить не мог, что их окрестят «вредителями»...

В результате анонимного пасквиля последовали обыск на квартире и арест 24 октября 1929 года. Его обвиняли как «участника контрреволюционной вредительской организации в авиапромышленности». Конструктор едва успел попрощаться с женой Шурой и дочерью Марианной – «чёрный ворон» умчал его на Лубянку...

К счастью для Поликарпова и пролетарских ВВС, расстрельный приговор заменили 10 годами исправительно-трудовых лагерей. После допросов и унижений в застенках Лубянки Николая ненадолго переводят отнюдь не в лучшие условия Бутырской тюрьмы, откуда вскоре он попадёт в спешно организованное Особое КБ под надзором ОГПУ и лично И. Сталина.

Вспоминались родное село Георгиевское и Ливны, Орёл, товарищи духовной семинарии и 1-й классической гимназии, учёба в Санкт-Петербурге. С тоской думал о жене, дочери. Каково им теперь? Волновался не зря: его жена Александра нигде не могла устроиться на работу из-за ареста супруга. Родных Поликарпова спасла защита со стороны авиаторов и доктора А. Рауэра.

И-185 — неосуществлённый в серии истребитель КБ Поликарпова

Из секретного КБ вылетит в небо на благо обороны Отчизны истребитель И-5, одобренный на смотрах Вождём. Очевидцы рассказывали, как после аплодисментов он, с присущей ему издёвкой, спросил «шарашников»: «А вас здесь не угнетают?». И-5 было выпущено 800 экземпляров...

Оценивая успехи авиастроителей, коллегия ОГПУ решила осудить его условно. А постановлением ЦИК СССР от 7 июля 1931 года на следующий день Н. Поликарпова освобождают по амнистии.

В дальнейшем наш земляк дорабатывал У-2, Р-5, И-3, их модификации, проектировал штурмовики, истребители, разведчики, гидросамолёты, бомбардировщики. Он стал угрюмо-молчаливым, излишне взыскательным, утратил юмор – аукнулась «внутренняя тюрьма».

Во время испытания биплана И-15 и моноплана И-16 он подружился с Валерием Чкаловым, который лично обучал летать команду «короля истребителей». Все крылатые машины ЦКБ Поликарпова превзошли ожидания, став самолётами эпохи пятилеток, освоения Заполярья, Дальнего Востока, в ходе сражений в Китае, Испании, на Халхин-Голе, в Финляндии и в годы Великой Отечественной.

В годы войны Поликарпов бесконечно курсировал по маршруту Москва – Новосибирск и обратно: в Новосибирске располагался опытный авиазавод, в котором он был главным конструктором (на территории бывшего цирка).

Игнорируя первые признаки надвигающейся неизлечимой болезни, авиаконструктор радуется успехам «ночных ведьм», бывших немцев на У-2, 606-го авиаполка, отличившегося на Р-5 под Москвой, ведёт архив побед И-16, И-153 над «Мессерами» и «Фокке-Вульфами». Было чем гордиться: авиапромышленность СССР выпустила в сражения 6500 И-15 в модификациях, 9450 И-16, почти 4000 «Чаяк», около 7000 Р-5, 33 000 У-2!

У-2 завоевал имя создателя – ПО-2

Боевая «Чайка»

«Ишак» всех фронтов

Чёрный негатив пережитого сократил жизнь подвижнику отечественной авиации. 30 июля 1944 года 52-летний Поликарпов умер от рака.

Профессор и доктор наук, он преподавал проектирование самолётов в МАИ. Главконструктор опытного авиазавода «Москва–Новосибирск», он до конца состоял в руководстве научно-методического совета в Главуправлении наркомата авиапромышленности, готовил книгу «Конструкция самолёта».

Поликарпов не дождал до Победы, хотя приближал её каждую минуту своей жизни разумом, воплощённым в оружие победителей.

Май 2015 г., Орёл – Успенское – Калинино – Ливны – Долгое – Орёл

Первопроходец Заполярья - Р-5

**Песни на слова Виктора Рассохина
К 70-летию освобождения Орловщины**

ПЕРВЫЙ САЛЮТ

*Слова Виктора Рассохина
Музыка Виктора Садовского
Темп походного марша*

Орёл и Белгород – два брата,
Седыми вышли из огня,
И генерала, и солдата
В горячей памяти храня.

Припев:

И генерала, и солдата,
И генерала, и солдата
В горячей памяти храня.

Знамённый шёлк алел от ветра,
Как слава павшим и живым.
Их имена дарили щедро
Мы старым улицам своим.

Припев:

Их имена дарили щедро,
Их имена дарили щедро
Мы старым улицам своим.
Смягчались горести и беды,

На Запад шли ещё войска.
Салют – предвестником Победы
С Москвы – заглядывал в века.

Припев:

Салют – предвестником Победы,
Салют – предвестником Победы,
С Москвы – заглядывал в века!

СВЯТЫНЯ

Музыка Геннадия Роенко

1
Иду смотреть на ветеранов,
На лица их, на ордена.
Они в наш сквер приходят рано,
Им в эти ночи не до сна.

Припев:

Стоят с багряными цветами,
Седые головы склоня,
Где поднялся высокий пламень
Святого Вечного Огня.

2
В него их жизни переходят,
Неизмеримый ратный труд,
В непокорившемся народе
Они Героями слывут.

3

При орденах или с медалью,
Или калеки из калек ...
Великой радостью, печалью
Объединённые навек.

Августовская победа

Салют столетия

Орёл и Белгород - два брата,
седыми вышли из огня

Первосалютный Орёл

У Вечного огня Белгородчины

СОЛНЦЕМ ОСВЕЩЁННЫЕ ЦВЕТЫ

Есть люди, славные дела которых входят в бессмертие. К ним относится Анна Львовна БАБИЧЕВА – знаменитая целительница-травница из села Успенское Ливенского района Орловской области. Ей и сотням народных врачей-врачевателей всей России посвящена поэма «Озарённая душа», отрывок из которой предлагается читателю.

Беженцы. Обозы. Рёв скотины.
Судьбы обрываются, как нить.
Режут лоб глубокие морщины:
– А куда из хаты уходить?

Будь покрепче, в часть ушла бы к родным
Поварихой или медсестрой...
Мотоциклы с лаем пулемётным,
Следом – танки с пьяной немчурой.

Кур стреляют. Вскрики по амбарам.
Виселицу ставят средь села.
К вечеру мелодия нектаром
От губной гармошки потекла.

– Неужель навеки, супостаты?!
И когда ж им – извергам – конец?
Пеплом стал под головнями хаты
Безобидный Тихонов отец.

Тихон партизанил где-то рядом,
Знал о злодеяньях в Моховом.
Ненависть к карательным отрядам
Выражая толком и свинцом.

А в селе угрюмейшие будни:
Пытки. Казнь. Окопное рытьё.
Люди, искалеченные люди
Шли-ползли в Анфисино жильё.

Жир барсучий чудом доставала,
Дягиль, чемерицу, дикий мёд.
На бинты простынки изорвала,
Смертное – и то пошло в расход.

Под игом оккупантов

Новый порядок
под «Лили Марлен»

Иди и смотри...

Заживали смазанные раны,
Выцветали синие рубцы...
Сильные – спешили в партизаны,
Лишь один – метнулся в подлецы.

За девчонок съёживалось сердце.
Гневалась. Да роды – не пустяк:
– Носишь-то, касаточка, от немца?
– Сильничал...
– Оно, конечно, так.

Что дитё? Ему какое дело?
Как птенец из чёрного гнезда,
Вырвется и вскрикнет ошалело...
Едь из Мохового от стыда!

Офицеру выпалила: – Гидра!
Мало, что ли, по свету могил?
Твоего вылечиваю кинда,
Что ты с русской девкою прижил.

Красные от выпитого шнапса,
Положив на стол ей хлеб-эрзац,
Гоготали битюги-баварцы
С явною издёвкой: – Русиш арцт!

Господи! Какая там врачиха,
Щепочка – ну как ни погляди.
В ней самой сердечко тихо-тихо
Тикало в слабеющей груди.

...Откатилась чёрная неволя.
Враг клыки показывал в ответ.
Был тогда при уцелевшей школе
Временно устроен лазарет.

Мучилась в закаты и в рассветы
С воинами страждущей земли.
Устные целебные советы
По миру страдальцы разнесли.

Тяжкие – мамашей величали,
Ждали, словно вешнего луча...
Если б капитана не прислали
– Доросла б до главного врача.

Врачи выше Богов

Не всех дождались...

Добро пожаловать!

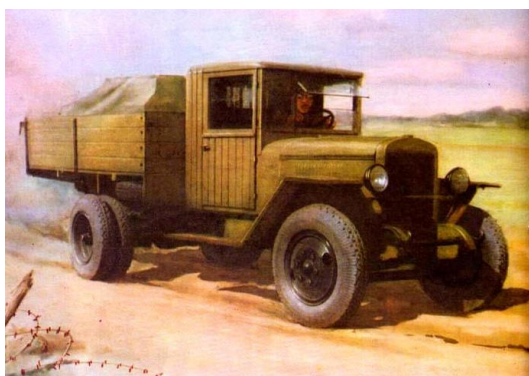
А потом – как радуга – Победа!
Оглянулась как-то в тихий час:
Всё одна – ни сына и ни деда,
Не даётся молодость в запас...

Флаг светил над крышей сельсовета,
В гору шли колхозные дела...
– Как же наградить её за это?
– Доктор-то... телятницей была.

Отписать бумагу не сумели,
С орденом – морока тяжелей.
И с единогласия артели
Пятистенок выстроили ей.

По работе – и награда!

ЗАХАР

*Шофёрам и автомеханикам,
прошедшим ад дорог и бездорожья
Великой Отечественной войны –
посвящается*

Четвёртый день стоял невыносимо адский мороз. Захар Лапиков, проворный, худенький мужичок неопределённых лет, угрюмо ругался под нос, пуская клубы дыма, смешивавшегося с паром дыхания. Вчера, по пурге, у него застучал движок. И счастье ещё, что вспомнил он про ремень на промасленном ватнике. Зажал его кусочек шатунной крышкой. Кое-как сотню-полторы вёрст осилил, призывая на помощь волю, удачу и Бога, правда, иногда с матком, грешен был, право. Зато не успел отогреться, как стал героем: и БАО, и лётчики, и даже треногий «авиа»-пёс, прозванный Жиклёром – все они ожидали баранины, но что более важно – почты.

Сегодня, не отоспавшись, он вместе со славным малым с берегов Терека, тринадцати лет Гази-Магометом, был не прочь перетряхнуть 4,5 тысячи запчастей дальнего родственника АМО и штатовских «Аутокаров». Да вот беда: дед Мороз напал на Россию.

– Но ничего! Мы-то потерпим, а вот фриц с непривычки, если, конечно, выживет, может, не порадует фрау, близкий капут ощутит.

Его битое горем и рикошетом стекольной пыли лицо вызывало предельную жалость у сапёров и регулировщиц. Шрамы и болезненная хромота заставляли слезиться вдов и их потенциальных

сестёр. А когда он, сверкая улыбкой негра, заходил пожевать в столовую или за командировочным харчем, тонюсенькая сирота-еврейка становилась Гулливером Добра прямо на глазах.

Он не был одинок. Недавно пришло письмо от жерновецких (сам себе его привёз!) – слава те, Господи, чьи-то руки успели выдернуть семью прямо из-под гусениц Гудериана. Но сейчас словно пусковая рукоятка крутила мозг: «Захар, семь часов на ремонт. Заберёшь интенданта и гони лошадей своей «вагонки» к детдому, да учительницу не позабуди!» – так, с час назад, брал его в «оборот» полковник, глава всех «Пешек» – Важинский.

Гази-Магомет, смышлёный чеченёнок, крепко помог. К полудню Захар, проверив борта кузова, оперативно сбив скамейки и натянув тент трёхтонки, легко пустил 73 лошади своего шестицилиндрового «товарища», уже обладавшего завидной репутацией на фронтах.

«Жаль вот кабина деревянная. Сколько брата от баранки загубила она, кто считал? Ничего не поделаешь. Знаем, как холоднокатанный стальной лист нужен передовой. Однако, раскудрит «Мерседес» через коромысло, она без нас не передовая», – в момент наполнения бака какой-то низкооктановой смесью думалось ему. «Да! Помню, брат шофёрский рассказывал (не из тех, «воронных», и «эмочных» щёголей, парень Москва – Каракумы в 33-м с «Фордами» гонялся): – Захарий! «Балалайка» наша амошная почти цельнометаллическая была, ну да чёрт с ней!» – Захар явственно вспомнил друга и шепнул Магомету:

– Ты смотри! Никому, турчонок! А то до Аллаха не докричишься... Андрюшка-то, покойник, сказывал, полетели с середины тридцатых головы красных директоров и конструкторов, и даже НАМИ* кровь пустили. И-и-и, самовар мусульманский, что ты знаешь. Тебе б с горянкой обниматься да форельку ловить!

Туго, словно природа захомуталась в бурлаки, наступила середина январского злобного дня. Эхо ночного воя ветров, казалось, ещё трясёт шапки с гектаров сосен. Издалека слышалась канонада взаимного артобстрела.

– Вишь, пророк, который день палят для проформы, а я им снаряды вози! Где ж, батарейные простофили, ваша экономия? – торопясь, крикнул механику Захар.

Дорога, видно, его заждалась, ведь он был самый частый по ней ездок. По случаю удачно нагруженный ЗИС, с прищуром «по-японски» закамouflированной единственной фары, не спеша полз по припорошенной за ночь грунтовке, вдоль берега изредка стонавшей стыковкой льда небольшой, но глубокой речки.

Вторая, третья, четвёртая – потом наоборот. И так же тысячи раз – монотонно урчавший двигатель и неприятное одиночество

* Знаменитый на таланты автомоторный вуз СССР.

убаюкивали Захара, особенно на прямых. Парень русской глубинки, он телом и зрением знал эту заполярно-круговую, с позволения сказать, трассу и опытно гнал к спрятанному во мгле леса складу боеприпасов.

Узнал сержант об этом в последний момент, вырываясь из объятий юза близ КПП: Танюша, называемая Курочкой (родилась в Курске), правила шлагбаумом по привычке – лихо.

Какой-то неизвестный щеночный старлейт сунул ему в руки дорожную, да ещё прикрикнул, срываясь на фальцет (поэт! мать его...):

– Вези – не спеши, гони – не взорви!

– Тебя бы сюда без тепла; попробуй, малец академический, передачи дёргать, да карбюратор не застуди.

Попутчиков, может, к лучшему, не было. Все они тормозные – всё ноют, скулят они. А чего ныть-то? Будет умный да меткий на глаз бюргер-«лаптёжник», считай, всех в стокилометровом квадрате разбудим.

– Но будет, будет! – проговорил он себе, подыгрывая левой рукой задней оси на повороте. – Что ты, Захарушка, первый раз по медвежьим углам рейсуешь-скользишь? Дурь с утра в голову не тяни.

К радости его, артсклад был от центрального аэродрома недалеко – 15 вёрст, как обычно, с чисто русским, затяжным гаком. Обтекая знакомые выбоины и бугры, Захар всё больше думал о детях, которых предстояло забрать во вторую ходку: «Эх, полковник, они ведь не ящики для ПВО...»

Управился, как и планировал, быстро. Благо, заступила отдохнувшая смена – недавно прибывшие парни из-за Урала. Немногословие грубоватых шуток, крепчайший самосад на два перекура и – в добрый путь.

По прибытии разгрузка тоже не затруднила: зенитчики душевно не любили случавшийся голод в боеприпасах. Подхарчившись наперёд у Сары незавидной снедью, вполовину состоявшей из лендлизовских обязательств в виде приличного квадрата сала и почерстевшей краюхи хлебца, земной пилот, внимательно осмотрев радиатор, двинул, нащёлкивая передачи и слегка завывая газом, по маршруту – на город. Погода потихоньку, незаметно, стала мерзить. Внезапно потянул лобовой шквал с недалёкого моря. Возбуждённое дыхание хозяина ЗИСа и попутчика-интенданта не освобождало «ветровуху» от нагромождения рисунков в стиле Снежной Королевы Андерсена. Захар про художества морозяки знал. Под рукой был соляной раствор, и всё же не мог не улыбнуться втихушку при воспоминании о Герде и Кае. Любила его луговая Дюймовочка-Маша старинный иней страниц.

Трагедийно изуродованный бомбардировкой, опалённый город несказанно поразил его сразу на въезде. Причудливые «бороды» ЛЭП, крошево железобетона, предметы без названий и «опилки» от пулемётно-пушечной пальбы люфтваффовцев, немыслимые связки арматуры и тягучий, зажимающий запах пепелища судеб – всё это успокоило тем, что месяц шла интенсивная эвакуация.

У фундамента бывшей школы горел слабенький костерок. Братья-шофёры, по очереди, зачастую вприпрыжку, обогревали распухшие руки, балагурили, кляли немцев и грели кипяточек в латунном жбане на пару литров. Развести огонь посильней не без основания опасались – дебилов за штурвалы «Хейнкелей» и «Юнкерсов» в рейхе не призывали.

Потянуло было к хлебнувшим лиха, тихим и неприметным героям-коллегам, словно нарушился развал-схождение: поговорить, сальцом поделиться, о новостях расспросить. Но суровый взгляд интенданта (кто его знает, может, парень из ГПУ) остановил духовные и желудочные подвижки.

– Курс на детдом, сержант! Кушать будем по окончании боевой задачи. Нам ещё к паровозу поспеть, а там у станционных, пожалуй, и заночуем.

Изрядно помучившись из-за потери былых ориентиров, Захар молча крутил свой «глобус», представляя, как здесь живётся сиротам. Многие ведь не были ими всего месяц назад.

Сухо подвывая трансмиссией, завёрнутый в иней ЗИС, словно недовольный дурным бензином, и то начал постанывать раненной в былом рамой, попытался заглохнуть. Шутка ли! Был бы спидометр, счётчик пробега показал бы сейчас, что старина – на финише второго булыжно-трактового круга. Пыли хлебнул он круто. Не раз «железяку» мучила жажда. Сотни раз, разрезая иглами фар дожди и метели, проходил летучий русский через туман, повизгивал клаксоном советским «Фордам» на Волге, не терял мощности на «линии Сталина». А сколько спас раненых!

Захар не дал сплеховать ветерану, мысленно и физически общаясь с ним. Интендант задремал. И вот, наконец, знакомый поворот согнулся змейкой – улица Сталина.

Улица, конечно, была не Вождя, а народная, и народ за неё так крепко и исключительно неподражаемо, жертвенно стоял, что казалось, крестоносное вражьё окончательно потеряет магнето, посадит «аккумулятор нового порядка», попутно открыв с десяток-другой известных и безымянных кладбищ. Стояли русские насмерть. Падали, но продолжали стоять.

Раздумья Захара прервались каким-то муравьиным шорохом и по-кошачьи хитрым поскрябыванием его простреленной «мессерами»

водительской дверцы. Сквозь муть бокового стекла на него смотрела пустота. Чернота размывала силуэты, трещина, королева-ночь воевала со всеми.

Выйдя из заглушенного авто, он подивился, кто бы это мог быть. Районные «околышевики», говорят, частично спалив «бумаженцию», погрузились на всё, что двигалось на неделе. Да до дверцы было не близко: подножки упразднили, беречь нечего – отступаем.

Вдруг по правому скату заскрежетало. Звук консервной банки неприятно резанул слух. Появилась голова маленького человека – не то пацана или заморенной голодом девочки.

– Дядя, ты кто? Тебя генералы за нами прислали? – еле слышно, придавлено пропищал шестилетний ребёнок.

– А мы с Витькой тебя целый день поджидаем! Чо ж припоздал, дядька? – суровее и громче проговорил он. – Можно в кабину?

– Эй, товарищ капитан! Освобождай пространство! В автополку прибыло, – с трудом выдавил он из себя, пытаясь внезапно задрожавшими, чёрными от ужаса дорог руками крутануть «козью ножку».

Ржаво пропела петля. Интендант, едва не упав из-за отёкших ног и недавней тряски, виновато и скупно улыбнулся.

– А где же Прасковья Андреевна, гросс-мамаша ваша? – сбалагурив и хватая ребёнка под попку, с серьёзным видом проговорил он.

– Чей будешь, малой? Как зовут, будущий наш хранитель? Верно, об истребителях Поликарпова мечтаешь?

– Карп.

– Да ну! Ай да русич! Редка рыбёшка. Всё больше зимой по ямам спит, – шутил Захар, молнией припомнив барских салухов и карпят, что водились в пруду помещицы со странной фамилией Дорф. Отец, помнится, плотвицу туда с реки запускал. Зёрна подбрасывал, потом сократили барыню с внуками, как и её фамилию. Революция.

– Ишь вы, заковырочные, – жуя вручённый капитаном сухарь, отходил мальчонок.

– Вот вы, защитники наши, скажите. Тётя Паша вчера до-о-о-лго-о плакала, говорила, немец убил брата под Волоколамском. В декабре было. Только вчера узнала. Слышали про наступление и про Пирл-Харбор читали, но почему фашисты так далеко зашли? Как так? Все знают, русские не одним лыком шиты.

Молчание. Долгое, с виду беспричинное молчание и нервный хруст сухаря в клубе махры, не прошедшей затяжку. Где-то на окраине взревела сирена. Ночное небо расчертило зеркало десятка прожекторов.

Пират Люфтваффе

Завьюжило...

Поклон за каждый метр дорог!

– Каждый день бомбят, – слезливо продолжал Карпик, – каждый день, ночь. За что, спрашивается, наш город не может спать спокойно?

Пара воинов столкнулась с не по-детски взглядом на мир. Кто знает, чем закончился его кровоточащий монолог, если бы паренёк не воскликнул:

– А вот и наша любимая тётя Паша! Дюже способная.

Тёте Паше на вид было лет пятнадцать. Полутораметровый подросток, придавленный болью войны. Интеллигентное лицо, словно лакмусовую бумажку, профильтровала быль былой оккупации. В бездонных глазах с тенями недоедания виделась потеря родни. В угадывающейся зарождавшейся прекрасной фигуре просматривались старческая сутулость, плети угробленных непосильным трудом рук. Одежда не имела языкового описания.

– Я – за директора интерната, – звучно и так убийственно для взрослых мужей скороговорила она. И кинжальный ком нервной, а не курительной одышки, перекрывающий сердца, начал душить полубомброженных пап.

– А где же остальные? – капитан, увидев в ней убитую в июле жену, хлебнул спирта из фляжки.

– Пппа-шенька, где остаа-льные? – переспросил он, стараясь заглушить истерический озноб, который изредка посещал его после проклятущего лета.

– Да вы, товарищ, душу-то не рвите. В бомбоубежище все. Только не двадцать, а восемнадцать.

Молчавший Захар был словно пронзён штыком.

– Как восемнадцать? Вчера же...

– Вчера наши «дорнье» сбили. Мальчишки постарше, раньше нас на «разведку» пошли – под ним и погибли.

– Ну, зови всех, поедом. Даст Бог, переправим вас в Среднюю Азию!

– А мне мама говорила, там солнышко большое-пребольшое. Да, дяденька? – с грустью спросил Карп.

Прасковья Андреевна вернулась минут через семь. Те, кого она привела, представляли собой самое несчастное из всех несчастных зрелищ, что породила война. Это были маленькие тыловые герои, не познавшие радости, ласки, любви, внимания, счастья; это были мужественные свидетели цивилизованной омашиненной бойни между народами – не подранки, а полностью искалеченные дети войны. Отнюдь не с Арбата.

Но они хотели подсознательно жить, пить, есть, расти. Они уже думали, КАК убить армию крестоносцев.

Пресс многотоннажной боли сжал сердца военных. Капитан Хромых и Захар испытывали тяжесть вины перед ставшими для них своими сынишками и дочурками, а ведь её не существовало. Время

лопнуло вне циферблата. Отцам, и мужьям представлялось, что их ЗИС выехал в вечность, в великую чёрную дыру трагедии XX века, причём не обозначенного созвездия.

Капитан Хромых глянул на переправленные военкомом отцовские часы. Как вчера: «Халхин-Гол, Жуков и Чойбалсан, Рычагов, Смушкевич, их друг по Испании Шахт, Кравченко и Грицевец. Где искать могилу бати? Был и нет!»

Прошло с первой встречи с Карпушкой пятнадцать минут.

– А ну, грузись! – сбросил кандалы горечи Захар.

– Жмись друг к дружке. Парой рук за лавку держись! – кричал он, подсаживая ребяташек. – Я вас так прокачу, письма писать мне будете. А, может, после войны и на судаков с жерехом выберемся, как Карпий?

Мороз и впрямь обнаглел: 40°, не меньше. Капитан уселся в кузов последним. Задёрнул тент, раздал детям шубнины, захваченные с собой, передёрнул по справедливости и солому. Он боялся этих 70-ти километров, как и Захар, больше всего на свете. Кто может видеть ночь, то бишь, будущий день в миру? А тут...

Мины, мессер, снайпер и шмайссер...

Выехали. Самостоятельно, не дожидаясь утренней колонны. Поезд отходил на рассвете. Лапиков, чувствуя себя внутренне постаревшим, усиленно вжимался в руль, старался мягче работать сцеплением и переключать передачи.

Он вспомнил, как возил тяжелораненых моряков Балтфлота, и прилагал максимум усилий, чтобы не беспокоить будущее поколение, которому было абсолютно всё равно, жёсткая ли, мягкая на кручение рама, тракторные обороты и малые свесы сзади и спереди.

– Мученик, великомученический наш народ! За что же пропасть такая из века в век, неужто из-за земли? У них мало – у нас до чёрта. А братец жёнки говорил: «Лагеря, лагеря, Захар, вокруг границ, лагеря».

«Тьфу, клеймёны мы, в чём-то прокляты! Царь, вишь, был иродом. Так ли было? А колхозы?» – мысли мучили его, и, кивнув сосредоточенно смотрящей на дорогу Паше, бывший выпускник районного автотоклуба при ОСОАВИАХИМе плавно нажал на газ.

– Странное дело, полпути за спиной, а «мамаша» не спит, молчит. Боже, за что нам это. Ну вот и руль что-то тянет влево. Добожился, покрывки вы мои архаичные.

Притормозив у леса ближе к обочине (штабные «Вилли» и ночью «летают»), Захар вышел и оказался прав: левый передний скат поджевало. Осветив фонариком другие, решил помаленьку ехать – вёрст двенадцать осталось, но с оказией: хреновым гаком.

Гак – что ручник; крутишь на протектор сотни метров его, а он (до чего ж гадкая русская мера длины) никак не кончается.

Гак – бывает предатель. Сотни вёрст добре прошли. Хоть в клаксон во всю мочь дуди, и вот – гак; словно гав, гав, злющий, как волкодав.

Легендарный ЗИС, медленно в лёгком крене полз, упрямо полз вперёд, к дому. Тяжесть руля в навалившем за ночь снеге становилась невыносимой. Глаза от перенапряжения и хронического недосыпания свинцово тянуло закрыть. И ноль было толку от слюны по векам: величайшим счастьем представлялся СОН. Захар не мог бросить остаток сил на запаску. Времени у них с Хромых и ребятишками не было. А тут ещё Гази-Магомет явился с вечной улыбкой – «И чего ж я его не взял. Просился ж, как маленький, мол, когда славный город России увижу».

Капитан, не дававший заснуть малышам (мороз ведь убийца!), тоже смекнул, в чём дело, хлопнул по захаровой крыше. Остановились.

– Что, орёл, думаешь? Может, дотянем? Рассветает. Паровоз, сам знаешь, через три дня.

– Нет, не успеем, – выдохнул правду Захар. – Привал надо делать. Кипяточку согреем, сальца порежем. Есть второй фронт – тушёнка. А? Капитан?

– Да... Что ж...

Завтрак всем поднял настроение, сняв грусть опоздания по известной причине – голод не тётка. Тронув через полчаса и удивляясь отсутствию ранештабных авто и мотоциклов, «детдом» в полном, новом составе порадовал авиамаршем, отрепетированным ещё до войны.

Слеза вновь накатила на Захара, когда Паша непроизвольно, невзначай вспомнила, как осталась одна. «И как земля носит таких, как Геринг? Читал, помнится, – ас Первой мировой войны.»

На глаз оставалось не более пяти-шести километров. Дорога вынесла ЗИС из прибрежного бора. Лишний вираж, словно знак, обозначил приближение к концу пути.

И тут. Знакомый звук, то был звук смерти. Он шёл с небес, и направление его было не трудно определить Лапикову. Он одиночно ныл с того берега, что был немецким. Отлаженная работа дюжины поршней говорила Захару о «Даймлер-Бенце» – сердце пиратствующих в одиночку «мессеров», которых не тормозил от атаки даже Красный крест.

Сержант помнил заповедь «искусству пилота ставь условия искусных гонок земли». Он ненавидел страх и знал, что он обречённый, хотя случайный попутчик. Высунувшись в окно, тщедушный смельчак видел худой фюзеляж, угловатые формы и солнечную искру фонаря. Представил лицо сына барона с опытом

африканской войны и европейских сражений. Он неистово, с шестерёночным скрежетом, подтолкнул вторую передачу и решил идти на гашетке, на высоких оборотах. Назад в лес уже пути не было.

Паша что-то кричала, Хромых молотил по кабине, как одержимый, но Захар их уже не слышал. В семистах метрах, он помнил, – оставленная землянка радистов, и, выжимая потроха ЗИСа напроць, жал, жал туда.

В первый заход «109-го» отважный шофёр мастерски ушёл от атаки, нырнув в котловину грунтовки, на этот раз (который раз!) выручившей его. Захар забыл про крышку, которой, видимо, давно не стало. Руль стал легче, должно, скат приказал жить. Секундно мозг считал метры без ландшафтных «зацепок». 150, 250, больше трёхсот – где? Осинка. Вот осинка. Она! А «мессер» заходит, чуть клюя носом, вновь.

– Капитан! Здесь землянка, помнишь?! Спасай детей!

Спрыгнули все, успели. В шаге землянка от них, бежать запрещено – трассер настигнет. Бледный Хромых заталкивал в неё, будто автокамеру, немощную девочку. Дети спасены! И тогда пулёмётные очереди, пошли сечь, будто кнудом, с присвистом топили снег, кратко повизгивали скупой сечкой мёрзлой земли.

Рванулся в буксе Захар прямо, как птица, спасающая дитя у гнезда, в тот миг, когда «Ме», завывая на брющем, метнул снаряд «Эрликона».

Зажжён был ЗИСок мгновенно. Долго потом катилось здоровое его колесо, похрустывая бликующим настом. Трескуче пылали борта и кабина. В отсвете пламени казалось, что след протектора полит кровью, а стёкла покрылись паутиной трагедии, словно лоб столетнего старика. Сержант выпрыгнуть не успел. Не сумел. А трёхтонка ползла на берёзовый пенёк.

Слёзы катились градом из глаз капитана, судорожно рыдающей Паши. Не было слов у детства – дети, оцепенев, стали на время немые.

* * *

Потом, когда всё утихнет, Победу отпразднуем мы. 18 седых ребятишек приедут сюда, спустя 54 весны. Поглядят землю, поплачут. Наркомовских сто нальют. И правильно, что всплакнут, Захария они помянут.

Ваня Хромых, отучившись на стрелка-радиста, прошёл Европу, Гоби и Хинган. Дважды был сбит с командиром эскадрильи пикировщиков Цветовым. Дослужился до майора. Позже не раз выручал в страду и на целине, будучи начальником ПАТО.

Прасковья Андреевна станет его женой, защитит кандидатскую по Макаренко, и не устанет повторять воспитанникам:

– Запомните и славьте прадедов, дедов, отцов, братьев, мужей и сестёр. Не забывайте, что Тыл в лице миллионов матерей и жён вынес невыносимое!

На новый памятник Шофёрскому Подвигу в правительстве средств не нашлось. По чести, машины-то есть: стоят с белым кантом покрышек, ржавеют на свалках, ожидая металло-Бендеров, уходят на пол-аршина под землю под дождём и снегом. Жаль, что ни МВФ, ни Голливуду, ни КПРФ они не нужны. Забыли, власть и иже, что нет ничего позорней стыда беспамятства?!

Боль прошлого, боль Человечества в войнах и святая память не будоражат почерстествовавшее поколение.

Что ж, ЗИС – Забвение и Слава – нераскушенный орех многих тысячелетий.

«БРАТ МАЛЕНКОВА»

*Памяти репрессированных
в родном Отечестве*

... Они проснулись посреди ночи от громopodobного улюлюканья сирены и влажного пара, внезапно окутавшего их «батуш» – потный подвал.

– Прорвало! – просипела тень, чертыхаясь на топчан – наспех сбитую пивную тару, уморившую рёбра, словно тисками.

– Чего делать-то будем, Шляпа? – продолжал голос из невидимого угла, дополняя вопрос шороховой вознёй будто стадо Шушер из сказки подрежимного писателя Алексея Толстого.

– Пойдём, что ли к вокзалу? – хрипло пробасил его друже, шаря по карманам в поисках спичек.

Пристанище их было тёплым, однако ж шпана малолетняя свернула электрозаветы Ильича. Любопытный народец: дома жевнуть нечего, кроме тошнотиков да редко лошадиных мосоложек, штаны американские поизорвали заборы и покрывшиеся репьями злобные дикие и не очень псы, а ребятня на последние гроши шпарит на рынок за голубями...

Им обоим страшно хотелось спать после дневных мытарств за обедками и болезненно унижающим нищенским подаянием. Ходили по очереди по дворам, сначала крадучись, потом обнаглели. О, как им позавчера повезло! У людей, видно, с головой не в порядке: кинули в мусор початый, правда, подкисший торт и в придачу пяток голов жёлтой, ядовито-солёной тарани. Пир на весь теплотрассный мир. Подфартило им с «гагарой», и никто из них так и не узнал тогда, что

ели они со стола секретариата УНКВД. Хорошо ещё, что не узнали; поперхнулись бы от «темы праздника» – «перевыполнение планов по статье 58 со всеми подпунктами»... Одним словом, «тише дыши» – всё не говори. А завтра «генералы» кварталов, на радостях малой сытости, в поиске небитого винно-водочного стекла и не заметят, что солнце за горизонтом.

Теперь временное упоение чрева было прошедшим. Жизнь продолжала ворочать убожеский дуэт и сотни таких же лиц, промышлявших от заката до рассвета. Спеться с уркаганской «крышей» или поступить на должность «накатчиков» они, по ясному разумению, не могли: стена между уголовниками и политическими была выше Джомолунгмы...

Дундук зримо вспомнил невесть с чего «Межу» – редкого товарища набекрень – Менжинского. – У-уу-уу! Скотина! Это ты сделал меня таким. За что превратилась в ничто житуха на восходе коллективизации?! Сегодня же – хоть бы горбушку чёрствую от сердца вручили!

Общество, годами видя скитальцев, не замечало их. Страшноватые, обрюзгшие и похожие на неандертальцев, они вдвоём перемещались из Колымы, прячась в товарных «джени» почти год. Был с ними третий – беглый «враг народа» Демьян, мотавший сроки-этапы не за «мокрый гранд», – убийство с кровопролитием или грабёж с похищением домашней животины. Грех сказать, за что получил 10 лет ИТЛ с намордником: пчёл выращивал, местным дьякам помогал, а по выходным портретом всесоюзного старосты Калинина мух да оводов бил. Рассказывал, как маялся с роем, не шёл в колхоз. Усмотрели пионеры – смеялся, когда заворачивал мёд в «Правду» с Кагановичем, коий отвечал за массовую «экскурсию» населения в мрачный «город Катаев»...

Шляпа, крякнув, всхлипнул: пропал бедный самодур-пчеловод на безымянном перегоне, местной огненной воды захотел...

Зажравшегося вида конвоиры, неистовый лай доbermanов режима и засовный скрежет в колюче-барачном периметре долго не отпускали их память и без того стёртую надломом хребтов на лесоповале. Бывало, блатюги и ссученые на стороне шхерются, шарят места полегче. А им – «политикам 58-м» – зэкам с лживым приговором, к вечеру бинтануть руки нечем. На руки ещё подышать можно было, но ноги... Ощущение было таким, что их ампутировали! Морозище безумный, цинга, туберкулёз, обмороз насмерть и ППШ над затылком. Чего только не видали, когда освещалось будущее канонадой салютов и наши «танки быстроноги не сдавали»...

Шляпа не имел бирки на перешитой под гражданку робе, не было у него и ксивы за пазухой. Он никогда не был до удавки ГУЛАГа

и Шляпой. Где он родился, клички давали только собакам и скотине, вспоившей собой индустриальную мощь СССР. На родине, в Копытцах, он числился без вести пропавшим Александром Никаноровичем Шляпниковым, лётчиком-истребителем энного ИАП. Впервые схлестнулся с воздушными самураями Хирохито в Китае и на Халхин-Голе. Прослыл жохом, освоив бипланы и монопланы конструкции Николая Николаевича Поликарпова. Участвовал в «войне незначительной» – Финской кампании. Сражался против «Суомен Юлмавоймат» из числа истребительно-бомбардировочных эскадр генерала Пааво Талвела. И вот... над родной землёй сбили, кровоточащего и обгоревшего били, а он молчал. Пахал потом за троих, словно «ишачок», в лагере. Англичане посылки через Красный Крест мнут, – русскому от головы до паха прикладом. «Коммунистен швайн, камисар юден» – лексикон «бельзенского зверя» Йозефа Крамера был незабываем...

В 1945-м думал, счастье пришло: освободили ребята генерала Джорджа Паттона – весёлые янки – а за свободой приговор и этап. Такая вот «могучая авиация страны социализма»...

Дундук – Василий Анатольевич Атаманов отличился на виражах предвоенного лихолетья, сев за рычаги лицензионного тракторишки, здорово отстающего от гужевой вечной силушки. Ровесник Цусимы, он крепко прикладывался к чарке и под неё слагал «антинародные» частушки. Вихрастый завсегда «пяточков» у пруда тогда, он сейчас мог вдарить по клавишам и разогреть «бытовым» мышцы с мозгами.

«Полетели купола в речку неглубокую...

Не мешало б сбрить усы туруханцу подлому.

Надавлю весной педаль —

Пропласткую землюшку!

Брат вчерашний—кулаки —

Бьёт с обреза в спиночку».

Попел, попил и – доулыбался: 10 лет ИТЛ с поражением в правах на три года. Семьи не создал. Червонцев в погребке, трясясь, не прятал – один в поле воин...

...Дети подземелья топали, не поднимая ног, почти безкаблучными сапогами под крыло вокзальной крыши, они ещё надеялись на добрых людей. Паровозное депо пыхтело и перекликалось перестуком и возгласами ремонтных бригад. Вдоль состава «колдовал» знакомый смотритель вагонов – «папаша» их тормозного благополучия. В стороне в лучах освещения виднелся дымок, резким и редким свистком напоминал о себе маневровый, а по всесоюзным путям пел на стыках Симферополь-почтовый.

Вздохнули едино оскорблённые и униженные страдальцы: мысли вылетели, как подброшенная пара сизарей к облакам.

Это вроде бы
машина «Скорой
помощи» идёт...

«Сталин ничего
не знает!»

Тень над ГУЛАГом

ЮГ – море, фрукты, коробка «Казбека», летние синема, рестораны и вино, огни рампы и «гарандессы»...

И хотя машинист, словно чувствуя их думы, протяжно поиграл паром, звук которого растворился над сонным городом, режимная явь выжимала их курортные мечты и надуманные желанья однотипно системе работы виноградной соковыжималки. Здесь, в центре страны, как впрочем и всюду, давились не ягоды, а человеческие судьбы. Молитвы не помогали. Кругом жили новые мишени, однако не все чувствовали себя таковыми.

«Кушать, а завтра ехать, да не попасть в лапищи «ребят» из Особого треста по очистке облцентра от вредителей и грязи общества» – вот что лишало их покоя и сна...

Бухая заполярным отголоском так и не вылеченной простуды, Шляпа поведал корешу о том, как бывал в этом городе «туристом» ещё до войны.

– Славный городишко! Оставил отец меня с чемоданами, а сам в кассу пошёл за билетами. Минут через десять чапает носильщик: «Пацан, папа уже на перроне, велел подсобить!» Ключнул я, малёк несчастный. Глядь, а «банщик» улепётывает, миг – и в толпе растворился. Ах, как батяня ухи мне в тот день накрутил, век не забуду!

Дундук, помня о пяти «юнкерсах» и паре сбитых Шляпой «мессеров», от души рассмеялся. Наивный «беззеник» поневоле и, к горечи своей, в натуре, он по-простецки подумал: «Россия, великая наша Русь, геройская моя Родина, подневольная рабыня и лжица! Кого же и как ты допустила править тобою? Люду ты в себя приняла в наши тридцатые не меньше, чем в опалённую годину войны...»

Вдруг из-за памятника вождю их окликнули: «Стоять, бродяжня!»

Они, не сговариваясь, тут же побежали, молча, не глядя под ноги, в спасительную темноту. Взрослые мужи перемещались столь шустро, что, увидев их бег со стороны, можно было подумать – они подростки. Величайший страх оказаться в зоне под запором, в рыке команд и беспределе беспорядков, прикрытых распорядком – уставом, наконец, кодексом при единой для всех овёсно-свекольной баланде, жал их к земле – только бы не пальнули, только бы не облава...

Душераздирающе голосил шарик в сантиметровом пространстве свистка, разрубая ночь надвое по следам якобы бандитов и мародёров. Впереди, опережая погоню, завыли злобным речитативом местные баскервили с кормом из государственной миски. Сознание преследуемых ещё более затуманилось: «Засада!!!» Им казалось, что овчарки хрипят в полубешеной пене басом извечно картавящей «Тройки» – «10 лет без права переписки, 10 лет... расстрел».

Полнейшее безумие ворочалось в голове тиком секундной стрелки и хотелось кричать на весь мир и грызть соотечественников зубами за свои потерянные ни за что жизни.

Неудавшийся танкист Василий, словно беркут, спикировал от света фонарей на пути. Он ломился по шпалам, не оглядываясь и не видя товарища по беде. Не слыша ничего и несколько раз упав, ударившись лбом о рельсы, не чуя хлынувшей крови и искр из глаз, он чувствовал, что его вроде не заячье сердце на грани вылета. Тут его со спины и покрыла насмерть дрезина...

Кощунственно лишённый наград ас боевого пилотажа товарищ Шляпников никогда не узнает об этом. Ему «замкнули стрелки» чуть позже, когда он думал, что спасся, запрыгнув в мусорно-пищевой ящик у харчевни локомотивного депо. Увы, нюх немецко-русских собак под ажиотаж травящих человека кинологов привёл Никанорыча к телесным травмам от прикладов, крепкой дозе успокоительного и «перевороту на лицо».

Процеженный диктатурой город спал, не ведая о новом витке чисток, хапающих, будто рогатый монстр, рядовых и крутых сограждан. По его мрачным улицам, пугая очень редких прохожих, мчалась «брюнетка» на базе ГАЗ-АА, та самая, что задумывалась для гаражей «Скорой помощи». Ревели её 50 «лошадей», везя шестерых охранников на одного мужика и нервный водитель сдвигал воем клаксона ранних автотружеников дорог. Разномастные полуторки, эмки, студеры и виллисы как бы нехотя шуршали «мячиками» и жались к тротуарам. Никто из смертных не слышал криков орденоносца:

– Пустите, мясники! Вы не знаете моего папу! Он брат Маленкова!

Час спустя вошло кровавое солнце, озарив багряную карусель листопада октября 1947 года. Диктор Левитан ещё спал. В двух полушариях неизвестными людьми шёл штурм распада вещества и реактивной эпохи, а репродуктор плакал оскоминой: «Широка страна моя родная, много в ней...»

ТРЯСИНА

(Рассказ ветерана мотопехоты Вермахта)

Штуттгартец, фельдфебель «бээмвушно-цюндаппной» мотополиции Отто Бёренброк довольно долго приходил в себя после ожесточённых песчаных гонок под флагом Роммеля и Грациани. С появлением «Томагауков» и пушечных «Харрикейнов» американско-

английского содружества и после гибели десятка друзей с гоночным уклоном ему день за днём приходили кошмарные сны.

В этих «оттяжках» разума почему-то снилось, что его убьёт обожаемый и ухоженный BMW, намотавший карданом без малого пол-Европы.

Здесь, в нескольких милях от Эль-Аламейна, Отто ощущал себя крайне дискомфортно, представляя, как любимица Эльза пометёт юбкой после его триумфальных похорон, в очередной раз приснившихся ему под беспардонно-наглый лай рупора Геббельса.

Очнувшись и задымив трофейным «Кэмэлом», фельдфебель что есть дури наподдал обнаглевшего и линяющего Рамзеса – вороватого кота, явно недостойного столь громоподобной клички. Протяжно взыв, тот поспешил ретироваться, попутно шипя проклятия, которых хватило бы на всю Долину Фараонов. Отто, цокая сапожными подковками, пошатываясь от вчерашнего шнапса, решил проверить часовых гаража.

Попытка застать собратьев врасплох резко нарушилась его стоном – сам не заметил, как налетел на ненавистный кактус. По слуху отчётливо кляцнул затвор.

– Halt! Wer ist das? – Стой! Кто это?

– Ehrenwache Spioneabwehr, – Почётный караул контрразведки, – пошутил неудачный ревизор над охранником.

– Teo!? Die Welt ist klein! – Тео!? Как тесен мир!.. Думал, что дремлешь, а мне кошмары душу не хуже приклада давят. Не слышал, о чём в штабе шепчутся? Дорогой мой, послезавтра на транспорты, а потом под все калибры на Восточный фронт. Прощайся, парень, со своей портовой Рафаэлкой. Её теперь ни Муссолини, ни Арчибальд Уайвелл не защитят; готовься к смерти, берлинец...

И вправду, бывший затейник погромов Израэлей под повязкой Гитлерюгенда был в курсе предстоящей передислокации через Средиземное море. Он старался проявить максимум мастерства каллиграфии, трижды заполняя бумагу, пытаясь дать понять Эльзе, что на Северо-Африканском без перемен. Написал о чествовании при штабе «Лиса пустыни» бесстрашного аса Ханса-Иохима Марселя, известного как Звезда Африки. Отто крепко завидовал ему: Ханс был много его моложе, проявлял жуткое снайперство. А он, никому не нужный и неизвестный земляк Екатерины II, уже на курсах вождения мечтал облачиться в форму Люфтваффе и на равных «поговорить» с «Мессершмиттом-109» ещё в годы испанской славы легиона «Кондор»...

Отмахиваясь от вонючей керосиновой лампы, он вспомнил, как сопровождал Эрнста Удета после испытаний пикирующей «Штуки», когда тот едва не убится. Тогда он понял, что если уж падать, то

лучше быть за рулём родной «бээмвухи», пусть даже пятисотки «Мото-Гуцци» из ряда апеннинских профи. Казалось, что всё было так недавно! Однако к реальности вернули опрокинувшиеся чернила, одолев затем стиркой его свеженькой униформы под цвет Сахары.

Случилось так, как он и предвещал: N-подразделение мотопехоты ехало теперь напрямую в пасть ада – под Т-34 и «Катюши» сверхжестоких пролетариев...

– Что делать? Великая Германия превыше всего! Да и опостытели эти египетские и мерса-матрухские барханы; того и гляди – в один из них превратишься...

В пути, где-то под Краковом, знакомый оберст, крепко приняв в затхломе и обнищавшем вагоне-ресторане, усугубил опасения, говоря, что со штурма Вердена не попадал в такой мясорубочный ужас, который познал под Ельней. Но Отто выпала карта покруче – его и фреундов ожидали партизаны и болота Белоруссии. Стучали по темечку колёса на стыках, и коньячная муть свербила в мозгу: «Отто, ты не вернёшься. Отто, ты последний мужчина в роду»...

Он подсознательно чувствовал, что события, развернувшиеся против Фатерланда, уже не повернуть вспять любыми моторами. Оформляясь в комендатуре под крыло бургомистра взамен убиенного взрывом на прошлой неделе, он немало похлопотал, чтобы «прописаться» поближе к оживлённой трассе и населённым пунктам. Судьба же распорядилась иначе, она не брала взяток и выставляла вперёд своего главного слугу – случай. Комендатура спешно сколотила отряд – пару БТР с пехотой и дюжину мотострелков с «МГ» на колясках. Отто с большой неохотой выступил на марш по просёлку – любой из виражей мог стать не только для него последним.

Когда прибыли в дальний, скрытый дремучестью хутор, ничто не предвещало опасности. Скучная животина, грязные дети и постаревшие от невзгод бабы тяготились «опекой» новых хозяев и молчали как рыбы.

Отто не стал давиться склизлой картошкой без постного масла и духотой в хате. Пожёвывая НЗ – галетный эрзац с остатками смальца, он вышел к обстрелянному не раз BMW, привычно качнул туда-сюда вилкой и, отгоняя страх, сковавший мозг в этой чёртовой дыре, решил прожиганить ко второй усадьбе на взгорке.

Звучно перегазовывая, стрекоча утробными силами верхнеклапанного двигателя и характерно «отхаркиваясь» хлопающей по ушам отсечкой выхлопа, его внезапно потянуло на былое каскадёрство.

«Побаливал» бывший участник стартов в Нюрбурге «детской болезнью» — ловлей центра тяжести как себя, так и аппарата, поднимая в воздух коляску. Взбалмошный фельдфебель душевно

молодел, вспоминая по ходу щелчков передач, как он гонял «интеллигентов» в мирное время, когда во главе штурмовой мотобанды накручивал десятки метров на заднем колесе допотопного, но удачного «Чатерли». То была дурь молодых поветрий и пора шокирования уличных и квартирных мэдхен и мэм. В землях Русланд было не до браваурного ребячества – просёлок ломался, в точности, как ступенчатый кроссовый серпантин.

Крутанув «жука» и чуть было не завалив изгородь, Отто уморил мотор интенсивным разгоном: пару раз чихнув и передёрнувшись словно в конвульсиях, движок обозначил режущую уши тишину.

Проматерившись, он спрыгнул с мотоциклета, пожалев, что под ним не его любимый одиночка — трофейный «Харлей» мощностью 25 «кобылиц». И тут Бёренброку стало не по себе: прямо на него, бесстыдно виляя бёдрами, шла сисястая молодайка с хлебом-солью на рушнике...

Фельдфебель впал в транс глухонемого, только вчера болтавшего больше всех во хмелю, – короче, был в полном шоке. Всякие Лолы Монтес, Ольги Чеховы и Марики Рёкк были на фоне этой девицы ледяными вековухами с неопределённой пропиской. Он потерял разноязычный запас слов, и единственным, что он промямлил, было:

– Аусвайс!

Улыбка женщины била все вайсы без пороха, магически расслабляла Отто и невольно ложила его на лопатки, а речь лилась так, будто немец помнил её с рождения. Ему на миг показалось, что сирены – не сказка. Балуюсь крестиком и давя энергией взгляда, хуторянка молвила, опуская смоляные ресницы:

– Фёкла, герр офицер, Фёкла...

Он рассмеялся – всё равно, что полный бак залила! С признаком большого опыта она плюхнулась в люльку, магнитно стебанув по глазам Отто роскошной пышностью стана и розовостью бесподобных ног. Национальное «декольте», которое не увидишь ни на штрассе, ни на Монмартре, было по-простецки шнуровано плетёной бретелькой, его взвинченно тянуло раскрыть, а грудь с отпечатавшимися на ткани сосками вздымалась столь вызывающе, что доводила Отто до робости.

– Едем, голубчик, к речке. Банька там у меня, выпьешь-закусишь. Вдовствую я, горемычная дура, со времён Катинских расстрелов... Ну, что, наглый ты кобелище, слюни-то распустил? Говорю, трогай!

Пришлось тут фельдфебелю из кожи вон попрыгать: всегда с полтычка мотор заводился, а при встрече со Синдереллой проявил себя натурально «дойче швайн».

Мотожандармы на чужбине

Позирование перед смертью

Топь

Это было в Беларуси

Героиня подполья
Е.Г.Мазаник

Тронулся ловелас с толкача, дело под горку было. До речушки, Фёкла сказала, рядом...

Пять минут пути не насторожили его – один глаз на дорогу, другой с радостью и, не моргая, на хуторскую богиню. Ему сердечно хотелось петь что-нибудь навроде танго «Неаполь», но красавица писаная отрезвила его мечты:

– Тормози, малый! Ставь драндулет, нехай остынет на пригорке. Пешочком малость пройдем. Банюшка моя в низине, оттуда не выберешься. Грязюка... Гросс-торф...

Привыкший к мареву песков «африканец» нервно заёрзал в седле, сожалея, что его аппарат не имеет привода на коляску как у друзей – владельцев «Цюндаппов». Но основной инстинкт сломил чувства завоевателя. Доверился дурачина чужой земле, чужой бабе и про Эльзу даже не вспомнил.

За бугром не было мыльни. Едва ступив на хлябь низины, Дон Жуан рейха ушёл в неё со «шмайссером» по самое не балуйся. Он не мог шевелить ногами в этом хлюпающем зловонии газов: они представились ему ступнями водолазов. У него не было слезы, рядом не было собратьев. Дикий страх молниеносно зажал его в тиски, которые не раскручивались. Фёкла безостановочно и надрывно смеялась, и эхо смеха аукалось в его перепонках приговором к смерти. Он понял, что эта большевистская ведьма не задаром училась крутить бюстом и ягодицами. Генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе знал о пропаже у Ползучих Дворов «лесных братцев» Акинчица и людей Ивановского, но и его уже выследила Лена Мазаник.

...Недолгая агония держала врага в объятьях: Отто захлебнулся трясиной, поданной главным хирургом партизан на десерт. Крики и хрип фельдфебеля никто не услышал, хотя овчарно-карательная братия сбилась с ног и крышишек в вечерне-ночных поисках. Всё, что осталось от спутника нацистских головоломов и преступлений запечатлелось в постскрипуме последнего письма Эльзе: «Милая! Не флиртуй, вернись, зубы повыбиваю!»

Немного «пожил» и BMW, четырёхтактный ветеран с дуплексной рамой – оттаррахтел своё после теракта в мае 44-го...

* * *

... – Вот и вся история про гонщиков опалённых лет, господин писатель, – устало вздохнул сосед по купе, белый как лунь дед с безобразной культёй, которую я подсмотрел при ужине, но промолчал.

—Так мы воевали, верные служаки Вермахта, Люфтваффе и Кригсмарине. Страх – сколько люду было сожжено, убито, потоплено...

В окне замелькала семафорная и электрическая иллюминация Бреста. С тяжёлым сердцем и свинцовой тяжестью в затылке от пережитых эмоций я взял свой кейс и, попрощавшись, вышел на перрон.

Лунная ночь по-приграничному невидимой кистью живописала новые времена и нагло качала свои права. Я маялся в переходах, кассах и расписаниях. Мучительно думал, что не будь «обоготворённого» демагога, болезненного от газов Первой мировой – Адольфа Шикльгрубера – тысячи Гансов, Эрихов, Хельмутов, Генрихов могли бы жить припеваючи. Миллионы Иванов, Серёжек, Талгатов, Буб, Рустамов, Ибрагимов, Ашотов были бы рады растить детей, собирать-чинить мирные машины, пахать землю, ладить вентера и учиться, – ВСЕ БЫЛИ БЫ РАДЫ ЖИТЬ – без наиковарного Джугашвили, для большинства «дорогого» товарища Иосифа Сталина.

Они бы любили чистокровных ариек и евреек, полячек и чешек, венгерок и гречанок, россиянок и мусульманок, француженок и англичанок, итальянок и испанок, а, может, мечтали бы об единой международной семье...

Но, видно, мирное кровосмешение под прикрытием любви так же недопустимо, как кровопролитие в войнах под штандартами «освобождения» мира, закреплёнными напутствиями известных религиозных конфессий.

Так стоит ли удивляться тому, что в момент финальных испещрений в блокноте к автору подошла гламурная Эммануэль под тоннажем макияжа в умопомрачительных шортах и каймановых ботфортах с фразой:

– Сэр, не купишь меня на ночьку за две сотни баксов?

Я с горечью засмеялся и, тактично отказав в гонораре за быстролётные услуги, задал «Мисс-Граница» любовой вопрос:

– Коко, ты помнишь, когда началась война?

Выпятив чванливо губки, она прокуренно пророкотала:

– Когда убили Джохара Дудаева...

СТАЛИНСКИЙ БРОНЕНОСЕЦ

Молодцеватого, подтянутого и опрятного старичка в глубоких морщинах я встречал на рыболовном направлении Орёл – Курск систематически – по выходным. Поговорить как-то не доводилось. Хотя, скажу честно, хотелось, поскольку его стремление ко встречам с Природой и наверняка с Царь-рыбой говорило об его неслучайном выходе в массы.

В этот тёплый летний четверг, собрав мини-тормозок и нехитрые снасти, я шумел болотниками по асфальту, шагая к замыкающему вагону, думая о ходе карася в Куначе – большой слух прошёл на молочном базаре. Людей было скудно: отсыпались, либо съехали в райцентр грабители пап и мам, дедов и бабок, после выкачки их годовалой работы и взвинченной катастрофичности будней...

Примостившись у окна и рассматривая отреставрированное здание исторической станции, подумав, что где-то здесь, вероятно, прикрыли «испанкой» смерть Яши Свердлова, я вздрогнул от удара по ноге и щелчков сорвавшейся с тормозов «Невской».

– Извините, пожалуйста, лямка рюкзачная, понимаете, запуталась! О, а вы, вижу, рыбацкого племени? Куда думаете – на плотву или карпёночка? – дружески вопрошал седой, лысеющий дедушка, подтягивая катушкой размотавшуюся жилку.

– А я вас помню! Вы, если не ошибаюсь, писатель. Щас и не припомню – не то Россошенский, а может, Распругов. Перечитывал, как же! Провожали на пенсию, вручили «Шапку Мономаха» вашу любопытную. Кое-что про битвьё рыбки током и трудности с публикацией «ЗИСа» слыхивал...

– Правильно, жёстко работаете! М-м-м...

– Виктор, – подсказал я ему и спросил:

– А вас как по имени-отчеству? Не раз встречались на водоёмах и в поездах, а подойти, по правде говоря, стеснялся.

– Иваном Порфирьевичем с рождения кличут, – говорил мне «сосед по лавочке» – затёртому «паркету» электричек. По его лицу прошла череда отсвета от желтоватых фонарей – сами не заметили, как тронулись.

Слушая и внимательно смотря на него, я понял, что рыбачок-то внешний, а на деле человек сложной судьбы.

Говорит мне Иван Порфирьевич: – Вот вы, Витенька (прямо, отец!), пишете в защиту народа и человека. Врагов российских, тиранию, падение нравов и мародёрство обезличиваете. Послушайте, о чём поведаю, может, к месту прибудет вам ветеранское откровение. Редакторы, думаю, знают, где родились, – тоже заинтересуются...

– Служил я в Пятой танковой Гвардейской армии механиком–водителем, почти как в песне «Три танкиста». В конце июня 1944-го бросили нас в наступление, громить укрепления «Пантера», что были у Витебска под жезлом генерал-фельдмаршала Буша. Немчура в городе страшные вещи творила: ежедневно от двухсот до пятисот жителей расстреливала, построила два концлагеря. Связной из подпольного горкома партии, которым руководили Григорьев, Семёнов, Кудинов и Маценко, поведал нам на привале, что немцы уничтожили свыше 135 тысяч жителей и военнопленных во время оккупации. Эх! В какие рассказы и энциклопедии уместить злодеяния

«барбароссавцев» – мерзавцев, прикрывшихся перлом «Новый парядок асвабадит Россию»...

... Электричка с подвывом, энергично ускорила разбег. Слышался говор старушек о «колорадском» нашествии, а мне стало не по себе. Становой Колодезь... Здесь тоже глумились над русским народом и изничтожали его эти самые «цивилизованные» рабы «пространства, как фактора силы», толком не осмыслившие Гёте, Ремарка, Обста и Шпенглера, Ницше, Гаусгофера, Маркса, Шопенгауэра и даже «Майн Кампф» нервозного «наци №1» Гитлера...

Ранние лучи робко ворвались в окна полупустого вагона. Уважаемый попутчик не видел нового дня – он погрузился в ужас сороковых и продолжал озвучивать свою болезненную быль, изредка заглядывая мне в глаза.

– Когда двинули мы, не жалеючи детищ Кошкина и Морозова, нас поддержали соколы Первой воздушной армии, а выходили мы на смертельную схватку из-под Рудни. Дизеля наши – В-2, конструкции... э-ээ-мм... Чупахина и Вихмана свеженькие были, спасали не раз. Да всё одно – сокращался их моторесурс неохватными горизонтами и боями, рвущими железо и плоть боями...

Приказ – на Толочин, обеспечить охват фрицев в Орше, затем – марш с боем в направлении Березина – Борисов.

Гнали мы по грунтовке, не помню хутора, где-то под Богушевском. И вдруг, на околице, «Святогор» наш – лейтенант и командир Николка Астров – как гаркнет, аж ток по телу промчался.

– Ванька, орёл, сворачивай! Кто-то под танк бежит. Прижми прыть. Забыл, как дружка моего по Орловскому бронетанковому Трофимова подорвали?!

Передёрнул я рычаги, ушёл влево, а мы головные! В угарно-пылевой мшаре встали как вкопанные, а гул и лязг напирает вслед нам так, что и шлемофон не поможет. Жмут педали гвардейцы: девиз-то «На Запад!»

Вылезли мы, артиллерия наша 76-миллиметровая – Грушин с Казначеевым тоже. Смотрим, на дороге пацан лет десяти. Машет руками и трёт ими глаза, – плакал, видать, кутёнок. Подбегаем к нему:

– Ты чего?! Куда, хлопец, под гусеницы, обалдел?! Мы под шестьдесят летаем по шоссе, а ты тут... плакса мелкая! Ату в хату, пострелёнок! – кричу я ему, а он будто и не слышит...

– Дядя красный командир! Скорее, прошу вас, быстрее! Сволочи детишек в колодец побросали. Вот только что. Мужиков у нас нема. Дед один и вдовы, а мамка моя повесилась...

Видел я меченосцев Тодзио и Умэдзу, но такого... Раздавил бы ету падшую роту СС гусеницами, чтоб треск стоял до Берлина!!!

– Где сестрички твои и братья, малыш?

– Метров триста через яр, бежим скорей, укажу...

Неведомой силою, меня, сироту, понесло за мальчонкой, и не думал я о безопасности и атаке, – помчался, не взглянув на вечно сурового Астрова. Бегу, а ноги подкашиваются. Горло сдавило, с непривычки «мотор» так и рвётся из груди выпорхнуть. Подбегаю. Бабы воют так, что, кажется, прямо здесь бы и помер. Заперты, понимаешь, были. Спасибо ещё инвалид-старик вовремя надломил засовы...

Не раздеваясь, вытянувшись, словно на перекладине, держась руками за сруб, осторожно разжал пальцы – как падал – думал, вечность прошла. Вода – лёд. Темнота, ни стона, лишь макушка колодезная точно жерло «тридцатьчетвёрки»... А глубина – ей Богу, по кадык. Счастье, что дно щебенистое. Нащупал я комочки детские – в них и весу, как в голубях. Чую, что-то в них ещё бьётся, и тут по голове мне здорово шмякнуло. Сжал зубы от боли, гляжу: трос! – молодцы Астров с Грушиным. Сдёрнул с себя ремень. Кричу, мать ету самую, копия из преисподней:

– Майнуй, ребя, шустрее! Тут ещё двое! Киньте, во что завернуть, и верёвку крепче...

Не знаю, сколько я пробыл в летней стуже, в этом внеразумном, однако реальном трагизме.

Не успел вздохнуть мерно, снова удар: детей было четверо! Вновь спустился в ледящий душу кошмар, – и не поверишь, Василич, – ребёнок был в нише колодца, которую я поначалу не обнаружил...

Прижал я его к себе, а он, словно проколота всяду кукла. Дышу на него, растираю, трясую, целую. Всё без толку! И душат меня слова – поздно и напрасно...

Позвал тут-то Боженьку – спаси ты его и сохрани!!! Он-то причём?! Это мы, уродцы взрослые, накликали Вторую Мировую с Отечественной, тоже Второй.

Ура Богородице! Отходило дитё на глазах, захныкало. Я быстренько закутал его в овчину. Мать его тут же упала в обморок под мои опалённые Прохоровкой сапоги...

А Витебск мы взяли почти с ходу, уже потом, и Орша через день была нашей. Всё вокруг было разрушено. Встречали нас не больше ста жителей, еле-еле существующих соотечественников...

* * *

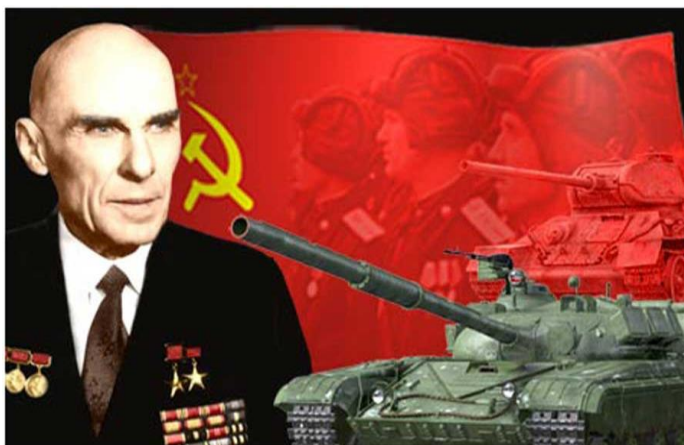
«Остановка 418-й километр», – ударило мне по слуху, ибо я был шокирован, и, признаюсь, – защипало глаза.

– Ну, вы на Кунач, товарищ Россошенский? Или махнёте со мною за благининскими карпушками-карасями? Я бы припомнил, как Рокоссовский, после моего ранения лично меня наградил и назвал не Легощенским, а Ваней Орловским...

Тяжёлые думы
П.А. Ротмистрова

Витебск освобождён!

Гений танкостроения А.А. Морозов

Танковый «хирург»
М.И. Кошкин

Автор танковых «сердец»
Т.П. Чухахин

Соавтор «тридцатьчетвёрки»
Н.А. Кучеренко

Мне было неловко, что потревожил его память. Может, я смалодушничал. Взяв у Ивана Порфирьевича адрес, решил распрощаться – пока, так сказать, временно. Мы вышли в покрытый матом и «неписанностью» тамбур, он рукой жжёного курильщика мгновенно преобразил мундштук «Беломора». Когда ветеран ступил на гравий, я успел подарить ему свою лучшую удочку и сказал:

– Дорогой защитник вы наш! Вы пишете, очень прошу, пишете. Вместе пойдём в «Вешние воды» и обязательно вас издадим!

Он искренне, сиротливо, как-то по-детски улыбнулся. Не поднимая грустных, жгуче-карих глаз, с болью ответил:

– Виктор Васильевич! Кому я нужен со своими Красными Звёздами и Орденами Славы, когда за семь лет до их вручения мне, Россия была репрессирована?..

В тот день не было клёва, и рыба даже не резвилась, как обычно, на зорьках. Плакало навзрыд небо. Я видел над зеркалом такую кратковременно-редчайшую радугу, которую имел счастье лицезреть не более двух раз в жизни.

Промокнув с головы до пят и уже ночью ввалившись в квартиру, я понял всё, отрывая листок календаря – **22 июня...**

Это была моя последняя встреча с беспартийным Героем державы Орловским Ваней.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БУМЕРАНГА

Всероссийские майские праздники удались на славу. Конечно, не всем уроженцам Градов-героев посчастливилось погулять вволю и порадоваться салюту в ночных небесах. Известное дело: дачи, огороды, помощь престарелым родителям на селе. А тут ещё невпопад у многих спиногрызов экзамены. Как не помочь? Будущее семьи, страны, наша надежда и опора...

Ветеран войны Герасим Кузнецов коротал свой век бобылём второе десятилетие. Аннушка, его красавица Анютка, бой-баба, штурмовавшая Берлин, радистка штаба полка, к горечи его, умерла при родах в дни хрущёвской «оттепели», унеся с собою их долгожданного ребёночка.

– Эх, пташка-инвалидушка, как не уберёг я тебя? – мучил себя иссушенный пенсионным бесправием старшина второй статьи Дунайской флотилии, подходя к уютному и облагороженному городскому скверику. – Лучше бы меня накрыло под Прагой. Пусть разнесло «фаустпатроном» в трофейном «Оппель-адмирале» начальника разведки полка. Всё равно, кто б пришиб – власовцы, фрицы или пролетарская шальная пуля...

Дунайские катерники
с подругами на берегу

Безродных – к ответу!

Доигрались...

В свете иностранных реклам и неоновых фонарей, в стартующе-тормозящем шипении расхристанных такси и свежих иномарок, под психическо-неполноценное завывание Земфиры из кассетного ларька, он шёл, не поднимая глаз, навстречу Вечному Огню. В последнее время Кузнецов всё чаще стал наведываться сюда, хотя его частный домишко, унаследованный от репрессированного отца, громившего мятежников в Ливнах и Антонова на Тамбовщине, находился от места паломничества горожан в четырёх верстах. Сруб из просмолённых железнодорожных шпал задумывался героем Гражданской на век без учёта маршрутов общественного транспорта. Какой тогда транспорт? Лошадку бы порезвей, ходок ладный, а то и бывшую тачанку по типу махновской под мирный быт прилаживали. Одни льготы были: голова, руки да ноги.

«Ни за что батяню из жизни выдернули, за смекалку и труд! И Климента с Будённым знал, но как дуло внутрь страны повернулось, так сразу и отвернулись», – не глядя на прохожих, думал Герасим...

Придёт он, бывало, в скверик на часок, а нет-нет, побудет полтора, а то и два. Он любил смотреть на смену караула, на молодых мамаш с колясками. По выходным покупал у оранжерейщиков красные, как кровь, тюльпаны. Пройдя сквозь палево сороковых и не найдя своего «рубикона», он понимал, что «гордиев узел» коммунизма разрублен. Будучи членом партии с 1943-го, незаметно для себя пристрастился спорить с «пехотой» – завсегдатаями «парковки» Александром Сергеевичем и Моисеем Габриэловичем.

О, что это были за споры! Не диспуты, а партийные съезды с доскональным знанием истории мира и сегодняшних администраций. Друзья не уважали карты и домино. Никогда не ругались, изредка выпивали крепкого дорогого винца. Вспоминали погибших, раненых, пленных, Победу, тяжесть подъёма из руин и даже Юру Гагарина.

– Ого-го! Это ж мы нечисть побили и первыми к звёздам вышли. Какую же силищу разрушили псевдомократы. Мусульман с христианами поссорили, а ведь как дружили! Средняя Азия полегла костями наполовину от Москвы до Берлина. Великая была моща – СССР! – частенько повторялся Герасим Павлович. – Помнишь, товарищ Моисейка:

Выпить нам есть повод:

За военный провод,

За У-2, за «эмку», за успех.

Безногий Моисей Габриэлович тут же заводил свою любимую:

Эх, путь-дорожка фронтовая,

Не страшна нам бомбёжка лихая.

А помирать нам рановато,

Есть ещё у нас дома дела.

...Покрупневшая в кости, более массовая милиция (терроризм ведь кругом!) славных дедушек не обижала. И всё б ладно, да с молодёжью «пепси-прикольной» что-то случилось: лезет, – вы разве не видели – нагло-хамовито лезет с ногами на лавочки. Наряд идёт—ноль; родители кричат—ноль; ветераны со старушками шумят, обижаются – ноль; ну нет никакой управы!!! Зато анаши, девок красивых подешевле, да «сникерс» подавай под червивку и рэп...

Несколько встреч освобождавшей этот город, достойной во всех отношениях троицы, было омрачено тупостью и беспардонностью подобных приклатнённых «субчиков» и «чувих». Что делать? Как поднять интеллектуальный уровень и организовать досуг «нашего будущего»? – эти вопросы ставились ребром и в быту, и в мэрии. Однако в последней, видимо, не перечитывают на досуге Ивана Андреевича Крылова, а жаль! Мудрость прошлого непреходяща и актуальна и ныне, господа современники. Так зачем же вы сами превращаете жизнь в басню?

Так думал Герасим, спеша домой: хотелось посмотреть, как гонятся Вильнёв с Шумахером, дочитать «Последнюю дуэль» местного поэта. Проходя по аллее, он уже видел «налётчиков», прозванных так сапёром-понтонщиком Александром Сергеевичем, форсировавшим с боями Днепр, Вислу и Одер.

Подошёл, попросил закурить. Трое ребят и девушка в приличной загранодежде были навеселе.

– Кури, дед! Хочешь коньяку? Бабка-то твоя таким тебя не угостит, бутылка – пенсия. Омаров не кушаем. На, палочкой крабовой закуси, – гнусавил допризывной гвоздь-акселерат с бритым затылком под гогот, очевидно, «общаковой» девицы.

Молча выпив действительно крутого коньяку (всё одно, хуже парижского победного 45-го), Герасим отступил пару шагов назад и, испугавшись своего голоса, закричал:

– Слезай, мажоры, с лавочки, нечего в святом месте пирушки бесцельные устраивать. Это глумление, кощунство над памятью, разве не понимаете?!

– Ну вот, – кыхыкая прокуренным нутром, молвил малыш с бледным лицом. – На добро злом отвечает! Нехороший дед. Отойди, побьём!

– Да ты кто такой? Прикуси язык, Покрышкин! – осклабился, поддакивая дружку, подросток, сидевший, несмотря на ночь, в чёрных очках. Принял дозу, топай мемуары писать. Не заставляй внуков плакать!

Боль с привкусом желчи во рту, тяга под ложечкой и учащённое сердцебиение напомнили старшине речфлота миномётную утюжку, госпитали, Аннушку, пленение Власова и белого коня Жукова на Красной площади. Внезапно нагнувшись, он резко схватил за ногу

«очкарика», закинул её вверх и, навалившись, свалил его с лавки, одновременно ударив в грудь «бритого». Он не должен был этого делать. Должен был пройти мимо компании, молча, даже если бы она представилась ему шайкой карателей из-под Ровно...

Но теперь было поздно: собутыльники, матерясь на чём свет стоит, били ногами его израненное на войне тело.

– Мочи, бей гада! – истерично визжала молодая стерва и, размахнувшись, ударила лежащего деда бутылкой по голове. Он оглох, обмяк и почувствовал привычную соль в горле, как когда-то там, на Дунае, когда их бывалый монитор подорвался на mine. Перед глазами поплыли боевые товарищи, Сталин, Аня, отец, мать, братья и сёстры, загубленные в крематории Освенцима. Откуда-то заверещал Утёсов: «Раскинулось море широко»...

* * *

На следующий день молодчики подшофе или под кайфом, решили, что пешком ходить плохо. Напав на почти ровесника, только что получившего права, они связали его, бросили в кювет и продолжили «развлекаться», на этот раз на колёсах. Полусгнивший старенький «Жигуль», хрипя глушителем и ноя редуктором, словно возмущался тому, что его так нещадно дёргают изнутри. Уркаганы заехали за подружками среди ночи и мчались свыше «сотни» за город, на пруд. Шашлычка изуверам захотелось, танцев, немножко секса. На полпути оторвалась у них на полном ходу шаровая опора. Кончилась лавочка...

Вылетев на встречную полосу, затем ворочаясь в юзе на её обочине, «Лада-копеечка» «клюнула» капотом в кювет и через несколько секунд легла на крышу, избавившись от ветрового стекла, улетевшего вперёд на полсотни метров. В рассветающей идиллии утра, среди пенья птиц и распутившейся молодой зелени цеплялось за ребро крыла еле вращавшееся колесо и слышались слова: «Между землёй и небом – война»...

* * *

Герасим Павлович Кузнецов пришёл в себя на третий день в реанимации и ничего не помнил. Выйдя из «госпиталя» в восьмой раз, он поехал в приют и усыновил ребёнка, которых теперь брошенных по стране тысячи.

Борька – задумчивый малый. Он обожает смотреть «Формулу-1» и фильмы про Великую Отечественную войну, но читать ещё не умеет.

Его новому «папке» только сняли швы с головы. Он показывает мальчонке награды и фотографии. Глядя его рукой по русской головке, он рассказывает про адмиралов Абрамова и Фролова и

часто приговаривает: «В апреле, ельцинёнок, возьмём твою сестру Аннушку, а в мае вместе пойдём к Вечному Огню».

Он не знал, что Александр Сергеевич и Моисей Габриэлович ему уже никогда не поклонятся...

ШАЛЬНЫЕ ЯГОДЫ

– Вот здесь... Лицо её засветилось, румянец пробежал по щекам да так запылал, что будь на полянке прохладно, можно было бы увидеть струйки тёплого воздуха, идущего от этого симпатичного лица.

Молодые кусты лапчатого орешника как-то уютно окружали золотой просвет лужайки. Бело-розовые стволы берёз, нагретые и блестящие там, где не было бороздок в коре – усиливали ощущение уединённости и внезапно нахлынувшего трепета.

– Всё так же... Нет... Что я говорю?! Такого не было... Внизу, у ручья, без умолку били соловьи. Луна светила мне в глаза... И соловьи били не внизу. Нет. Они били во мне... В сердце.

Она подошла к старой шершаво-корявой берёзе, обняла, поцеловала её. Лоснящийся отенок бересты чуть потемнел от скатившейся слезы.

– Здесь мы стояли... Тут он перехватил моё дыхание... Где ты, милый?! – нервно вздрогнули её припухшие губы.

– Катюха! – прогремело почти рядом.

– Ай, в ягодах утонула? Давай сюда – рвать некуда!

Между деревьев показалась рослая фигура красивого парня с рассыпавшимся в разные стороны чубом, в голубой, переливающейся на солнце рубашке с короткими рукавами.

– Что, громче не можешь? – сказала она, поправляя ситцевое платье в крапинку.

– Ох, и гулёна! Так и норовишь улизнуть. Вся родня ваша такая! Подол на ветер держит...

Его всегда подсознательно тревожила и глодала мысль: «Почему первым не подошёл к ней, когда на кругу у реки, за белыми садами, светящимися в ночи, Катя дробью своих каблучков и статью всех сводила с ума?..» Фёдора обжигала мысль, гоня кровь из края в край, что его драгоценную когда-то обнимал Колька Голубь и Димка Босой, которые теперь невесть где были на заработках и давно имели свои семьи.

В такие минуты Катя ловила злой и острый огонёк в его наливающимся глазах. Понимала, что муж был прав. Прав бесконечно, до еле заметного оттенка в голосе, где-то внутри, в глубине сердца, жалела его до того состояния, что скрываема́я правда чуть ли не вырывалась из тайников её души. Но надо было жить. И, заключив в

кольцо рук любимого, заглушила страстными поцелуями нарастающий ропот ревнивца...

– Глупый! А кто был пьяным от счастья? – и милая жёнушка, заразительно хохоча, увлекла его за собой навстречу белокурой дочурке, которая тоже бежала им навстречу, волоча по горячей пыли огромную куклу с немигающими синими глазами.

...Через неделю он уехал в соседнюю область достраивать ферму с шабашниками-хохлами. На третий день, неся садок с карасями, он был удивлён окриком почтальона. Молча щупленький мужичок подал ему телеграмму.

Когда он прочёл – у него оледенело нутро. Тесть извещал: *«Федя срочно выезжай Катерину разорвало миной Зинулька у меня».*

Упали караси. Нечеловеческий крик прокатился по логу...

АС

К 110-летию В.П. Чкалова

Жизнь, метеоритно прожитая одним из лучших лётчиков–испытателей ВВС СССР Валерием Павловичем Чкаловым, редчайший пример достижений простого человека при его упорном рвении к реализации идеи и цели. Virtuозности пилота, его инженерным знаниям, характеру и взаимоотношениям с коллегами и конструкторами авиатехники посвящено достаточно много книг,

статей, художественных и документальных фильмов, полотен и радиопередач с момента его нелепой гибели...

В разные годы уважаемому лидеру пришлось крепко поработать-поспорить с лётной элитой страны, а уж знали его, конечно же, все. В рядах ведущих асов Страны Советов стояли Г. Седов, М. Громов, А. Павлов, К. Арцеулов, Ю. Пионтковский, Б. Бухгольц, В.Коккинаки, А. Анисимов, К. Груздев, П. Стефановский, В. Евсеев, Э. Преман, С. Супрун, В. Раков. Познали суровую трагичность будней А. Залевский, И.Козлов, Т. Сузи, А. Прошаков, Б. Кудрин, А. Томашевский, А. Гринчик, А. Екатов, Г. Головин, И. Антошин, И. Петров, Г. Байдуков, С. Шестаков, С. Анохин, А. Юмашев, Г. Шеянов, А. Кочетков, М. Алексеев, А. Якимов, А. Никашин, М. Нюхтиков, Н. Журов, И. Спири, Е. Стоман, А. Филин, А. Кржижевский. Не отставали от них в небе и на воде А. Ершов, Ф. Усачёв, Н. Кастанаев, С. Рейдель, М. Коровкин, К. Ганулич, Ф. Болотов, Б. Агров, Т. Рябенко и Н. Благин, Н. Котяков, И. Погосский, Д. Ильинский, Г. Полозенко и Б. Чухновский – разве всех назовёшь? Сколько слюнявых и сопливых «Чкаловых» смотрело на общенародных кумиров как на богов, не представляя себе понятия «господство в воздухе», за которое им придётся, обливаясь кровью, сражаться в Испании, Китае, Монголии, а затем и на Родине??? Наяву же – штудировали труды Д. Дуэ и Ч. Линдберга.

Горестно, что не за 20 дней, а задолго до Второй Мировой войны, в будни испытаний будет не до романтики, что список рыцарей неба будет трагически сокращаться, покрывая родню сединой и слёзами. Ещё печальней было выжить, чтобы попасть в... ГУЛАГ...

Каждый из них знал, что их профессия подразумевает не только чистое небо и возможность наслаждаться полётом, но и вероятную, и что самое страшное, непредсказуемую смерть.

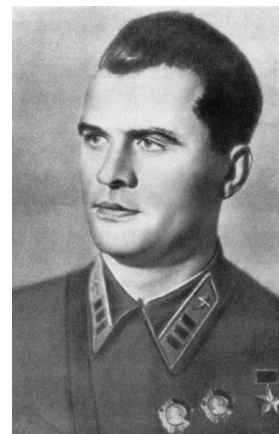
А на деле? «Нам разум дал стальные крылья, а вместо сердца пламенный мотор?» Все знали, но молчали. Улыбались, балагурили, пели любимые песни и выпивали. Обожали детей и жён, в редкие часы выбирались порыбачить на места, известные им ещё с детства. Охотились на кабана и дичь, ударяли за комсомолочками, влюблёнными в них «от тайги до британских морей». А как они гоняли наперегонки на мотоциклетах «Триумф», «Индиан», «Кавалер», «Харлей», ленинградских «Элах» и на «ИЖах», без преувеличения, мог позавидовать знаменитый мотогощик тех «вороних» лет С.И. Карзинкин! Кстати и В.П. Чкалов считал своим долгом шефство над всеми патриотично-оборонными мероприятиями ОСОАВИАХИМа, неоднократно встречался с разновозрастной (иногда неграмотной) аудиторией, агитировал за повышение технических знаний, чтобы народ из «слепого» стал «зрячим», смелым, боеспособным...

Александр Жуков

Михаил Громов

Степан Супрун

Валерий Чкалов в родном Василёво

Томас Сузи

Перспективный И-17

В небесах войны

Внук Н.Н. Поликарпова – Андрей на Родине деда

Авторский вклад в юбилей ВВС Отечества

Приходилось снимать с себя ежедневный перегрузочно-психологический стресс, усугублённый узаконенным беспределом «пикировщиков», официально подгонорарных НКВД. «Первым делом, первым делом самолёты!» А так как самолётов к тому времени у СССР было не меньше девушек, давить на педали фортепьяно и вымученно рассказывать слабые анекдоты будущим истребителям армий Люфтваффе не оставалось времени. Лётчики продолжали гибнуть, а самолёты – им что, они ведь железные (пусть хоть фанерные)...

Вдумайтесь, сколько режущей скорби в словах профессионала высочайшего класса М.М. Громова:

«Кто же первым встречал, встречается и будет ещё встречать неведомое в воздухе? Лётчики-испытатели!

Могли ли предвидеть Поликарпов и Косткин, что их «Истребитель Либерти» окажется таким неустойчивым, что при первой же попытке подняться в воздух К.К. Арцеулов, блестящий лётчик, потерпит аварию? (Самолёт после отрыва от земли, не слушая рулей, пошёл на петлю. Константин Константинович, внук великого мариниста И.К. Айвазовского, к счастью, остался жив, сломав руку и ногу. По воспоминаниям Г.Ф. Байдукова, В.П. Чкалов также видел, как выпрыгивал с парашютом из попавшего в штопор И-1 длинный, огромный Громов – Р.В.В.).

– Могли ли они предвидеть, – продолжает Михаил Михайлович, – что лётчик Шарапов на том же самолёте серийного выпуска войдёт в плоский штопор и не выйдет из него?

Не только Поликарпов и Косткин, но никто в нашей стране не знал, отчего самолёт попадает в штопор, тем более – в плоский. Не знали, что такое самовращение самолёта (авторотация) и по какой причине она возникает. А ведь штопор лётчики уже делали в течение нескольких лет и выходили из него благополучно!

А кто открыл первым вибрацию типа бафтинг? Кто первым попал в вибрацию типа флаттер? Лётчик-испытатель в воздухе! Могли ли конструкторы предвидеть эти явления? Нет.

Мог ли Поликарпов предвидеть, что у его двухместного истребителя (2И-Н1 – одностоечный полутораплан с фюзеляжем-монококом круглого сечения с двигателем «Нэпир-Лайон» в 450 л.с. – Р.В.В.) на максимальной скорости сорвётся обшивка с крыла и лётчик Филиппов со своим хронометражистом Михайловым погибнет? Не мог!» – справедливо подчёркивает покоритель Полюса Неприступности...

Несмотря на обвинения в «воздушном хулиганстве» и отстранения от полётов, Валерий, уже будучи ведущим лётчиком-испытателем НИИ ВВС РККА, очень сдружился с нашим замечательным земляком, авиаконструктором Николаем

Николаевичем Поликарповым. Время было тяжкое: процветали донос, шапкозакидательство, партийный эгоизм, эйфория от идей, не материализованных успехами, нездоровый глобализм и грабёж «опиумной религии». Не надо говорить, как переживали из-за беззакония соратники по Центральному конструкторскому бюро – они ведь лично знали всю лётную элиту периода И.В. Сталина. Но сказать тогда вслух что-либо было равносильно самоубийству, ибо говорящий подрубал себе «крылья», подвергал риску семью, родственников и знакомых. И, хотя человеческое доверие кощунственно разлагалось на корню, многие шептались, что неспроста погиб в авиакатастрофе начальник Управления ВВС РККА П.И. Баранов. Молнией промчат года, и заберут его зама, сменившего его на этом посту, организатора и разработчика структуры ВВС страны, спасителя Чкалова, бывавшего в Орле Я.И. Алксниса. Так «раскручивался пропеллер» Эры репрессий.

«Шельмец Валерьяшка», как называл его ближайший друг, отважный пилот А.Ф. Анисимов, напоминал Н.Н. Поликарпову своего учителя И.И. Сикорского, который перед отъездом в США часто повторял:

– Николай Николаевич, Вы непременно должны научиться летать!

Герой Советского Союза, член Чкаловского экипажа во время перелётов на остров Удд и через Северный Полюс, ас-полярник Г.Ф. Байдуков вспоминал, что Валерий говорил конструкторам:

«Побывайте в нашей шкуре, будете строить машины такие, какие нужны советским лётчикам». – И он предложил при аэроклубе завода создать небольшую школу для работников завода и добился, чтобы для занятий выделяли самолёт У-2. Первыми его учениками стали конструкторы. Прежде всего сам Николай Николаевич Поликарпов, затем Дубровин, Таиров, Буксаков и другие, всего 11 человек (то есть, вся команда «короля истребителей» – Р.В.В.). Летали перед работой с шести часов утра и после её завершения до захода солнца. Валерий Павлович не зря затратил на это много энергии – все его учлёты сдали экзамены в Центральном аэроклубе и получили права на самостоятельное управление самолётом».

Действительно, Чкалов, как никто другой, знал, что вкус победы придаёт человеку силы. Силы, чтобы быть сильнее собственного страха, сильнее железа, сильнее самого себя, поскольку помнил истину – чтобы научиться управлять самолётом, нужно научиться управлять собой. Он не раз говорил ближайшим друзьям, что иногда полезно испытать безумную опасность, до конца испугаться, а затем – до конца разозлиться, выложиться до предела возможностей, напрячься так, чтобы каждый нерв, каждая клеточка кричали. Как теоретик высшего пилотажа боевых машин (в первую очередь

истребителей) уроженец Василёво ясно понимал, что без этого победа в борьбе с воздухом, неполадками и подлыми случайностями так же расплывчата, как инверсионный след, оставляемый самолётом...

Сотрудничество с авторитетным КБ Н.Н. Поликарпова плодотворно продолжится на пользу наступлению и обороне соединяющихся пролетариев. Дальнейшим развитием бипланной схемы, внедрённой на И-5 и И-6, стал опытный ЦКБ-3 с видоизменённой формой верхнего крыла, что улучшало обзор из кабины. Чкалов не нарадовался одноместному манёвренному истребителю, причём установил рекорд, пройдя с умиротворённым рёвом вираж на высоте 1000 метров за 8 секунд. Сам ЦКБ-3, более известный, как И-15, вероятно, «радовался», выдавая «двадцать пятой эмкой» все свои 715 лошадиных сил, когда он, «чувствуя» пилота, стремительно поднимался на пятитысячную «планку» за шесть минут. После успешных испытаний самолёт был запущен в крупную серию, завоевав уважение и любовь у пилотов и техников (всего было выпущено 674 И-15 и 2 408 И-15-бис в 11 модификациях).

Чёрный для мира 1933 год пролетел, словно визг, оставляемый экстренным торможением на взлётно-посадочной полосе. Поликарпов мрачен: теперь у его КБ были настоящие, а не дутые из чепушинок «враги». Враги, ставшие под штандарты каудильо Франко. Противник, в виде «Фиатов», «Капрони», «САНТов», «Саэтт» и «Хейнкелей». То был зловещий период чёрного двухлетия. Испанская фаланга под лидерством Хосе Антонио Примо де Ривера и генерала Санхурхо, ездивших в конце октября за фюрерской поддержкой в Берлин, открыла путь войне в 32 месяца.

Фашиствующие триумфаторы из «Стального шлема», НСДАП заседали на Вилли Мессершмитта. «Центурионы» дуче – на Челестино Розателли. Скромный орловец не без давления партии и правительства к концу года завершил проект авангардного истребителя. Это была замечательная машина, будущая победно-трагичная знаменитость всех крылатых противостояний между госидеологиями и системами – истребитель-моноплан И-16. Так было сломлено консервативное мнение ряда авиаграндов, заключавшееся в том, что биплан является традиционной схемой самолёта.

Первым, кто испытывал ЦКБ-12 с убирающимся в полёте шасси, был искусный укротитель боевых болидов Валерий Павлович Чкалов, и на этот раз безжалостно рисковавший жизнью. Почерневший от горя после гибели «народного лётного артиста, кинозвезды Фролыча», как он окрестил своего лучшего друга А.Ф. Анисимова, он «отрывался» под облаками так, что какой там адреналин – кровь закипала в жилах. Создатели машины, присутствующие здесь же лидеры ВВС, НИИ, наркоматов, представители самолётостроительной отрасли и

смежных с нею производств, холодели изнутри от головокружительных пируэтов компактного «курносого», с честью выдержавшего колоссальные нагрузки и перегрузки. Благодаря их деятельному участию и вмешательству в судьбу многообещающей машины, она была тут же, без проволочек документационно оформлена для постановки в крупносерийное производство.

Новый самолёт вскоре станет всеобщим любимцем лётчиков за счёт своей лёгкости, чуткости в управлении, манёвренности и высокой скорости. Однако, чтобы полноправно владеть этим шустрым истребителем (модельный ряд моторов представлял собой мощь от 460 до 1100 л.с.), многим «сталинским соколам» придётся основательно пересмотреть не только технику пилотирования, но и тактику и стратегию ведения воздушного боя как на малых, так и на средних высотах.

«Шестнадцатый» ошибок не прощал. К глубокому сожалению, участились катастрофы даже среди «стариков». «Безусые кузнечики» с малым налётом часов могли изучать «ишачок» в едином положении – на земле. Многих тогда бросала в дрожь приговорно-сухая отписка комиссий по расследованию несчастных случаев – «не справился с управлением»...

Как бы там ни было, опыт качественной сборки, детальные инструктажи кудесников лётного искусства, теоретические и практические занятия-манёвры удобрили почву для приёма этих истребителей в спешно создаваемые формирования ВВС СССР. Чкалов, по воспоминаниям соратников и родни, был очень доволен. Мало кто знал, как ему пришлось «воевать» за будущее самолёта ещё в мирное время и в каких «заоблачных» инстанциях он доказывал необходимость его скорейшего внедрения в массы...

Самосжигающий труд Николая Николаевича Поликарпова и Валерия Павловича Чкалова будет замечен и высоко оценён правительством. Простые слова наркома тяжёлой промышленности Григория Константиновича Орджоникидзе, позднее загадочно ушедшего из жизни, говорят, как закалялась сталь:

«Конструктор авиационного завода тов. Поликарпов Н.Н. является одним из способнейших работников нашей авиации. Им сконструированы И-15 и И-16. Оба самолёта приняты на вооружение. Лётчик В.П. Чкалов ведёт испытания этих новых истребителей и считается одним из лучших лётчиков. Я прошу наградить орденами Ленина конструктора авиазавода Поликарпова Н.Н., лётчика Чкалова В.П.»

Награды – наградами, общественное признание – это одно (как говорится, штрих биографии), а направление деятельности «Антикоминтерновских» побратимов по «Оси» вынуждало тружеников

Советской России спать начеку, ускоряло развитие промышленных производств, экономики, открыло путь антинародной политике в ореоле культа личности и лживому марксизму в обрамлении искажённого ленинизма.

Одним из ярких примеров, олицетворяющим гигантоманские идеи революционеров, следует назвать одномоторный АНТ-25 А.Н. Туполева, бензоцистерны которого задумывалось использовать под химическое оружие массового поражения. Кому оно было предназначено, мог и не знать один из руководителей химического Управления РККА Я.М.Фишман; однако он знал о ёмкости крыльевых баков покорителя Страны снега и айсбергов, составлявшей объём от четырёх до пяти тонн...

Знал ли об этом «рекордном ляпсусе» Чкалов? Трудно сказать. А так как проект приказал «долго жить», более важным видится то, что с 1933 по 1939 год маленький, похожий на бочонок, И-16, развивавший скорость 490 км/ч, стал главной опорой истребительной авиации Советского Союза как в сухопутных частях, так и в базовых формированиях флотов (всего выпущено 6555 экз. в 18-ти модификациях).

Отрадно заметить, что КБ Н.Н. Поликарпова, в противовес разработкам Вилли Мессершмитта и других потенциальных «врагов», вновь отличилось в проектировании истребителей, выпустив в свет любопытный моноплан И-17 (ЦКБ-19). Самолёт представлял собой развитие на основе И-16, однако был настолько выведен по аэродинамике – глаз колот! Плавность внешних черт не имела ничего общего с И-16 – не самолёт, а нарицательно, Анна Павлова!

Работа над ним развернулась в полную силу с зимы 1934 года. Всем хотелось поскорее вывести его на испытания. Оставляя в стороне скелет и материалы конструкции, отметим, что моноплан вышел удачным в лучших традициях воздушной акробатики. Правда, были проблемы с мотором, но вскоре и этот весьма важный вопрос был решён положительно. Рождался самолётище! С учётом скоростной заявки, его ожидало большое будущее...

Чкалов перед испытаниями неутомим, взвинчен не меньше авторов. Ему нравилось в безоружном истребителе все: нормальная длина хвостовой части, сдвинутая вперёд центровка, усиленный лонжерон крыла, сваренный из стальных труб; полированный пропеллер «Ратье», сдвижной фонарь и окна для освещения приборов, и сам кумачовый цвет машины с темно-синим капотом и коком винта.

Случилось так, что партийная аристократия решила воочию лицезреть показательные полёты. Не будем рассматривать, кто что указал, направил, прозрел, кому кивнул, что подал или кого увёз.

Замкнуло у Чкалова на финальных литрах: надо садиться, в руках мечта любого пилота мира (минута назад – 424 км/ч), а тут – эта очередная «петрушка», мать её через Иммельмана!

Убирающееся шасси оставляло желать лучшего ввиду прежнего (как и на И-16), «шарманного» привода. Механический привод не устраивал «всю королевскую рать» ЦКБ из-за своей ненадёжности по типу «в тихом омуте черти водятся». Заедание шлицев и, как всегда, внезапный отказ амортизации систематически одолевали инженер-группу то анальгином, то валерианой из-за Валерия...

Он спасёт и в этот раз себя и машину, хотя мог спикировать на антинародных лидеров аналогично попытке Н. Благина, угробившего «Максим Горький» (АНТ-20) с 40 невиновными несчастными (думал, наивный, будет лететь Сталин). Но как он спасал И-17, себя, авторитет поликарповцев – это господа, надо было не в хронике под ширпотребовский пирожок глазеть, а в натуре...

...Стрелка уровня топлива – нуль, а жить хочется и красную «ласточку» чуть не до слёз жалко! Плавный разворот. Газ по стуку сердца. Лёгкий крен в сторону вышедшей стойки... касание земли... внеплановая эффектная рулёжка на одном колесе (!) и бег по полосе!

Всё обошлось, – текст не кинофильма. Валерий Павлович, мокрый, как мышь, неизвестно что мысленно пережил и о чём думал, вылезая «из стойки боком», как он подсмеивался над своим любимцем за тесную кабину и малый мидель только вчера. Поликарпов, наверное, как и все, плакал от счастья, что лётчик, друг – жив. А может быть, он подумал, что чёрт с ним, с опытным экземпляром? Или наоборот: «Вложим по-новой душу в железяку бездушную! Лишь бы потерь не было...»

На «фундаменте» «семнадцатого», побывавшего в Париже и Милане на авиавыставках, зарождается, строится и испытывается (опять же Чкаловым) пушечный истребитель ЦКБ-19. За рубежом только вызревали планы пушечного перевооружения «Мессершмиттов»-109 и 110, «Спитфайров» и «Харрикейнов», «Кертиссов», «Буффало», «Грумманов» и мечта воздушного самурайства, пока бумажного «Зеро-сэна», авторства Д. Хорикоси. Союз поликарповцев актуально выступил законодателем пушечных «вееров» на борту самой «москитной» авиаформации – истребительной. Здесь заслуга советской школы боевого самолётостроения неумолима.

Дело не в тезисной, убаюкивавшей глаз транспарантности, а в самом резюме Чкалова, основоположника скоростных полётов на бреющем: «Перейти с самолёта И-16 на самолёт И-17 – это всё равно, что с «Форда» пересесть на «Линкольн». Мнение большого друга Поликарпова и других авиаконструкторов не везде адекватно

ценилось. Мешали завистники, даже когда он вальсировал на паркетах или ужинал с секс-бомбами Совдепии под ласкающее уши ностальгичное танго.

Что же дальше? А ничего хорошего: хода работе по И-17 и И-19 не дали. Испытанный В.П. Чкаловым самолёт, показавший изумительно положительные лётно-тактические и технические достижения (скорость – 500 км/ч и потолок – 9700 м), был затуркан в архив-ангар Поликарповского коллектива по соображениям якобы тесноты рабочего места пилота. Видя, какая размалёванная ассовская саранча воспитывается в Люфтваффе, глупо не уразуметь того, что 1000 выпущенных И-17 и соответственно подготовленных к ним низкорослых индивидуумов, могла полноценно и полнокровно вступить в ряды в составе перехватных эскадрилий ПВО. Налицо один из многих промахов кремлёвских воротил, веривших в «честность и порядочность» пакта Риббентропа-Молотова и предшествующие ему фальшивые соглашения с крестоносцами.

Перед отзывом на покорение Полюса Неприступности бесстрашный Чкалов неустанно работал с И-17 касательно «приручения» плоского и управляемого штопора. Ему многое удалось, причём он душою полюбил высокоскоростной моноплан. Заступался за него и Н.Н. Поликарпова при личных встречах с авиапромышленниками и пр. заседательной кастой из числа многопишущих (в пустоту) инстанций. А.Н. Журавченко и В.С. Пышнов – авторитеты ЦАГИ (Центрального аэрогидродинамического института им. Н.Е. Жуковского), лётчики НИИ ВВС, инженерная когорта ведущих и отстающих ОКБ так или иначе видели в И-17 и его модификациях переворот в мировом авиастроении и повсеместно голосовали «За!». Но не досмотрели. Не доглядели, под преступное убийство руководящего «кулака» ВВС – было не суждено. Хотя идея реализации названных проектов-планов обязывала приложить все усилия связующих звеньев (от аппарата до производителей) раньше старта АНТ-25 по маршруту Сталина на США...

Сверхмужественной Чкаловской эпопее, растопившей лёд не только американских сердец, посвящено весомое число произведений в России и за рубежом. Всепланетное признание – это был пик, своего рода гимн русской технической оснащённости, русским небопроходцам, покорившим вечную мерзлоту и стужу. Это была, хотя и пропагандисткая, но высокопорядочная, дружественная попытка объединить народы в преддверии зарождающегося хаоса Второй Мировой войны.

Между тем, в декабре 1938 года предполагалось облетать новый истребитель поликарповцев И-180, но с ним на авиазаводе в Горьком не ладилось. Без конца обнаруживались «детские болезни» –

дефекты. Поликарпов, вместе с единомышленниками З.И. Журбиной, Д.Л. Томашевичем и многими другими, «налегал» на сдвинутую вперёд центровку, мощный двигатель воздушного (или жидкостного) охлаждения, продольную устойчивость истребителя и высокую нагрузку на крыло, обеспечивающие боевой машине её первый показатель – скорость.

Главное управление авиапромышленности оказывало давление, требуя скорее решить вопрос о пригодности истребителя, дабы оперативно запустить его в серию в будущем году.

Морозным днём 15 декабря для всех, кто задумывал, изготавливал и готовил самолёт к полёту, наступил самый переживаемый момент. Наконец-то, после детальных доработок и устранения дефектов (например, оборванного троса акселератора), споров с Поликарповым, ведущим инженером по испытаниям Лазаревым и главмехаником 180-го Барским, Чкалов вырулил на край аэродрома. Ярко-красный И-180, мощно взревев мотором М-88, пошёл на разбег. Все с непередаваемым волнением смотрели, как он бежит по полосе всё быстрее и быстрее, вслушивались в звук работы 14-цилиндрового двигателя. И вот – второй в его судьбе отрыв от земли, шаг навстречу неизвестности... Стремительно набрав высоту, виртуоз воздуха сразу же начал с машиной «серьёзный разговор», пробуя её в разных скоростных режимах.

Отмечая про себя чуткость рулей, их жёсткость и манёвренность выстраданного детища, он поначалу делал плавные развороты, затем – покруче.

Факт, что скоростной истребитель импонировал лётчику, как в своё время и другие машины Поликарпова, с которым он держался на равных. Кто знает, может в тот миг он вспомнил кого-то из своих деток или Марианночку Поликарпову, вечером просившую его взять её в полёт чуть ли не до слёз...

Его ровесник, известный лётчик-испытатель В.К. Коккинаки, позже будет рассказывать, что к его машине приблизился Чкалов. Радостно качнув крыльями в знак приветствия, Валерий широко улыбнулся, показав большим пальцем: «Отличный истребитель!»

Очевидно, Чкалову хотелось поскорее поделиться мыслями с теми, кто был на земле, кто создавал сие чудо, но связи с ней не было. Лишь слегка подрагивали стрелки на приборной доске...

По пилотской сути, полёт прошёл нормально. Чкалов начал снижение, чтобы достойным образом завершить его.

«Сделав большой круг по границе аэродрома, Чкалов пошёл на посадку, – рассказывает тогдашний начальник отдела НИИ ВВС, инженер и лётчик-испытатель И.Ф. Петров. – Дальше всё произошло в какие-то секунды. Лётчик, чтобы сесть в расчётном месте, убрал газ – мотор переохладился; заметив, что до границы

аэродрома не долететь, он решил, видимо, подтянуть газком. Обычная работа. Но вот тут все обратили внимание, как за самолётом вырвался и потянулся большой столб дыма. Это означало, что мотор перебогатился горючим. Затем уже было видно, как остановился винт.

Произошло всё это на малой высоте. Практически лётчик уже ничего не мог сделать с мотором. Не долетев метров 200-250 до границы аэродрома, самолёт Валерия Павловича ударился о землю, лётчика выбросило из кабины и он погиб».

Погиб не только лётчик-испытатель и комбриг, мужественно испытывавший более 70(!) типов самолётов, но и неустрашимый патриот-новатор, главной целью жизни которого было совершенствование воздушного боя в возможной войне, по его мнению, для СССР неминуемой. Асовский почерк, аналитический и не испорченный околотронной интригой ум, бесшабашная удаля с элементами трюкачества сделали его любимцем народа по тяжело заработанному праву. Вдобавок, Валерий Павлович, проигнорировав сталинские намётки в отношении назначения его наркомом внутренних дел,

выступил поборником бреющих полётов, считая их одним из лучших манёвров для эффективного поражения наземного врага. Властитель дум советской молодёжи, поразивший с друзьями всю Америку, создал новые фигуры высшего пилотажа – восходящий штопор и замедленную бочку, осуществил выход из пике и набор высоты в перевёрнутом положении. Безгранично рискуя, спас десятки машин, построенных в одном экземпляре, за что был одарен правительством голубым «Паккардом».

И по сей день не улегаются споры, гипотезы, разговоры, обоснованная и необоснованная дезинформация относительно версии-теории «переохлаждения двигателя». Отметая «специалистов» по созданию шума из ничего, предлагаем читателю пойти методом профессионала лётных наук С.П. Супруна, испытывавшего в тот день двухместный Ди-6 С.А. Кочеригина. Он

мчался на своей «Эмке» к месту трагедии, но никогда не узнает того, что раскроется нации более чем через полвека – погибнет, как и тысячи лётчиков, в начале Великой Отечественной войны...

Составленный автором испытательно-жизненный отчёт содержит в себе достоверные факты, рассказанные или записанные очевидцами и участниками рассматриваемых событий. Многие из них – не обнародованы и поныне, что прямо указывает на нежелание властей сжечь гриф «Совершенно секретно» раз и навсегда.

§ 1. По неофициальным данным, на Чкалова было совершено семь покушений в ходе одной из избирательных кампаний, предшествовавших катастрофе.

§ 2. Сын Чкалова, полковник авиации И.В. Чкалов, впервые услышавший об аварии от сына легендарного В.И. Чапаева, военлёта А.В. Чапаева, так же, как близкий друг отца (оба – его ученики) А.К. Серов, придерживается мнения, что Валерия Павловича убили (т. е. трагедия с И-180 – «удачное» покушение № 8).

§ 3. Дочери Валерия Павловича – старшая В.В. Чкалова и О.В. Чкалова – считают, что Сталин не мог быть замешан в гибели отца, поскольку папа был частым гостем Хозяина и имел на него положительное влияние, говоря, что «ваша жизнь – дороже любой машины». Однако, вспоминая рассказы матери, Ольги Эразмовны, отмечают: король пилотажа спал с именованным пистолетом под подушкой.

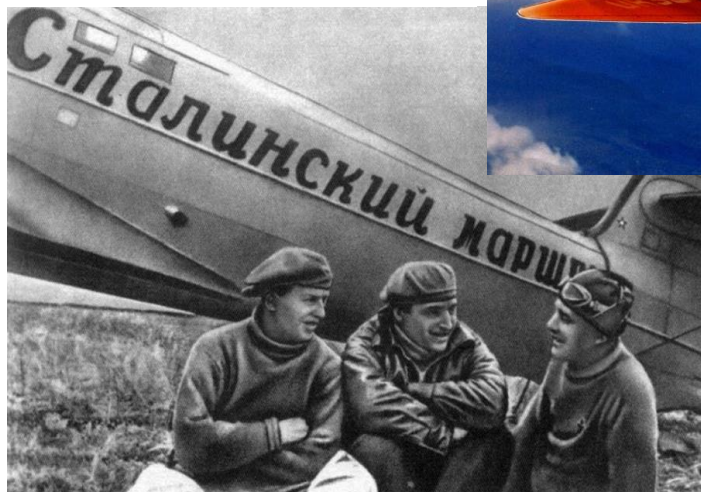
§ 4. Товарищ специалиста по авиадвигателям С. Туманского, представитель Запорожского завода № 29, Е. Гиндзбург, чудом избежав расправы, исходящей от бериевско-меркуловских костоломов, отменял полёт устно и письменно по причине отсутствия на моторе бензопомпы (была установлена гидравлическая).

§ 5. И-180, по сути не совершивший ни одного вылета (не считая подскоков на несколько метров и рулёжки 12 декабря), попадает не в письмо, а в прямо стенографическое досье Берии, где он запрещает испытания тем же числом, ссылаясь на 48 дефектов (обнаружено Валерией Чкаловой в закрытых спецархивах).

§ 6. В течение продолжительного времени после падения истребителя команда по оказанию первой помощи не могла приблизиться к нему из-за боязни вероятного взрыва, хотя и знала о приблизительном остатке горючего.

§ 7. Никто не знает, куда делись обломки, последняя бригада авиамехаников, готовивших самолёт к вылету при морозе около -30 С°, а также настораживает факт, запрещающий освидетельствование «смерти» мотора, сам запуск которого, как видим по погоде, был крайне нежелателен.

Под крылом –
Северный полюс

Покорители
«страны айсбергов»
на отдыхе

Не разлей вода –
В. Чкалов и А. Анисимов

Редкие минуты в кругу семьи

Земная
благодарность волжан

§ 8. Авиационная элита прошлого и настоящего считает, что гибели В.П. Чкалова можно было бы избежать, если бы он совершил посадку на «брюхо», но и этого ему не дали, шасси было... законтрено, т.е. «превратилось» в неубирающееся (подтверждение версии Игоря Чкалова).

§ 9. Прославленный ас часто заступался за друзей и малознакомых лётчиков в НКВД. Теперь все причастные к испытаниям оказались в тюрьме. Ведущий инженер Лазарев, представлявший лётчику акт о готовности к вылету, для всех внезапно стал «тяжелобольным»; на самом же деле его на полном ходу выбросили из электрички...

§ 10. Близкий друг волжанина, участник перелёта на АНТ-25, Г.Ф. Байдуков неспроста пишет в книге о нём: «Я убеждён, что Чкалов сумел бы вывести И-180 на большую дорогу, не попади он в ловушку, в которой оказался не по своей вине или оплошности».

Тяжко «всё это» осознавать даже спустя время. Втройне обидно, что в России воспитывается забывчивая нация, тогда как в США председатель Чкаловского трансполярного мемориального комитета А. Коул, один из основателей комитета П.С. Белов, кинорежиссёр и продюсер У. Уэйдман ищут материалы о замечательном русском пилоте и его экипаже, приземлившемся на аэродроме Пирсон-филд 20 июня 1937 года. Цель заокеанских изысканий – создание художественного фильма.

Помнится, президент США Ф.Д. Рузвельт сказал тогда историческую фразу: «Никакая работа дипломатов не могла бы сделать и за десять лет того, что сделали вы своим перелётом для сближения народов».

Американцы жаждут узнать побольше о жизни Валерия. Что ж, я отослал данную работу в Ванкувер (штат Вашингтон). Не знаю, долетит-доплывёт ли? Надеюсь, «Юневерсал», «Коламбия пикчерз», «Твентис сенчури Фокс» и «Парк-авеню продакшнз» заинтересуются освещёнными событиями, которые первостепенно обязана чтить-помнить Родина, бывший Союз Советских Социалистических республик.

ВСТРЕЧНЫЙ МОЙ

Песчано-мелованная пыль долго оседала за бортом закамуфлированного «Студера», сокрывая шлейфом встречное направление до горизонта. Повидавшие оккупационную вакханалию тополя гнулись макушками к тракту, молчаливо хранящему горе и триумф врагов человечества. В высоком небе малыми птахами распластали крылья отвоевавшие четырёхмоторные

бомбардировщики. Натуженно оглашая округу многоцилиндровой симфонией выработки топлива, они медленно ползли туда, откуда совсем недавно стартовали крушить фашизм.

По замусоренной остовами войны обочине, время от времени встряхивая пиджак и брюки, быстро шагал неизвестный гражданин с миниатюрным потрёпанным вещмешком. Он не оборачивался на попутные машины, не голосовал и был безразличен к зазывающим клаксонам встречных, дружески настроенных водителей. Сумрачность морщинистого лица, приземлённо-зыркающий взгляд и уверенная походка говорили о сложности его жизненного пути, на который

Эх, дороги...

откладывала невидимый отпечаток известная только ему цель.

Зенитное солнце, паля меж просветов хлопкообразных облаков, испаряло обширную лужность позавчерашнего короткого ливня. Над молодостью

вечных пойменных лугов преломлялось пространство края предков, мучимых и истребляемых до и после смут и революций. Одиноким ходок спешил к начинающему чернеть горизонту, иногда омывая в лужах изношенные сапоги, делал небольшие привалы, забавляя себя обнажением весны и скупой на табак самокруткой...

Мало кто из живших и живущих здесь помнил этого ничем не приметного товарища. Двадцать с лишним лет минуло с тех пор, как он покинул здешние места, этапиремый за «систематическое вредительство».

Было заметно, что дорога даётся ему с каждым часом трудней – он снова тормознул для перекура. Поглаживая ошрамленной рукою проклюнувшуюся желтизну одуванчиков, мужчина, видимо, размышлял о круговороте времени и истории, распятых войнами, техпрогрессом, репрессиями и ценами...

Знойно духорило в тот час: пиковая аномалия по Цельсию довлела солнцезударным кризисом. Желая укрыться от измотавшей его трассы, человек прикорнул от раздумий и бездорожья в глубокой воронке, временно освободившись от дум, порождённых военкоммунизмом.

В нервном крестьянском сне, наконец-то вырвавшемся из клетки режима, не было ничего отрицательного. Радужные кругиплыли под веками. Уста нашёптывали забытую мечту, перемежаемую тихим хрустом песка и частой зевотой. Болезненно храпя через стон, возможно, он видел адскую скрижаль общенародной драмы, переходящей в яму неразрешаемых противоречий. Сладость его свободы разбудилась торможением за плечо.

– Не к добру по кюветам хрониться, – глыбой закона огорошил путника мотоциклист в форме НКВД.

– Чей, куда, к кому и откуда??? – скоробасил молодой лейтенант, играя мундштуком «Казбека». – Попрошу встать и предъявить документы!

– Не торопи – еду до хаты. Бумаги в порядке. Устал я, начальник! Захмелел от шири пространства и родных далей. Спешу на майские – своих повидать. Знать – не слышал, что-как с ними после немчуры. Из подневольных я салехардовцев. Клеймо на жисть – «дно»...

– Так-так... Тихонов, значит! Со Шлямбуренками родня твоя в землю загремела. Помнишь активистов? Они же по комсомольским путёвкам думали окончить партшколы. Ну и давай партиотичной журналистикой пролетариев пужать – стряпали анонимки, фельетоны да доносы. Твоих, Анатолий Сергеич, не спасло и то, что ты – раб «58-й». Пришлые «жемайтисы», прежде чем вздёрнуть оных, помучили их маленько на костре и холостыми очередями. Оружие у всех тогда на руках было. Чуть што – самосуд. В протоколе – пиши пропало. Я ведь школу вчера закончил. А облцентр требует: «Где у вас диверсанты-шпионы?».

Молчание сжалось ужасом понимания семейной трагедии. Оно повисло кляпом в горле, заслезило воспалённые стремлением к дому глаза.

– Вот эти Шлямбуренки, – с трудом продолжил участковый, – вместе с Дмитрокаевскими, Снегуром и Мухаметзяновым и потянули за собой честных Тихоновых. Дед твой Осип, верил в силу колхоза, в «фордзонах» души не чаял. Ты прости, земляк, закололи серпом его в 1936-м...

* * *

В перспективу обязательного дождя с солнечного отрезка пути иностранно ревя, клубил пылью «Виллис» с интендантским прицепом, двигаясь на восток. В нём – измученные трактором – попутчики и сограждане Великого СССР.

– Я скоро умру, писатель, – говорит старший кудрявому интеллигентному юноше. – Ты черкни историю мою для народа. Авось...

Выхожу у Застроево. Как будто виноватый, сминая «Известия».

– Зря закис, встречный! Дай-ка ВКПб на махру.
Мелькнуло одутловатое лицо в пенсне на передовице.
Лаврентий...

– Прощай, дядь Толь. Не спеши умирать!

...Пыль, мины и туман...

Создатели знаменитой народной песни
Лев Ошанин и Анатолий Новиков

Лев Ошанин и Виктор Рассохин
в Доме творчества в Малеевке

НИКОЛАЙ ЦОКОВ – ВОИН, ГРАЖДАНИН, ПОЭТ

*«Мне жалко жизни, той советской,
Себя беру, к тому в пример,
Из столбовых крестьянских предков
Я стал законный офицер».*

Н.Е. Цоков

Николай Егорович Цоков

Родился 22 мая 1926 г. в селе Игумново, Новосильского района, Орловской области. Образование высшее. С ноября 1943 по 1945 г.г. участник Великой Отечественной войны. В боях был тяжело ранен. До 1956 года служил в Советской Армии. Майор. Командир батареи.

После увольнения работал на различных должностях на Орловском заводе «Дормаш». Находясь на заслуженном отдыхе, активно участвует в ветеранском движении района, города и области.

В наших руках – 50-страничная книга стихотворений Николая Егоровича Цокова «В даль времени на крыльях памяти». Автор навсегда покинул бранный мир, пережив 70-летие Победы. Вдумчиво перечитываешь его выстраданный сборник и, кажется, он рядом, со светлой приветливой улыбкой, при орденах и с тросточкой – ж и в о й...

Новосильское сельцо Игумново, откуда родом герой войны и первопроходец «Дормаша», вводит читателей первым этапом в даль времени:

*В курной избушке я родился,
В Николу Вешнего крещён,
И по церковному канону, -
Был Николаем наречён.*

Рано познавший тяжкую долю довоенного крестьянского быта, Коля отчётливо запомнит жёсткость власти при образовании колхозов, конфискацию лошадей и сельхозинвентаря, лихие трудовни, голодное босоное детство. Спустя десятилетия после войны, среди лирики и романтики, ветеран напомним «светско-рыночному» обществу «такие» народные частушки, за которые в 30-х годах грозила минимум 58-я статья УК СССР со всеми её «контрреволюционными» подпунктами...

*Ах, Советская власть,
До всего ты добралась –
До коров и быков
И до бабьих сундуков.*

В разделе «Война» ясно-мудрый ум фронтовика, покинувшего родную хату в 17 лет в чёрном 1941-м, окаймляет неизбывную скорбь из-за преступлений агрессоров. Здесь – спалённые деревни над Зушей, долговременное укрывательство семей в подвалах из-за бомбёжек и артогня, хаос и горемычность эвакуации.

*Мы двигались, как снежный ком,
Отбросив все резоны.
К нам прибавлялся по пути
Народ запретной зоны.*

Зимовали в ста верстах от Игумново – в Ивановке, спасла кормилица-корова. Лечились хреном и редькою, ели молоко с грибами, а хлеба – ни зёрнышка. Переболели дети, умерли старики. Ребятишки, рискуя головой, несмотря на запреты матерей и старших, собирали по окопам ящики от мин, гильзы, банки, каски, перекселин, тол, порох, германские провода и склянки...

С ноября 1943-го по Победный Май 1945-го Николай Цокос сражался с врагом на различных фронтах, был тяжело ранен. Сложнейшая операция, перенесённая им, помогла военврачам развить её массово при спасении жизней красноармейцев, офицеров, краснофлотцев.

Николай Егорович, в ходе частых встреч с авторами строк, часто вспоминал про обучение под Воронежем («Землянка на сто человек и нары из жердей в награду»), про учебный батальон («Нас мяли, рвали, муштровали, стремясь к боям нас приучить»), про 3-й Белорусский фронт.

*Тут не то, что на гражданке,
Не отправили назад.
П.П.Ш. взять приказали,
Чтобы танкам помогать.*

Для большинства – фронтовая судьба безжалостно-кровопролитна. Под гром пушек и вой бомб, под огнём стрелкового оружия и миномётов, защитники Отчизны помнили 1941 год, истребляя оккупантов.

Похоронив многих однополчан, орловец участвовал в освобождении Шауляя и Коршуная (1-й Прибалтийский фронт), прошёл сквозь ад Мемельской операции. Трагедии войны, словно осколки от вражеских снарядов, накрепко засели в памяти воина, обретая стихотворную форму:

*Фашист по танку бьёт огнём,
Я башней низкой прикрываюсь,
От брызг горячего свинца
Рукою левой заслоняюсь.*

*Бой гремит, снаряды рвутся,
Светопредставление!
Два товарища погибли,
На мне – три ранения.*

*С поля боя, в ближний путь
Меня двое волокут.
Прошу маму молить Бога,
Чтоб не грохнули дорогой.*

Полгода лечения, койки и врачи шести госпиталей, глубокое сопереживание искалеченным собратьям по оружию, естественным образом непоправимо ранили душу возмужавшего сержанта, но не покоробили воли и характера бойца. Разведчик спецроты угодил в преисподнюю при штурме Кёнигсберга, где «был вулкан, был ад кромешный, тут лютовала только смерть»...

Еле живого Цокова извлекли из-под завала бывшей цитадели нацистов. И снова – две недели лечения в госпитале, а за ними, как «второй день рождения», пришла долгожданная Победа.

До 1956 года орденосный майор Цоков служил в армии, командовал батареей. Демобилизовавшись, бывший участник танковых десантов вернулся в Орёл, стоял у истоков одного из градообразующих предприятий – завода «Дормаш». Получив диплом Машиностроительного института, работал на нём долгие годы, на различных должностях – начальником цеха и ОТК, секретарём парткома, главинженером. Позже – трудился в областных теплосетях, внёс вклад в строительство котельных и ДК «Дормаш» (ныне Дворец культуры Орла).

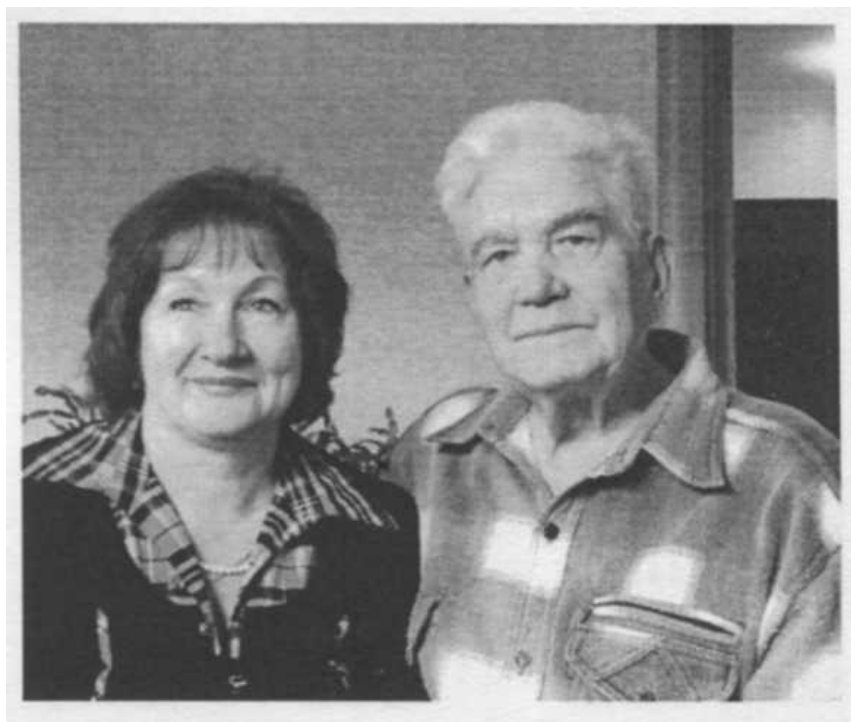
Выйдя на пенсию, Николай Егорович активно участвовал в ветеранском движении Города Первого Салюта и Орловщины. Его

знали все фронтовики по работе в Совете ветеранов Заводского района, уважали за правдолюбие в профсоюзе машиностроителей области, за общественную деятельность в школах, библиотеках, военно-историческом музее.

Почётный гвардеец с удостоверением от Маршала танковых войск П.А.Ротмистрова, гость юбилейных военпарадов в Москве, поднимавший тост с Президентом РФ В.В.Путиным за Грамоту «Орёл – Город Воинской Славы», имел честь беседовать с видным священником РПЦ, Владыкой Иларионом. 22 мая 2013 года истинный патриот и труженик напишет вещи слова:

*Я знаю, смерть придёт,
Не разминуться с ней,
Две даты нанесут
Под карточкой моей.
И краткое тире, что их соединит,
В какой-то мимолёт
Всю жизнь мою вместит.*

Авторы статьи и родня глубокоуважаемого земляка Н.Е. Цокова выражают сердечную признательность коллективу «Орловской городской газеты» и её редактору Е.И.Глазковой (Эмановой) за понимание значимости публикации материала в Год 70-летия Победы и русской литературы.

Племянница фронтовика Валентина Гусакова
помогла ему издать первый сборник стихов

РАССОХИН СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Виктор и Сергей Рассохины – члены Союза российских писателей на улице имени авиаполка «Нормандия-Неман» в Орле

Рассохин Сергей Викторович родился 8 августа 1971 года, в городе Первого Салюта – Орле. Окончив десятилетку, работал экспедитором, грузчиком, помощником шеф-повара, прошёл практику разнорабочего от Учебного комбината на заводе УВМ. В 1989–1992 гг. служил в рядах ВМФ СССР. За отличие при исполнении долга перед Родиной был рекомендован командованием на внеконкурсное поступление в любой вуз страны на выбор. Демобилизовавшись, заочно учился в институте, параллельно трудясь шофёром, автослесарем, менеджером.

С 1992-го по 2015 год, в соавторстве с отцом, членом СП СССР В.В. Рассохиним, Сергей участвовал в создании, оформлении и распространении книг: «Шапка Мономаха» (в 2-х изд.), «Последняя дуэль» (К 200-летию А.С.Пушкина), «Небесные снайперы» (в 2-х изд.), «ТОК», «Сказка об Иване-Свидетеле» (2-е изд.), «Лишний гражданин». Его вклад в литературу и документальную патриотику Орловщины известен по работам «Мы Вас любим, фронтовики!» (в 3-х изд.), «Шамиль в Калуге», «Страна непуганых идиотов», «Победившие смерть» (в 2-х изд.), «Сердце над облаками» (К 65-летию Победы). Целеустремлённость и творческое трудолюбие автора отразились в произведениях «Посмертный обыск», «Золотая кувшинка», «По

ухабам Отечества», «Щедринарий», «Штурмующий небо» (в 3-х изд.), «Наш Лермонтов» (К 200-летию со дня рождения), «Небопроходцы» (К 120-летию Н.Н. Поликарпова и к 110-летию В.П. Чкалова).

Оформив множество публикаций для СМИ РФ и стран СНГ, молодой литератор дебютировал в 2002 году книгой «Тихие Гавайи?» (К 60-летию Военно-Морских кампаний Японии и США на Тихом океане). К 70-летию освобождения Орловщины от оккупантов в издательстве «Картуш» вышла в свет его многоплановая книга «На воде некуда бежать», оформленная автором.

Прозаик и публицист, художник-дизайнер, отвечающий за транспорт при книгопроизводстве, Сергей – постоянный представитель, фотокорреспондент типографий «Фолиант» и «Новое время», участник съёмок документальных фильмов и видеороликов о замечательных земляках, а также о Героях Вооружённых Сил Отечества. В ноябре 2013 года автор многих очерков о Второй Мировой войне принят в Союз российских писателей. Награждён за труд памятными медалями «70 лет Танковой Гвардии», «900 лет подвигу священномученика Кукши», «70 лет Великой Победы», «600 лет крещения амчан и обретения чудотворной иконы святителя Николая во граде Мценске».

В Год 70-летия Победы, Русской литературы и 72-летия освобождения Орловщины от германских агрессоров Рассохин-младший, в соавторстве с Виктором Васильевичем Рассохинным создали и выпустили три книги: «Небопроходцы», «Штурмующий небо» (новая версия) и «Память крепче брони». К очередной годовщине освобождения Орла от захватчиков издан иллюстрированный журнал «Орловский Военный Вестник», полностью состоящий из военно-исторических исследований отца и сына.

Находясь в постоянных командировках по Орловщине и России, писатель подчёркивает, что многократные встречи с соотечественниками, беседы с представителями всех профессий являются сокровищницей созидательности народа, кладезем образов и характеров. Анализ архивов и мемуаров служит Сергею Викторовичу «ключом» к пониманию трагедий и радостей народов СССР, победивших фашизм и милитаризм 70 лет назад...

СЕРГЕЙ РАССОХИН

В ОГНЕ КРЫМСКИХ ДЕСАНТОВ

Довоенная Орловщина дала на пользу и обороне Родины Великую Рать пехотинцев, авиаторов, танкистов, моряков, артиллеристов, военных водителей, партизан, представителей всех воинских профессий.

Неповторимо складывалась их трудовая и боевая судьба под именем-флагом вождя «всех времён и народов» И.В.Сталина. Одним из фрагментов незабвенной эпохи и по сей день служит биография шаблыкинца Николая Александровича Скворцова.²

Он родился за 19 лет до Священной войны в приграничном с Брянщиной сельце Юшково в семье русских крестьян. Земляк легендарных (в будущем) воинов И.В. Воронова, И.А. Леонова, С.Д. Филина, А.Т. Шурупова, И.С. Кузнецова помогал родным по хозяйству. Хорошо учился в близлежащей начшколе, затем, наравне со взрослыми, трудился в местном колхозе. Когда началась Вторая Мировая, юноша, как и многие орловцы, самостоятельно искал лучшей доли – работал на пилораме и лесоскладе одной из шахт Донецкой области.

Жизнерадостного Колю призвали в состав ВМФ в 1941-м. Его ввели в штат Потийской ВМБ (303-й стрелковый взвод), позднее – в артдивизион базы.

С осени 1943-го отдельный 384-й батальон морпехов КЧФ, в 1-й стрелковой роте которого воевал пулемётчик Скворцов, громил агрессоров под Бердянском, на Кинбурнской косе, под Херсоном – у посёлков Широкая Балка и Богоявленское. Здесь молодой моряк проявил себя храбрым и смекалистым воином, истинным боевым товарищем, знающим цену взаимовыручки и боеприпасов.

Впоследствии фронтовая путь-дорожка свела краснофлотца с выдающимся десантником КЧФ, старшим лейтенантом К.Ф.Ольшанским. Поговорка «таких людей больше не будет» полноценно относится к Константину Фёдоровичу, слава о ратных подвигах которого гремела по всей 28-й армии 3-го Украинского фронта, хотя не все знали его в лицо. Красавец-харьковчанин, бывший автослесарь прослыл «морским волком», преподавал спецпредметы в электромеханической школе Учебного отряда КЧФ с 1937 года. По окончании курсов младкомсостава, младший лейтенант Ольшанский отличился беспримерной отвагой при обороне Севастополя. С января 1943-го 28-летний лидер автоматной роты

² Газетно-журнальный вариант в авторском сокращении, февраль 2015 г., Р.С.В.

отдельного 384-го батальона морской пехоты оборонял Ейск, позже истреблял врагов в ходе освобождения Жданова (Мариуполя).

Под его начало и попал наш земляк – в отряд из 55 моряков-добровольцев, 12 связистов и сапёров, именуемый гитлеровцами «Чёрная смерть».

Глубокой ночью 26 марта 1944-го, десантники, ведомые К.Ф. Ольшанским и А.Н. Андреевым, прошли на вёслах вверх по Южному Бугу 15 км, отчалив из Богоявленского в направлении порта Николаев. Им удалось проплыть незамеченными, хотя берега реки находились под охраной немцев на расстоянии свыше семи километров.

В дымке рассвета морпехи убрали часть фашистского дозора, чем обеспечили захват элеватора и ряда зданий Николаева с моря. Теперь семь рыбачих баркасов им были не нужны: главной задачей десанта командование 28-й армии считало срыв угона мирных жителей в Германию, намеченного противником как раз на 26 марта.

48 часов «ольшанцы» сдерживали 18 атак неприятеля. Три батальона немцев с шестиствольными миномётами и лёгкими пушками, с дымовыми шашками и огнемётами, пытались уничтожить русский десант, сбросить героев вторжения в море. За эти двое суток ада «Чёрная смерть» забрала на тот свет свыше 700 гитлеровцев, ценой гибели 56 лучших бойцов отряда.

Гордость КЧФ Н.А. Скворцов

Защитник и освободитель Крыма
К.Ф. Ольшанский

Пулемётчик Николай Скворцов беспощадно расстреливал немецкие цепи из офицеров и солдат, взвешенно берёг боеприпасы.

Он лично отбил несколько атак, засев в одной из бывших контор порта, был ранен, но не приостановил возмездия над оккупантами...

К полудню они ввели в бой танки с полком пехоты, пушками и миномётами, пошли на штурм смельчаков в четырнадцатый (!) раз. Николай прицельно-кинжальным огнём скошил многих автоматчиков, но один из них швырнул гранату в здание, буквально ему под ноги.

Оказавшийся рядом однополчанин Саша Лютый подхватил пулемёт у потерявшего сознание Скворцова, с ходу застрелив санитаря и офицера. Черноморец успел перебинтовать товарища, а после пробежал под пулями около 50 метров за фляжкой немецкого санитаря. Чужая вода не спасла Николая – он умер от ран в объятьях друга...

Сверхчеловеческая ярость охватила Лютого – он вёл безостановочный огонь из пулемёта по врагам, заседавшим от железнодорожной ветки. Когда вышел боезапас, Александр бросал в них гранаты, но угодил под град пуль и выпал из окна...

Огнемётные танки зажгли их последний оплот. После боя никто не сможет объяснить чуда – тело Александра Сергеевича Лютого не обгорело, в отличие от останков его погибших соратников.

Живым и мёртвым участникам Николаевского десанта за месяц до Победы Родина воздала Честь присвоением звания Героя Советского Союза. Мастера лихих атак и кровопролитной обороны упокоились в Братской могиле в Николаеве в Сквере Героев-десантников. Будет воздвигнут памятник, а проводнику морпехов К.Ф. Ольшанского А.Н. Андрееву вручат «Звезду» Героя в 1965 году.

Февраль 2015 г., Орёл – Шаблыкино – Юшково – Орёл

ГЕРОЙ КАЗАХСТАНА ЖАРДЕМ СУПИГАЛИЕВ

30 января в Должанском районе Орловской области вспоминают воинов-красноармейцев из Казахстана, защищавших эти края в годы Великой Отечественной войны. В этом номере мы расскажем нашим читателям историю одного из таких доблестных сынов Отечества, полного кавалера орденов Славы и Отечественной войны Жардема Супигалиева, павшего в боях за Орловщину.

Фанатичные самураи и орден Красной Звезды

Не счесть героических подвигов советских воинов, чья ратная судьба и слава ещё ожидают полного раскрытия перед

послевоенными поколениями. Ярчайшим примером воинской доблести, самопожертвования и любви к Родине является боевой путь стрелка 109-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии рядового Жардема Супигалиева, уроженца села Жетибайское Урдинского района Западно-Казахстанской области.

В 1938 году, после окончания школы, будущий Герой трёх войн, не предвидя, «что» выпадет на его солдатскую долю, призывается в РККА Урдинским РВК. Первоначально Жардем служил в Белоруссии под началом Г.К. Жукова, затем под его же командованием отличился в сражении у реки Халхин-Гол, в Монголии. Затяжные кровопролитные бои с фанатичными самураями длились три месяца. В них храбрец Супигалиев завоевал первую выстраданную награду – орден Красной Звезды.

Три войны прошёл Жардем Супигалиев

Автор с сыном Героя Казахстана

Во время вторжения немцев и последующей оккупации Отчизны агрессорами, Супигалиев в первых рядах 88-й стрелковой дивизии участвовал в Битве за Москву. Фронтовая судьба вновь свела его с генералом Г.К. Жуковым, приказавшим создать спецподразделение из «халхин-гольцев».

На линии огня у деревни Калиновка

Участники сверхтрагичной обороны Смоленска Жардем и его однополчане били врага на Родине Советской Гвардии – под Ельней. Тогда его полк истребил в одной из яростных атак около 50 солдат и офицеров Вермахта. Беспримерные смельчаки остановили семь танков, подавили огонь и расчёты трёх дзотов и десяти пулемётных гнёзд. За стойкость, решимость и находчивость командование полка

награждает Супигалиева орденом Отечественной войны II степени. Помимо обороны Смоленска, Ельни, Москвы, Гвардейский полк Жардема сражался под Ленинградом, затем Сталинградом. В Битвах за города Ленина и Сталина меткий стрелок заслужил орден Отечественной войны I степени и орден Славы II степени.

С января 1943-го истребительное отделение особого назначения, где воевал отважный казах, на линии огня Орловско-Курской дуги. В ужасающем аде кровопролития в небе, на воде и земле подразделение Жардема 12 раз отбивало атаки фашистских танков и пехоты. В жесточайших схватках защитники Родины подожгли и подбили девять танков, расстреляли около 30 оккупантов, уничтожили два дзота с расчётами.

В бою 27 января у деревни Калиновка Должанского района Орловщины немцы бросили на горстку русских богатырей четыре танка из состава танковой колонны. Истекавший кровью Жардем и трое его однополчан обвязались противотанковыми гранатами и – ценой своей жизни – заблокировали головные бронемшины, чем застопорили дальнейшее продвижение крестonosной колонны.

Так героически погиб славный сын Казахстана, бесстрашный воин, патриот Жардем Супигалиев. Его посмертно наградят орденами Славы и Отечественной войны I степени. Но истинное горе по 29-летнему сыну, мужу, отцу было выплакано слезами родни и жены Натары после получения «похоронки» Жетибайским сельсоветом...

Сын об отце

Об «огнях-пожарищах» и судьбе отца поведал авторам строк его сын Бекес (Бекарыстан) Жардемович, искавший могилу папы 59 лет после войны. Куда только не обращался Супигалиев-младший – в Минобороны РФ, в комитеты ветеранов Казахстана и России, к СМИ разных стран (не стало СССР), в Центральный архив Минобороны России...

Мы случайно встретились с Бекесом за сутки до празднования 65-летия Победы, у фасада администрации Орловской области. Почётный гость региона шёл на приём к губернатору, возглавившему оргкомитет «Победа». Спешил, сильно волновался. Мельком показал последнее фото отца. Договорились встретиться позже. Борис Сергеевич (так он попросил себя называть для упрощения) пригласил нас в номер гостиницы «Русь».

Бекес Жардемович, ветеран МВД, долго рассказывал как впервые побывал с детьми и внуком на могиле их боевого предка, упокоившегося в селе Родники Должанского района. Вспоминал, как был тронут многолетним вниманием местных жителей, про зелёный забор, памятник и мемориальную доску. Сын фронтовика прослезился

при упоминании о средней школе имени Жардема Супигалиева. Показал фотографию, где он вместе с сыном – внуком героя, подполковником и командиром войсковой части Республиканской гвардии Исатаем Жардемовым. На снимке – отец и сын стоят у памятника отцу и деду. Надпись на доске гласит: «Супигалиев Жардем, казах, 1914 года рождения, Западно-Казахстанская область, Джанибекский район, красноармеец. Погиб 27 января 1943 года, захоронен – Орловская область, Должанский район, село Родники».

– Началась эта история давно, ещё по линии МГО СССР, – говорит прямой потомок героя, протягивая документы. – Вот переписка с главами администрации Должанского района В.А. Семёновым и А.И. Писаревым – они заказывали плиту в мраморном исполнении для увековечения памяти моего отца. А это – справка из Центрального архива Минобороны России. Читаю выборочно:

«...в алфавитной книге учёта безвозвратных потерь личного состава 190 сп 74 сд за 1943 г. значится: «рядовой Супагалиев Жардем» (фамилия, имя – так в документе). Других сведений нет...

Сведения о наградах Орденов Славы трёх степеней имеются... Других документов полка, необходимых для наведения справки за указанный период на хранении в ЦАМО нет»...

Седой казахстанец замолкает и, слегка прикрыв веки, погружается в скрижали воспоминаний. Берём, с его одобрительного кивка, один из документов и удивляемся:

– От генерала армии, Героя Советского Союза В.Д. Говорова?

Читаем письмо Председателя Центрального совета ветеранов войны, труда и Вооружённых сил Российской Федерации:

«Семье Супигалиева Жардем!

Ваш муж, отец, защищая нашу Родину, героически погиб в селе Калиновке Должанского района, на Курско-Орловской дуге в великом Сражении. За это Сражение ему присвоено звание Героя как солдата, награждённого тремя орденами Славы.

С искренним уважением и с добрыми пожеланиями семьям погибших за Родину – В. Д. Говоров.»

Герой Советского Союза

Действительно, четыре ордена Красной Звезды, две медали «За отвагу», полное кавалерство орденов Славы и Отечественной войны Жардема Супигалиева приравниваются к званию Героя Советского Союза. Храбрейшие из удальцов, многократно совершавшие подвиги во имя Отчизны, достаивались чести быть трижды награждёнными орденами Славы. О победивших смерть Героях отлично помнят и в издательстве «Казахстан», опубликовавшем галерею славных

орденоносцев Ж. Супигалиева, В. Пинчука, Д. Унчибаева, П. Бальбота, А. Заику, С. Сердюкова, М. Тютюнникова, В. Осипова, С. Ешбаева.

Да, память о них нетленна и переживёт века! Вопреки забвению, взаимосвязь поколений России и Казахстана, взаимовыручка патриотов из комитетов ветеранов войны открыли ещё одно незабвенное имя, спустя более 60 лет после величайшей трагедии Человечества XX века. На Мемориале Славы на Родине Жардема Супигалиева в Уральске накануне Дня Победы земляки и гости увидели барельеф с его изображением.

– Для меня Орёл и Орловщина очень дороги, ибо отец погиб в святой земле великорусской. Раз моего отца похоронили по чести и установили памятник, я всю жизнь буду помнить человеческое отношение, – говорит Бекес Жардемович, перед отъездом в родной Актау. – Если не вы, писатели, то кто же может посвящать нас в героические дела наших солдат и офицеров, кто будет искать и воскрешать их имена, а не кричать о патриотизме к юбилейно-памятным датам?!

На том и распрощались, обменявшись адресами и книгой в подарок. Отличное пожелание! Будем жить, творя, забвению вопреки...

Май 2010 г., Орёл – Долгое – Орёл

«ПОЛУНДРА» НИКОЛАЯ ДУБКОВСКОГО

*«Светят сполохи огневые,
Моряков увлекая в бой...
Бейся, сердце родной России
Нашей доблестью штормовой!»*

Александр Жаров

В будущем году морская пехота России будет широко праздновать значительно-исторический юбилей – 75-летие, хотя её первые подразделения родились ещё в 1705 году.

Отрадно, что в бессмертной когорте Героев Великой Отечественной войны, среди выдающихся представителей ВМФ со всей страны, стоят наши замечательные земляки Н.А. Дубковский, В.А. Лаврищев, Н.А. Скворцов, И.А. Тесленко и многие другие достойные сыновья обширной тогда Орловщины.

...Никто из Дубковских и змиёвцев не мог представить, что их сын и знакомый, обыкновенный крестьянин, прошедший начшколу и механизаторство в колхозе, окажется в составе ВМФ в 1940-м году.

Николая призвали в учебный отряд ЧФ при школе младших специалистов связи. За год до начала реализации плана «Барбаросса» – крепкий 20-летний орловец проявил отличие и усердие в военподготовке, выучившись на пулемётчика. Заповеди об изучении воендела, о воинской дисциплине, сам Устав службы подразумевали, что без инициативности и сознательности солдат и матросов успех в войне нереален, что при её неизбежности караются распущенность, пассивность, отсутствие бдительности. Старшие офицеры-преподаватели и флотская молодёжь знали: победа будет

Морпех Николай Дубковский

за тем, кто крепче духом и любовью к Родине, за теми, кто не допускает расхлябанности и эгоизма. Без девизов и бравых песен не обходилось, но предвоенному поколению было ясно – побеждает обладающий лучшей техникой, умеющий владеть ею безупречно в мирном времени...

В рядах 7-й бригады морпехов (БМП) Дубковский и товарищи переживают весь негласный ужас «блицкрига» близ вотчины Русского Флота – Севастополя. В тяжелейших кровопролитных боях, при эвакуации населения города на Кавказ, Николая Андреевича дважды ранило, он на глазах потерял многих сослуживцев. Участник небывалого противостояния людей, оружия и моторов, морпех

В.Ф. Елисеев в книге «Первая и вторая обороны Севастополя: правда и ложь», вышедшей в Городе-Герое в 2011-м году, пишет:

«Никому не удаётся вытравить из памяти народной, что Севастополь является бессмертно героическим. О нём так думают не только бывшие граждане СССР, но и жители земного шара. В народной памяти Севастополь сохранился как непреклонный и высокоорганизованный в борьбе с превосходящими силами врага. Его оборона оказала влияние на умы человечества: с фашизмом можно и нужно бороться. Каждый патриот и здравомыслящий человек должен бороться с очернителями истории обороны Севастополя. Искажается история не только обороны славного города, Великой Отечественной войны, славянства. Искажение всей истории славян не прекращается»...

Сражавшийся под началом Героев обороны – командира и комиссара 7-й БМП Е.И. Жидилова и Н.Е. Ехлакова, матрос Н.А. Дубковский, после излечения в госпитале, бил агрессоров на «Малой Земле», в феврале 1943-го. Встречался ли воин с заместителем начальника Политуправления Южного фронта, начальником Политотдела 18-й Армии Л.И. Брежневым – не суть важно. Уже через месяц после боёв за Новороссийскую Твердыню, его, как наводчика противотанкового ружья, направляют в 386-й отдельный батальон морской пехоты. Подразделению Дубковского поставят архисложную задачу – штурмовать первым рубеж обороны врага в ходе Керченско-Эльтигенской операции.

Чтобы выбить противника с Керченского полуострова, войскам Северо-Кавказского фронта, силам ЧФ и Азовской военфлотилии требовалось нейтрализовать 85-тысячную группировку. Все подходы и проливы к полуострову были нашпигованы минами, к патрулированию побережья привлекались не юнцы, а асы Люфтваффе.

Штурмовой батальон Николая десантировался с кораблей Новороссийской ВМБ у посёлка Эльтиген. Высадка проходила в ночь на 1-е ноября с бортов 116 плавединиц под охраной 13 торпедных катеров. 318-я стрелковая дивизия 18-й Армии и два батальона ЧФ поддерживали морские авиаторы и лётчики-штурмовики из авиадивизии 4-й Воздушной Армии. 140 орудий береговой и полевой артиллерии вели непрерывный прицельный огонь по вражеским укреплениям.

Тяжёлое положение богатырей усугубилось сильным штормом в проливе. Из-за ветра, качки и волн атакующие остались без боеприпасов, снаряжения и провианта. Непогодь сковала силы снабжения, тогда как отважный 386-й батальон с потерями укреплялся на суше под шквальным огнём контратакующих немцев.

В ходе штурма Николай уничтожил пять огневых точек, найдя выгодную позицию для стрельбы. Его рота захватила участок противотанкового рва. Вместе с напарником, умело действуя противотанковым ружьём в течение 12 атак неприятеля, защитник Отечества Дубковский не покинул поле боя, будучи раненым.

За сутки бесстрашные советские десантники смогли овладеть территорией до двух километров в глубину и до пяти – в ширину. Обороняясь, рота морпехов орловца, находясь в противотанковом рве, отбила 15(!) атак фашистов. 2-го ноября захватчики подтянули резервы и атаковали 18 раз, начав подавление русского десанта. В смертельных схватках под беспощадным свинцовым ливнем огня всех калибров, 1-я стрелковая рота под лидерством лейтенанта П.Г. Дейкало остановила шесть танков крестоносцев навсегда. В том памятно-адском бою

раненый Николай Андреевич уничтожил два бронемонстра несколькими выстрелами подряд из противотанкового ружья...

За верность Родине и снайперство, проявленные в Эльтингенском десанте, краснофлотец Н.А. Дубковский 17 ноября 1943 года объявляется Героем Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР. Однако была и обратная сторона медали – немцы заблокировали и окружили десант «Чёрной смерти». До 7-го декабря – прорыва из окружения – морпехи дрались 36 дней и ночей, наконец, вырвавшись на южную окраину Керчи. В целях поддержки их выхода – в бой бросили отряды 83-й БМП.

Оккупанты контратаковали большими и свежими силами, поэтому наших десантников эвакуировали 10-11 декабря с помощью «братвы» Азовской флотилии. При этом ратный труд морпехов отнюдь не сочли безуспешным, ибо участники Эльтингенского десанта взяли на себя сковывание крупных сил немцев, что и привело к победе коллег северо-восточнее Керчи. Важную роль в операции и последующем освобождении Крыма исполнили как подчинённые, так и их командующие: генерал-полковник И.Е. Петров, вице-адмирал Л.А. Владимирский, контр-адмирал С.Г. Горшков.

Неоднократно раненный, бывалый в огнях и на водах, старшина I статьи Н.А. Дубковский демобилизовался из доблестного КЧФ спустя год после Великой Победы. Всю войну он мечтал вернуться домой, укрепить семью, заняться земледелием за рычагами или рулём трактора. Это было вторым рождением – возвращение к родному очагу, ключевой Неручи, на Родину Н. Лескова и И. Вольнова – через шесть лет грандиозных сражений и малых боёв.

Бывший посёлок Эльтинген вскоре переименуют в Героическое. Боевые заслуги моряка Н.А. Дубковского по праву увековечатся в наименовании парка, обелиска и мемориальной доски, торжественно открытых в послевоенной Змиёвке. Видится, славному земляку часто приносились памятью эпизоды страшной войны, сродни со стихами Григория Поженяна – поэта, любимого военными и гражданскими мореманами:

Память крепче брони (п. Героическое)

*И пока просыпались горны утром пасмурным и суровым, море
виделось мне то чёрным, то – от красных огней – багровым.*

Февраль 2013 г., Орёл – Керчь – Змиёвка – Орёл.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОСВЕНЦИМА

(К 70-летию освобождения заключённых концлагеря)

Идеологическо-информационная кампания, ведомая прозападными и зарубежными СМИ по историческому наследию Второй Мировой войны, обязывает противодействовать ей фактической неопровержимостью фашистских преступлений.

27 января 1945 года Красная Армия освободила крупнейшую «фабрику» смерти нацистской Германии – концлагерь Аушвиц (по-польски Освенцим). Основанный за год до нападения гитлеровских орд на СССР, на слиянии Вислы и Солы близ городка Освенцим (60 км западнее Кракова), он занимал территорию около 500 гектаров.

Поначалу узники размещались в казармах, позже здесь действовало табачное производство. «Новый порядок» предусматривал содержание и эксплуатацию до 250.000 мучеников, в

том числе стариков, женщин, детей. Необыкновенный фашизм пунктуально отслеживал даже беременных и рождение младенцев...

На Первоймай 1940-го на должность коменданта из Заксенхаузена (туда попадёт сын И.В.Сталина – Яков) перевели гауптштурмфюрера Рудольфа Ханса Хёсса – давнего друга Мартина Бормана. Новый комендант, имевший трагичный «опыт» охраны Дахау с 1934-го, спустя месяц принимал «инспектора» смерти, рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Вместе с подчинёнными они контролировали 45 рабочих команд Аушвица и посетили филиалы концлагеря – Моновице и Бжезинка.

Эсэсовцы под жезлом Гиммлера по его приказу провели расширение адского вертепа, оборудовали «фабрику» газовыми камерами, оснастили подвалы для хранения трупов, согласно доктрине «Окончательного решения» (план тотального уничтожения евреев и цыган). Были введены должности – старшие по концлагерю, его блокам, баракам, дневальные, не говоря про автобаты, команды автоматчиков и свору обученных на травлю овчарок.

Поскольку контингент узников являлся международным (всего 27 национальностей), его обязали носить отличительные знаки, иначе – лагерное клеймо. Поляки и французы носили нашивки «Р» и «F» (что применялось аналогично и к другим, наиболее массовым народам). Нашивка «А» обозначала нарушителя дисциплины труда, «К» – военпреступника, «Blöd» – идиота (умалишённого или дурака).

Изначально жертвы новых рабовладельцев дробились на четыре группировки – политвраги, низшие расы, уголовщина и неблагонадёжные. Евреи, цыгане, полукровки (вторая группа) не имели абсолютно никаких шансов на спасение. Они проживали отдельно в спецбараках (конюшнях) предвидя смерть от каторжных напряг, пыток голодом, медэкспериментов, в ожидании дня, когда палачи вели их сотнями и тысячами в газовые камеры и крематории...

Однотипно с Майданеком, Треблинкой, Биркенау, Дахау – Аушвиц (Освенцим) стал апогеем сверхчудовищного геноцида за всю историю цивилизаций Человечества. К политврагам «освободительного» режима причислялись коммунисты, социал-демократы, представители разномастных религиозных сект, миролюбцы и народовольцы, мученики, читавшие «не те книги» и слушавшие «враждебное» радио.

К ним (но особняком) прикреплялись бытовые и политические преступники, ранее состоявшие в рядах НСДАП (правлящей партии Третьего Рейха). К «крайне опасным» относились также интеллигенты, саботажники, паникёры, категория лиц, жившая «против всех», гомосексуалисты, проститутки и наркоманы.

Все без исключения носили цветной треугольник и порядковый номер на правом колене и левой стороне груди, причём в Освенциме «узаконили» индивидуальную татуировку номера узника на левом предплечье.

Каждой прослойке лагерников под страхом смерти запрещалось снимать и портить опознавательные знаки. Тем, кто пытался бежать или подозревался в побеге – красно-белая мишень на спине и груди. Политэкам – треугольник красного цвета. Ненормальные в половой ориентации метились розовым, цыгане – коричневым, уголовники – зелёным, а неблагонадёжные – чёрным треугольником. Жесточе всех спрашивали с евреев: дополнительно к стандартному треугольнику им нашивался жёлтый, а также шестиконечная «звезда Давида». Расовый оскорбитель в лице еврея, независимо от пола и возраста, принуждался к постоянному ношению чёрной каймы вокруг жёлтого или зелёного треугольника. Таково было личное требование Адольфа Гитлера, которому евреи подарили пальто, когда он прозябал нищим художником в Вене...

Кощунствующим на истории напоминаем, что через преисподнюю Освенцима протянули миллионы человек – более четырёх миллионов из них немцы истребили с использованием технических «достижений». Высокотоксичный газ «Циклон-Б» испытали на советских военнопленных в конце 1941-го, а первые эшелоны из СССР прибыли в лагерь спустя пять дней после взятия Орла бронearмадой Г.Гудериана.

Помните, что наших соотечественников безжалостно эксплуатировали на заводах по производству искусственного бензина, в цехах и на территориях Круппа, «И.Г. Фарбениндурии» и других предприятий. О какой «вредности» производства мог задумываться

Путь в ад (ж/д колея концлагеря)

председатель
концерна Георг фон
Шницлер, когда в его
руках
сконцентрировались
не только выпуск
основных химикатов и
синтетического
каучука, но и 72%
производства азотных

соединений, из коих штамповались бесчисленные боеприпасы?!

По различным (послевоенным) данным, на «фабрику» смерти железнодорожными составами доставлялись из Франции – 11.000, Греции – 65.000, Голландии – 90.000, из Словакии и Германии – 90.000 и 100.000 человек, из Польши и Венгрии – 250.000 и 400.000 жертв. Выжить посчастливилось единицам – никто не хотел умирать...

Гнуснейшим античеловеческим преступлением в Освенциме стали биологические эксперименты по массовому уничтожению русских, поляков, украинцев, сербов, югославов, чехов, хорватов, евреев и представителей иных рас и народов. В концлагере действовали такие спецлаборатории и больницы, рассказ о которых – документальная повесть с возрастной приставкой «20+». В обращении с узниками оказались нелюдьми не только «врачи», конвоиры и прочий «персонал», но и спецподразделения из «чистокровных» эсэсовок. Многие из кровожадных палачей непостижимым разуму образом избегают приговора Франкфуртского процесса 1963–65 гг. (например, исчез приемник Р.Х. Хёсса и Т. Эйке, старший инспектор концлагерей Р. Глюкс). Интерпол, Моссад и люди С. Визенталя так и не найдут подонка-«медика», «ангела смерти» Й. Менгеле...

В ужасающей обстановке Аушвица-Освенцима и его филиалов, с 1942 года за колючей проволокой сформируются подпольные группы Сопротивления. Выжившие из них навсегда пронесут в памяти лозунг над воротами: «Труд делает свободным!». Заключённые запомнят наизусть имена извергов-сатанистов В. Франка, К. Хеккера, Г. Шерпе, Р. Мулка, Х. Штарка. Не подлежат реабилитации в веках соучастники массовых убийств, запредельные жизнебомы В. Богер, В. Шлаге, Ш. Барецкий, Э. Хантл, О. Кадук, Ф. Лукас. Гореть в вечном пламени убийцам невинных – В. Капезиусу, Й. Клеру, К. Данилевски, П. Броаду, Ф. Гофману, Э. Беднаресу и им подобным врагам народов. Большинство из них приговорят к пожизненным срокам с каторжными работами. Хёсса поймали и судили раньше – в 1947-м в Варшаве, причём казнили на месте злодеяний – в Освенциме.

Героические бойцы и командиры Красной Армии – уроженцы 15 Республик Советского Союза – ровно 70 лет назад освободили 2819 человек, из них всего... 96 соотечественников. Расследованием преступлений агрессоров на оккупированных территориях занимались Чрезвычайная Госкомиссия СССР и Международный Освенцимский комитет в составе 16 держав Европы. Но и сегодня чёрная гранитная плита на Мемориале в Биркенау (Бжезинка), экспонаты музея и лагерные постройки в Освенциме, цепь каменных саркофагов и фигуры тел мучеников немим укором предупреждают новых диктаторов и «ястребов» Планеты:

*– Отвечайте нам, Бога ради,
Те, в ком чёрная бродит сила,
Что вам думать о новом аде
Мать-Вселенная запретила!*

Январь 2015 г., Орёл – Козельск – Стрелковка – Подольск – Орёл

«ДЕСЯТЫЙ ВАЛ» У МИДУЭЯ

Исторический очерк навеян событиями, происходившими в годы Второй Мировой войны в Тихом океане. Материал об океанском противостоянии собирался годами. Здесь тогда развернулись сражения между Вооружёнными Силами Японии, США и их союзников. Военные действия начались в декабре 1941 года, когда японская авиация нанесла сокрушительный удар по Гавайям (ВМБ ВМС США Пёрл-Харбор).

ИЛЛЮЗИЯ ПУТИ

Первая июньская неделя 1942 года вошла в историю Императорской Японии трагической страницей, несмотря на захватническо-триумфальные успехи её армии и флота. Прошло столько лет, и о дате 4–6 июня 1942-го упоминается сдержанно и кратко. Напомню, что Мидуэй входит в ещё не опубликованную антологию «Жертвоприношения XX века» так же, как Нанкин, Шанхай, Герника, Брест, Таранто, Севастополь, Пёрл-Харбор, а позднее – Эль-Аламейн, Сталинград, Орловско-Курская дуга...

Немногие знали об этом крошечном острове, ища его на карте после Пёрл-Харбора, Сан-Франциско, Гонолулу и Гонконга. Президент США, бывший зам. министра ВМС, Ф.Д. Рузвельт в послании Конгрессу 8 декабря 1941 года отметил его сразу же и печально: «Сегодня утром японские силы атаковали остров Мидуэй». 48 штатов перевернула всеобщая мобилизация... Главком понимал, что враг коварен, жесток и неумолим. Прикованный к инвалидной коляске, любитель океанской рыбалки, президент внёс оптимизм в души сограждан: *«С верой в наши Вооружённые Силы, с несомненной решимостью нашего народа, мы неизменно восторжествуем. И да поможет в этом Господь Бог!»*

Вскоре его пророчество реализовалось на Тихоокеанском театре военных действий – в мидуэйских водах и небе. Коралловый атолл площадью 5,2 кв. километра входит в северо-западную группу Гавайских островов. Климат тропический, пассатный. Население – коренные жители, военнослужащие с семьями, обслуживающий персонал, знающий гавайский и английский языки. В гарнизоне насчитывалось свыше 3600 человек. Остров имел стратегическое значение, находясь почти на середине линии Йокогама-Гонолулу протяжённостью в 3150 миль. Когда-то здесь проплывал на лайнере «Чичибу Мару» А. Вертинский, вспоминая стихи Г. Иванова...

Береговая оборона укреплялась мощными артбатареями. На Мидуэе расположились казармы, электростанция, самолётный ангар, топливные цистерны и вспомогательные сооружения. Имелись базовые и палубные самолёты разных типов. В 22-й авиагруппе

корпуса морской пехоты было 55 самолётов. В 221-й эскадрилье истребителей насчитывалось 28 «Уайлдкэтов» и «Брюстер Буффало». В состав 240-й эскадрильи пикировщиков входили 34 «Даунтлесса» и «Виндикейтера». Шесть «Дэвастейтеров» представляли 8-ю эскадрилью торпедоносцев. Эскадрилья летающих лодок «Каталина» обладала 32 машинами двух модификаций. В 7-й авиаармии находилось 17 «крепостей» Б-17 и четыре двухмоторных Б-26. Таким образом на Мидуэе базировалось около 120 самолётов в основном устаревших конструкций. Надежда на новейшие «Уайлдкэты» была невелика, ибо в случае воздушного боя ветераны ново-светской авиации уступали в скорости и манёвренности вездесущим авианосным истребителям «Мицубиси-Зеро». Для подкрепления предусматривалось перегнать единицы Б-17 с пострадавших ранее Гавайев. Они могли быть задействованы только с горизонтального бомбометания и большой высоты. Шанс попадания в эсминцы, линкоры, крейсера и авианосцы оставался маловероятным.

Новый командующий Тихоокеанским флотом, сменивший Х. Киммеля, адмирал Ч. Нимиц, командующий подводными силами контр-адмирал Б. Инглиш, военно-морская элита, находившаяся в Пёрл-Харборе, знали, что судьбу предстоящего сражения разрешит авианосная сеча с большим количеством самолётов, а также сил поддержки – эсминцев и субмарин. Большое внимание уделялось танкерному снабжению и разработке ударов береговой авиации по кораблям «красно-солнечного» противника.

Ещё в середине мая адмирал Ч. Нимиц был уведомлён разведкой о возможном десантировании японцев на Алеуты. Отвлекающий замысел ясен: пригвоздить заносчивых янки и выбросить их с Мидуэя раз и навсегда. Главком Императорского Объединённого Флота адмирал И. Ямамото вместо виски пил чай, встречаясь с морскими авторитетами О. Нагано, Н. Кондо, Т. Ониси, Д. Одзава, С. Ямадзаки и М. Угаки...

Оперативная разведка, наученная разгромом в Жемчужной гавани и на аэродромах острова Оаху, пережив шок и стопор действий в начале декабря 1941-го, теперь работала более углублённо. Вашингтонский спрос был велик, ибо Ф. Рузвельт объявил войну до конца. Только что заступивший на должность командующего ВМС США Э. Кинг, которому ещё предстоит встретиться с наркомом ВМФ СССР адмиралом Н. Кузнецовым, отправляя меморандум Комитету начальников штабов союзников, ежедневно взывал к тому же...

Японское командование, следуя выработанной стратегии под кличем тигра, по-самурайски решало гамму уравнений, способствующих проведению операций в Тихом океане. Оно искало вторую точку опоры, чтобы поговорить с Америкой на более близком

расстоянии. Наследники традиций Х. Того планировали отсечь от неё и Англии огромные сырьевые источники и, помня о нефтеэмбарго, включили в «блицкриг по-токийски» Австралию, Новую Зеландию, Океанию и Южную Африку. Ставка на атолл Мидуэй и его захват обеспечивали воплощение давней мечты – своей военно-морской базы в центре Великого океана.

Не сразу морская и армейская знать определилась в выборе иллюзорного пути. Однако реваншизм не жалел душ сограждан, «белых варваров», рабов и, конечно, моторов.

Несмотря на успехи Японии на суше и на море, стало выясняться, что второй этап войны переходит в длительную стадию и вместе с тем ставит перед Вооружёнными Силами вопросы оборонительного характера. Продвижение вперёд связывалось с укреплением на завоёванных территориях. «Демократы» и «консерваторы» после ошеломляющих ударов не упали навзничь. Стиснув зубы и пересилив скорбную боль, союзники изготвились к сопротивлению, укрепили уязвимые места. Распрявление противника было фактом, а уцелевшие авианосцы, не попавшие под внезапность, удручали тех, кто заранее представил их затонувшими...

Западный вариант экспансии разработал капитан I ранга К. Куросима, служивший в оперативном отделе штаба Объединённого Флота. Основная мысль пронизательного оперативника, поддержанного самим И. Ямамото, сводилась к уничтожению английского флота и захвату его форпостов, а также к установлению более крепких связей с военщиной стран «Оси» и их сателлитами. Планом предусматривались вторжения на Цейлон, контроль над Индийским океаном, закрепление за собой Голландской Восточной Индии и Малайи, с выходом на соединение с воюще-лязгающим монстром Рейха на Ближнем Востоке. Оружейный союз потомков Токугава и Барбароссы мог стать умопомрачительной явью.

Расхождение во мнениях и точках зрения объединяла общая цель – наступление. Изучение планов вменялось в обязанности сослуживцам, чтобы с элементами дополнений они могли как можно скорее перейти в реальность. Обсуждение новой попытки перекроить мир вызвало оживлённый резонанс в политической и военной среде Родины Хризантем под флагом диктатуры Х. Тодзио и «миротворчества» Сына Неба – императора Хирохито.

Квинтэссенцию дискуSSIONНЫХ перипетий лаконично выразил участник Цусимского сражения, любимец морских авиаторов, адмирал И. Ямамото, десятки раз прокрутивший в своём сознании «за» и «против» очередного натиска. Формулировка вымученных мыслей заслуживает цитирования и ныне: *«Итоговый анализ обстановки показал, что успех или провал нашей стратегии в районе Тихого*

океана будет зависеть от того, удастся ли нам разгромить флот Соединённых Штатов, особенно его авианосные оперативные соединения. Морской генеральный штаб настаивает на необходимости прервать коммуникации между Соединёнными Штатами и Австралией. Этого хотят добиться путём установления контроля над некоторыми важными районами. Однако прямой и наиболее эффективный путь к достижению этой цели состоит в уничтожении авианосных сил противника, без которых эти коммуникационные линии при любых обстоятельствах не могут быть сохранены.

Мы полагаем, – подчеркнул выпускник Гарварда И. Ямамото, – что путём проведения операции по захвату о. Мидуэй нам удастся вынудить авианосные силы противника принять решающее сражение, в котором мы уничтожим их. (Авантюрная самоуверенность и дальность действия захватнической мысли поразительны, хотя «гоп» был промолвлен не пред рекой Синано, а перед длительным и опасным плаванием даже в мирное время. – Р.С.В.). Если противник и не примет вызова, мы беспрепятственно расширим периметр обороны о. Мидуэй и западной части Алеутских островов».

После апрельской бомбардировки Токио и других городов группой Б-25 подполковника Д. Дулиттла начальник Морского генштаба адмирал О. Нагано издал приказ № 18. В сжатой форме от имени Хирохито документ утверждал проведение операции. Избранные не удивились, ознакомившись с ним 5 мая 1942 года: «Во взаимодействии с сухопутными силами осуществить оккупацию о. Мидуэй и ключевых пунктов в западной части Алеутских островов».

Оперативная игра, прошедшая накануне императорского указа на флагманском линкоре «Ямато», показала множество сильных и слабых сторон, обнажила реалии флота. Его силы были огромны и вбирали в себя более 200 кораблей и судов. Сюда входили 11 линкоров, 8 авианосцев, 22 крейсера, 65 эсминцев и 21 подводная лодка. Авиамощь измерялась арсеналом 700 самолётов трёх типов. Своё отношение к Мидуэйской операции продолжали высказывать «академисты» – контр-адмирал Т. Ямагути, капитаны II ранга М. Футида и М. Гэнда, вице-адмирал Н. Кондо, начальник его штаба контр-адмирал К. Сираиси и многие другие...

В День 70-летия флота Страны Восходящего Солнца морякам было не до праздника – начинался новый виток агрессии, колонизаторский поход во имя «процветания» по кодексу «Бусидо». 27 мая флагман ударного соединения «Акаги» снялся с якоря, дав понять взаимодействующим корсарам, что мирная передышка подошла к концу. Японский хитроумный циферблат показал шесть утра, и мало кому пришло в голову, что начался последний отсчёт

жизни по обе стороны океана. Эйфория от мечтаний была высока, она освещалась фейерверком первых побед, медленно ведущих к гибели. «Да здравствует Император!» – гремело над волнами, и никто не хотел думать о завещании...

СКРЕЩИВАНИЕ МЕЧЕЙ

Американское командование подозревало о намерениях японцев ещё до выхода соединения с о. Хасира-дзима. Сопоставление сил во второй фазе войны, сложно-специфичной, названной «второстепенным» театром военных действий, вынуждает к их полному восстановлению, поскольку московская идеология учила не проявлять интереса к Большой океанской войне по причине её «малой жертвенности». Ответственность за политику неуважения союзников лежит на «рулевых» Советской России и её народе, до сих пор не знающем о гибели 300 тысяч американцев, о пропаже 20 тысяч янки в ГУЛАГе, наконец, о вековом долге – 722 млн. долларов, не уплаченных за Ленд-лиз 1 июля 2001-го по соглашению от 1972 года.

Потери ВМС США в Пёрл-Харборе и в сражении в Коралловом море не возместились, ибо корабли, в отличие от самолётов, строятся годами, иногда—десятилетиями. Чтобы задержать ослабление сил, увеличить активность и укрепить моральное состояние, было решено возобновить деятельность в водах Австралии и Океании. Исходя из первых уроков-баталий между авианосцами, американцы предпочли не вводить в бой линейные корабли, переведя козыри на авианосцы, базовую авиацию и субмарины. Считаю важным аспектом более глубоко рассмотреть стратегически жизненный вопрос – сопоставление ВМС Японии и США для того, чтобы русскоязычный читатель уяснил себе насмешку «вождей» в термине «второстепенный».

Ямамото кроме флагмана «Ямато» располагал лёгким авианосцем «Хосё», линкорами «Мутцу» и «Нагато», крейсером «Сэндай», девятью эсминцами, гидротранспортом «Ниссин» и «Тиёда», несущими карликовые подводные лодки. В кильватере линкора «Хьюга» шли три линкора, авралью модернизированные в середине 30-х гг. Помимо лёгких крейсеров «Китаками» и «Ои» в соединение входило 12 эсминцев. На «плавучих аэродромах» вице-адмирала Т. Нагумо имелось 93 бомбардировщика, 84 истребителя и 84 пикировщика, причём все бомбардировщики могли применяться как с бронебойными бомбами, так и с торпедами. Не считая разведмашин, ударный кулак насчитывал 261 палубный самолёт. По запасному варианту, в случае захвата Мидуэя, на его аэродроме закреплялось по 36 истребителей для дальнейших операций. Вице-адмирал Н. Кондо, руководивший перехватом и уничтожением «Принс оф Уэлса» и «Рипалса» в декабре 1941-го, контролировал силы вторжения и

охранения, держа флаг на тяжёлом крейсере «Атаго», которым командовал капитан I ранга М. Идзюин.

Авторитетному стратегу подчинялись линкоры «Конго» и «Хиэй» контр-адмирала Г. Микава, а также 4-я эскадра эсминцев контр-адмирала С. Нисимура. Для усыпления бдительности американцев, также усиливших подход к Мидуэю завесой из субмарин, всюду раскручивался алеутский (отвлекающий) вариант. Японцы заявили о себе в конце мая, потопив два транспорта в проливе Ванкувер. Теперь северные ВМС, входящие в состав 5-го флота вице-адмирала М. Хосогая и его начштаба капитана I ранга Т. Накадзава, олицетворяли защиту и нападение. Командующий находился на тяжёлом крейсере «Нати», а контр-адмирал К. Какута верховодил 2-м ударным авианосным соединением, имея «под мечом» авианосцы «Рюдзё» и «Дзунъё», крейсера и эсминцы. Соединениями вторжения на острова Атту и Кыска командовали контр-адмирал С. Омори, капитан I ранга Т. Оно, вице-адмирал Т. Комацу и контр-адмирал Т. Коно. Базовую авиацию и 24-ю воздушную флотилию патронировали вице-адмирал Н. Цукахара и контр-адмирал М. Маэда. В ведении Т. Морита находилось 36 «Зеро» капитана III ранга М. Кокуфуда. Эти истребители временно стали палубными.

3 июня намечался удар по Датч-Харбору, а 4 июня основной шквал огня должен был обрушиться на Мидуэй. В Токио, как и на Хасирском флоте, считали, что «северный инцидент» вызовет растерянность в США. Они знать – не гадали, какая сила уже поджидала их для возмездия.

Состав американских сил, выставленных на фарватер войны, выглядел не столь устрашающим, как японский, однако он обладал не менее убойным калибром, боевыми плавединицами и самолётами. Авианосцами «Энтерпрайз» и «Хорнет» командовал контр-адмирал Р. Спрюэнс, тяжёлыми крейсерами «Пенсакола», «Нью-Орлеанс», «Нортгэмптон», «Винсенес» и «Минниэполис» – контр-адмирал Т. Кинкейд. Сюда же входили крейсер «Атланта», эсминцы «Конингхэм», «Фелпс», «Уорден», «Балч», «Эйлуин», «Бенхэм», «Мори», «Эллет» и «Монагхэн». Опытный контр-адмирал Ф. Флетчер, находившийся на авианосце «Йорктаун», прекрасно знал корабельные расписания и походный ордер тяжёлых крейсеров «Астория», «Портленд», а также эсминцев охранения «Хамманн», «Рассел», «Моррис», «Хьюз» и «Эндерсон».

Боевая задача № 1 возлагалась на подопечных стратега подводной войны контр-адмирала Б. Инглиша. Немногие из команд дизель-электрических «барракуд» типа «Гренадьер», «Драм», «Гаджон», «Пайк», «Гэтоу», «Финбэк», «Гроулер», «Помпано», «Траут», «Планджер», «Тэмбор», «Группер», «Порпойз», «Тарпон»,

«Долфин», «Триггер», «Флаинг Фиш», «Наруэл», «Поллак», «Грейлинг», «Кэшэлот», «Наутилус», «Туна» и «Каттлфиш» вернулись на базы надводным ходом после войны. Ещё меньше приоткрыли тайны океана в мемуарах, как это удалось адмиралу Ч. Локвуду в книгах «Морские дьяволы» и «Топи их всех!»...

На войне выигранные минуты, часы, дни часто приводят к роковым результатам. Авианосцы «Рюдзё» и «Дзунъё» под командой капитанов I ранга Т. Като и С. Исии 3 июня атаковали Датч-Харбор. Но в планы властно вмешалась природа, и только погода помешала разгрому – основная самолётная волна вернулась ни с чем.

«Рюдзё» повезло больше. Этим же днём 30 бомберов и 6 истребителей прошли мглу и вышли на цель, основательно «распотрошив» Датч-Харбор. Какута ликовал, оценивая мастерство своих пилотов, но поспешил. Американские «Каталины» капитана I ранга Гереса и атаки бомбардировщиков генерала Батлера отбросили врага на 400-мильное расстояние. Японцы потеряли 4 самолёта, что подтвердило репутацию контр-адмирала Р. Теоболда.

Замысел противника был разгадан. Флот не попал в ловушку благодаря разведслужбе Дж. Рошфора на Гавайях, предупреждавшей, что Алеуты – Мидуэй – коварная западня. Расшифровка японского кода и свободное чтение зашифрованных радиопередач принесли неоценимую пользу.

Как ни велик океан, а 3 июня лодка-разведчик «Каталина», пролетая в 700-х милях юго-западнее Мидуэя, обнаружила соединение вице-адмирала Т. Нагумо. Тайное стало явным. Грозная наступательная сила являла собой одно из трёх стратегических соединений, следовавших на атолл. Нежданных гостей встретили немедленно, подняв в воздух группу Б-17. Ввиду ухудшения видимости, спешки, проливного дождя и нервного азарта американцы не поимели лавров, хотя японцы потеряли 24 человека убитыми и ранеными.

Стоя на мостике, Нагумо понял, что последствия от преждевременного контакта с врагом непредсказуемы. Но силища за его спиной была столь велика, что возникавшие сомнения стёрлись в порошок, как растираются в руках сухие водоросли. Удручала болезнь стратегов-помощников М. Футида и М. Гэнда. После жизни, проведённой в штормах и учениях, у него ныли ноги, и сейчас он забыл о них, слушая своего начштаба, адмирала Р. Кусака...

Время и командование спрашивали быстро и на ходу. После ночной стычки с «Каталинами» пришлось нарушить радиомолчание для передачи приказа. Его перехватили и при скорости 24 узла армада оказалась рассекреченной. Обстановка ежеминутно осложнялась.

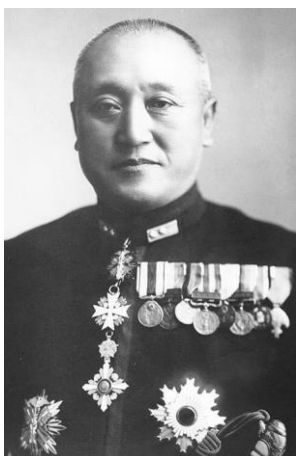
Главком Объединённого
Флота И.Ямамото

Начальник Генштаба
ВМС О.Нагано

«Академик» авианосных
баталлий Д. Одзава

Командующий Флотом
вторжения на материк
Н.Кондо

Авторитет «Кидо Бутай»
Т.Нагумо

Герой Империи –
Т. Ямагути

Ведущий 1-й авиаволны
на Пёрл-Харбор
М. Футида

Стратег океанской бойни
М.Гэнда

Подводник М.Хасимото,
потопивший
«Индианаполис»

«Акаги» – флагман агрессии

Модернизированный «Кага»

«Хирю» на пути к гибели

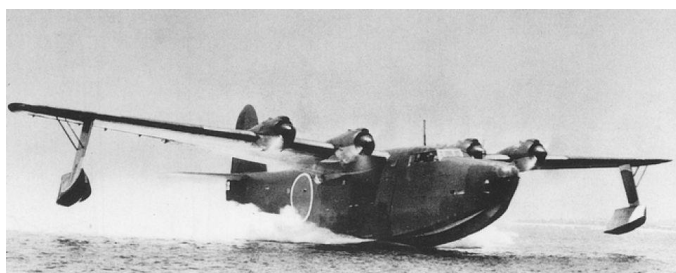
Полный ход «Сорю» к катастрофе

Линкор «Нагато»

Разбудившие океан

«Каваниси» на шумела на Великом океане

Палубный «Мицубиси-Зеро» конструкции Д. Хорикоси

Глоток воздуха для батарей

На воде некуда бежать

4 июня в 5 часов 45 минут летучий патруль американцев донёс о приближении к Мидуэю группы самолётов с северо-запада, а затем обнаружил авианосцы «Кидо Бутай». Очевидно, японцы перехватили это донесение более позднее, в четвёртом часу дня. Через полтора часа с крейсера «Тонэ» капитана I ранга Т. Окада получили нерадостную весть: по пеленгу 260° летят 10 самолётов американских ВВС. Наступившая ночь усилила нервозность личного состава, напомнив, что Япония далеко.

5 июня в 4 часа 45 минут утра, несмотря на ночную тревогу, принесённую лейтенантом Р. Джеком на крыльях «Каталины», в воздух стартовала 1-я ударная волна с четырёх авианосцев под командованием капитан-лейтенанта Ё. Томонага. За ведущим шли асы, опрокинувшие Тихоокеанский флот США в Пёрл-Харборе: капитаны III ранга Т. Егуса, С. Мурата, С. Итая; капитан-лейтенанты С. Огава, М. Суганами. Лидер 21 торпедоносца «Накадзима» Р. Кикуги не чаял скорее раскрыть замки убийственно-броневой ноши.

Оглушительный рёв 108 самолётов с отборным лётсоставом подчёркивал – началось исторически эпохальное морское сражение. По классификации, работа, которую должны были произвести «небесные рыцари», определялась 36 бомбардировщиками и тем же числом истребителей и штурмовиков. Скоростное смертельное «шило» нельзя было утаить и не заметить в предрассветном куполе неба.

Вскоре после взлёта воздушный патруль американцев засёк нарушителей вечной тишины. Внезапно появившись над строем «Зеро» в 30-ти милях от Мидуэя, «Каталина» сбросила светящуюся бомбу. Условная сигнализация была воспринята сослуживцами, рванувшими навстречу японцам.

Завязался бой, с каждой секундой переходящий в немыслимую ожесточённость. Теперь эти люди, полные светлых и тёмных надежд, становились кровоточащей, горяще-дымной бесформичей в воздухе, пеплом, масляными пятнами на воде.

Натиск «джапов» разорвал оборонительную оболочку: пилоты устремились на бомбовую «распашку» коммуникаций. К печали захватчиков, самолётов на аэродроме не оказалось. Офицеры, зная об угрозе, поторопились поднять машины в воздух, в целях контратаки противника с меньшими затратами. Топливо берегли, иногда больше, чем жизнь.

Атака японцев всей мощью обрушилась на взлётно-посадочную полосу и сооружения о. Истерн-Айленд. В результате вышла из строя теплоэлектростанция. Сгорел ангар, тлел ряд строений, а также были уничтожены командный пункт морпехов и столовая. Командир рукотворного «торнадо» Ё. Томонага сожалел, что бомбовый удар

вышел незначительным. Считая, что задача не решена, он радировал на «Акаги»: «Необходима вторая атака. Время – 07.00».

Нагумо ответил не сразу, но послал в поддержку вторую волну. К этому времени он потерял 5 бомберов и истребителей, попавших под зенитки и истребители Мидуэйской ПВО. Досталось и «звёздно-полосатым»: 24 самолёта исчезли безвозвратно, превратившись в раскалённый, шипящий и остывающий лом. Нападение вывело из строя систему снабжения авиации топливом, вследствие чего пришлось производить заправку горючим вручную.

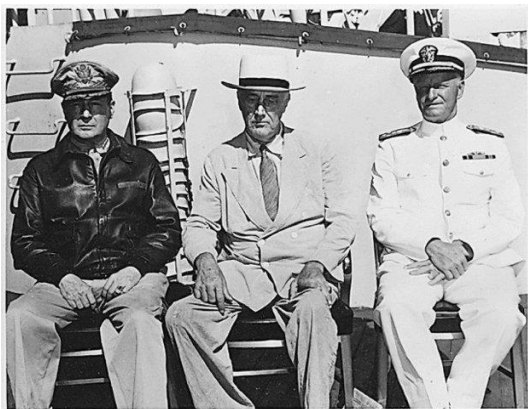
Утром против авианосцев были брошены торпедоносцы и «Мародёры». Пройдя сквозь зенитный ад и «корриду» с истребителями прикрытия, атака торпедистов вышла безуспешной. Уцелевшие экипажи были вынуждены отойти от броневое щита, который представлял собой веер, злобный частокорабельных орудий всех наличных калибров.

Внезапность, как в Пёрл-Харборе, у японцев не получилась, но инициатива пока была в их руках. Врождённое коварство и воинственность взывали их к действию, нарушившему пословицу «Море не может научить плохому». Они забыли (почитая дух предков) о мудрости веков: «Недолговечны гордые и обречены могучие».

НА ВОДЕ НЕКУДА БЕЖАТЬ

Штурм второй авиагруппы стойко отбивали истребители морской пехоты, но тройной перевес в наличии стволов и более совершенных машин говорил о том, что посланцы Микадо господство не уступят. На о. Сэнд-Айленд кроме 250-килограммовых сработали 800-килограммовые бомбы. Гидросамолётное пристанище торчало вывернутыми каркасами в дыму и догорающих головешках. Страшным взрывом напомнили о себе две цистерны с горючим, разметав вокруг себя всё, что можно было поднять в воздух. Пожар уничтожил госпиталь. В огневом кольце оказался склад. Две платформы зениток перестали существовать. На аэродроме жертвами бомбёжек и обстрела пали 20 человек...

Авианосное соединение противника, крушившего Мидуэй около трёх часов назад, зацепить так и не удалось. Потеряв в пучине вод несколько самолётов, янки верили в удачу, но она просто отвернулась. В это время разведчик с «Тонэ» поставил офицерский состав перед фактом: «Вижу десять кораблей, очевидно, противника. Пеленг 10°, раст. 240 миль от о. Мидуэй, курс 150°». Через десять минут последовал уточняющий ответ с самолёта, согласно требованиям адмиралов: «Силы противника состоят из пяти крейсеров и пяти эсминцев». В 5.30 поступило дополнение к этому донесению: «Колонну замыкает корабль, похожий на авианосец».

Ф.Д. Рузвельт –
не забываемый День позора

Главком ВМС США
Э. Кинг

Ч.Нимиц:
«Разобьём джапов!»

У.Хэлси оправдал
прозвище «Бык»

Лидер флота
в Азии Т.Харт

Морской министр США
Дж.Форрестол

Адмирал Ф. Флетчер

Участник сражений Р.Спрюэнс

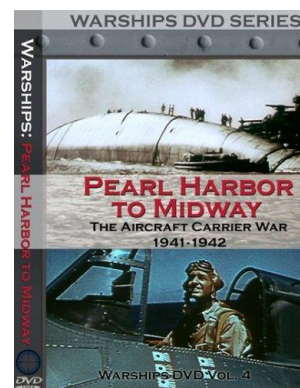
Авианосный
«волк» М.Митчер

Кровавый атолл

Ч.Локвуд: «Топа их всех!»

Слава Героям Америки!

Летучий патруль из «Каталин»

Торпедоносцы «Девастейтор»

Пикировщик «Даунтлесс»

Месть за «Жемчужную Гавань»!

Истребитель «Локхид Лайтнинг»

Истребитель «Уайлдкэт»

«Даунтлесс» над целью

Запустить моторы!

Бывалый «Энтерпрайз»

Авианосец «Йорктаун» в боевом походе

«Хорнет» – курс на Токио

Экипаж «Энтерпрайза»
четыре года мстил за Пёрл-Харбор

Передышка «Морских дьяволов»

Панорама сражения у Мидуэя

Мемориал в Пёрл-Харборе
(на дне оств «Аризоны»)

Именное наследие битвы за океан

Этот «огнедышащий айсберг» резко изменил координацию действий японских флотоводцев. Уведомив И. Ямамото о решении идти на сближение, умудрённый Т. Нагумо молча следил за посадкой самолётов, возвращавшихся после первой атаки Мидуэя. Около шести часов утра намечался подъём второй волны, торопились со временем на вылет. Было доложено, что первая дивизия авианосцев – «Акаги» и «Кага» – готова вступить в бой в 7.30, а вторая – «Хирю» и «Сорю» – поднимет самолёты в последующие полчаса.

В столь важный момент с «Хирю» оповестили об атаке вражеских бомберов. За огромными водяными столбами от бомб скрылся «Сорю». Ровно в восемь сигнальщик с «Акаги» дал знать о приближении группы самолётов с Мидуэя. Едва завершился приём машин первой волны, а вторая волна, уже прогрев моторы, готовилась к взлёту, около 30 пикировщиков «Даунтлесс» бомбардировали элитные авианосцы. Неожиданный бомбовый шквал с пикирования сокращал американцам промахи. Взлёт мстителей за префектуры срывался...

Свидетельствует лидер авиагруппы «Акаги», в тот день бескрылый (по болезни) пилот, опытнейший капитан II ранга М. Футида: *«Я взглянул вверх и увидел три вражеских самолёта, в крутом пике идущих прямо на корабль. Вот несколько чёрных капель отделились от их крыльев. Бомбы! Они летели прямо на меня! Инстинктивно я упал на палубу и пополз за щит управления. Сначала я услышал ужасающий рёв пикирующих бомбардировщиков и затем страшный взрыв. Прямое попадание! Вслед за ослепительной вспышкой раздался новый взрыв. Волной горячего воздуха меня отбросило далеко в сторону. Ещё один взрыв, но уже менее сильный. Бомба, очевидно, упала в воду рядом с авианосцем.*

Лай автоматов неожиданно смолк, и наступила необыкновенная тишина. Я поднялся и взглянул на небо. Американских самолётов уже не было... Оглядевшись, я был потрясён разрушениями, произведёнными за считанные секунды. В полётной палубе, как раз позади центрального люка лифта, зияла огромная дыра. Сам лифт скручен, как полоска фольги. Искорежённые листы палубной обшивки причудливо свернулись. Самолёты горели, охваченные густым чёрным дымом. Пламя разрасталось всё сильнее и сильнее».

Футида умалчивает, что фатальное разрушение вызвала детонация своих же бомб и торпед, скопившихся не только на палубах, но и под крыльями самолётов. Мицуо сломал обе ноги, но, выжив в тихоокеанских битвах, вспомнит об этом на допросах в Аннаполисе, позднее – станет священником.

Теперь же флагман доктрины «Захват» агонизировал. Он «натворил» на суше и воде столько, что кровь погибших могла бы

подняться выше ватерлинии. Он останется «чёрным кораблём» в памяти жителей Гавайев, Целебеса, Явы, Цейлона, Австралии, других районов Тихого и Индийского океанов. Это его шесть 203-мм орудий, двенадцать 127-мм орудий, 28 малокалиберных зениток и 91 самолёт утверждали «Восходящее солнце», погружали во мрак небытия человеческие судьбы, разрушали города и селения, поднимали на дыбы землю, скалы, леса, воду и песок, истребляя всё живое и сущее...

Некогда блистательный «Акаги», из иллюминаторов которого, не прекращаясь, валил дым чернее сажи, а борта сжимали объятия смертельного огня, был неузнаваем. То и дело «ахали» бомбы своего же производства, взрывные волны сметали за борт матросов и офицеров. Авианосец перемалывал кости экипажу, жгя его и топя, как соучастника неслыханного разбоя под глумящимся вымпелом «процветание». Мгновение – и для сотен неуспевших спастись навсегда исчез запах родного очага, навечно отцвели сакура и орхидеи, отзолотились клёны, погибла рыбалка, погасли глаза родных и близких, в последний момент почему-то ставших немymi. Некоторые из них, охваченные огнём, вряд ли живыми долетали до воды. А те, кому пришлось спасаться на волнах, молились на спасателей, которые тоже попадали в перекрестие прицела и под осколки...

Самолёты на «Акаги» продолжали взрываться и гореть, а бомбардировщики с «Энтерпрайза», «Хорнета» и «Йорктауна» наседали, освобождаясь от смертоносного груза. В их надрывно-оглушающем рёве чувствовалось торжество над неприятелем, хотя японские самолёты и корабельная артиллерия расстреливали отбомбившиеся и безоружные «Дэвастейторы», «Виндикейторы», «Даунтлессы» и «Летающие крепости». Пылающими метеоритами уходили в синюю толщу воды «Буффало» и «Уайлдкэты». Тихоходные «Накадзима» и увёртливые «Зеро» тоже спешили расквитаться, но попадали в смерч и уходили из жизни, добивая своих обладателей на пути к вечному пристанищу – железному дну. О ложных тревогах накануне забыли исключительно все.

В машинном отделении было не легче. Кто они, эти безымянные мотористы, на слуху которых было сердцебиение корабля? Они были слепыми в одном – не видели ужаса, свирепствующего по палубе и бортам. После каждого взрыва они понимали, что не землетрясение 1923 года и не тайфун ворочает ими в океане. Они не знали, что в момент атаки на «Акаги» и «Кага» на их палубах скопилось около 70 самолётов, но по эху разрывов и сотрясениям осознавали телом бомботрясение 1942 года, которое было страшнее и сильнее, чем стихия...

Разве думал лейтенант-коммодор К. Маккласки, что судьба преподнесёт ему возможность первому отомстить за Пёрл-Харбор? Под прикрытием истребителей он вывел эскадрильи пикировщиков с «Йорктауна» и «Энтерпрайза», ударивших «Акаги» с правого и левого борта. Зенитчики авианосца сбили два бомбардировщика, третий, не выйдя из пике, врезался в левый борт. С двух заходов в разное время бомбы и торпеды сбросили три пикировщика и пять торпедоносцев, причём из семи бомб удачными и одновременно роковыми стали две. Могли ли защитить свои «гаражи» всего лишь 18 «Зеро»?

Первая торпеда, сброшенная при заходе с кормы, не достигла цели. Тут же в десяти метрах от левого борта параллельно носовой части упала бомба, не вызвавшая осложнения. Вторая бомба смяла угол центрального элеватора, а третья попала в левый угол оконечности полётной палубы. Успех трёх авианосных штатовских пикировщиков стал началом сокрушительного разгрома японского флота. Затопление «Акаги» продолжалось. «Умнеешь после случившегося» – учит пословица.

Вице-адмирал Т. Нагумо не захотел покидать корабль, следуя долгу морской чести и воинской доблести. За эти минуты в свои 55 лет он стал ниже ростом и постарел на десяток лет – срослись человек и корабль. Фраза морского волка и его начштаба Р. Кусака вывела командующего «Кидо Бутай» из «харакирного» состояния, после остужающих слов, сыгравших роль спасательного жилета: «Большинство наших кораблей невредимы. Вы должны командовать ими». Разбитый физически и морально, адмирал, потерявший управление соединением, перенёс свой флаг на крейсер «Нагара», надеясь на остаток разобщённых сил, прежде всего на контр-адмирала Т. Ямагути. Сражение входило в новую фазу, усугублённую критическим положением авангарда флота. Казалось, вчера – 16 апреля – в него так верил Император Хирохито, одобряя план по захвату Мидуэя за два дня до налёта на Токио «Митчеллов» Д. Дулиттла...

Между тем из боевого порядка помимо «Акаги» были выхвачены авианосцы «Сорю» и «Кага». Во время первой атаки, несмотря на ураганный огонь зениток и заградительно-расстрельную функцию «Зеро», к «Сорю» прорвались три «Летающие крепости» – Б-17. Бомбы легли в 50—100 метрах от кормы и в 200 метрах по правому борту. 11 огромных столбов тяжеловесной воды, полукругом опоясавшие корабли, утвердили положение – смерть идёт по пятам. Команда авианосца, воспитанная капитаном I ранга Р. Янагимото, не ошиблась, что второй налёт будет более прицельным. Зенитные расчёты вертелись, как юла, – бить в «молоко» означало идти на дно.

Через полчаса после «ознакомительной» бомбардировки в утреннем небе показались американские торпедоносцы. 17 тяжелогружённых машин под эскортом истребителей прикрытия шли на «Сорю», потрясая гулом пространство. Дежурные «Зеро» вылетели на перехват, злобным темпом «закашляла» зенитная артиллерия. Жестокий бой разворачивался при явном перевесе японцев. Спешно разрядились торпедоносцы «Хорнета», произведя малоприцельную атаку. Четыре торпеды цели не достигли. Лишь по правому борту и у носа «дракона» взметнулись два близких разрыва. Ощетинившись стволами, авианосец оказывал сопротивление, а детища Д. Хорикоси «Мицубиси-Зеро» спешили приводнить торпедоносцы, но уже с распоротым фюзеляжем и хвостом, однокрылым остовом в пламенной окантовке...

Многих американских лётчиков приняли горько-солёные воды у атолла Мидуэй, смельчаков, знавших, что шанс выживания в пекле схватки один из ста. 10 торпедоносцев не дождались на «Хорнете», не увидели своих мужчин семьи на материке. Их накрыла океанская волна, а сослуживцы – матросы, офицеры, адмиралы – со скорбью поняли, что отважные потомки «пилигримов» выполнили свой долг перед Отечеством до конца. Кара за коллег по штурвалу не заставила себя долго ждать.

В 7.25 двенадцать пикировщиков с авианосцев «Йорктаун» и «Энтерпрайз» нанесли мощный удар по авианосцу «Сорю», пройдя огненные клещи палубных перехватчиков и свинцовый ливень зенитных автоматов. Взрыв трёх бомб вызвал смятение и панику на корабле. Они легли, минуя корму, так прицельно, словно морские боги провели линию от левого борта к носу. 500-килограммовые «гостинцы» уничтожили и смыли за борт часть команды, видевшей агонию «Акаги». Жуткой участи не избежали артрасчёты, невзлетевшие лётчики, офицерский состав, знатоки турбозубчатых агрегатов и бойлеров, службы снабжения, жизнедеятельности, связи и корабельный лазарет. Дико визжала сирена, заглушая стоны и крики раненых.

Горящий и чадающий «Сорю», исковерканный до чудовищности, продержался на воде почти семь часов. Около девяти утра на исполин, ставший бесполезным, как гора металлолома, вышла субмарина «Наутилус» под командой Брокмэна, с ходу атакованная обнаружившими её эсминцами ПЛО и линкором. Экипаж, проявив мужество и настойчивость в толще воды, продолжил преследование и к двум часам дня сблизился с авианосцем на расстояние 2500 метров. Час пробил!

Три торпеды точно шли к неуправляемой цели, но радость была недолгой – японский эсминец начал зондирование глубинными

бомбами, очевидно, запеленговав не капитана Немо, а врага № 1. Своевременное погружение на 90-метровую глубину и точность в выборе манёвра спасли «брокмэновцев» от неминуемой гибели.

5 июня 1942 года авианосец «Сорю», спущенный на воду в 1937-м, значимое звено в крупных морских операциях, скрылся с глаз в 16.10, унеся с собой командира Р. Янагимото и 720 человек экипажа. Гроза океанских просторов и побережий превратилась в крупнейшую потерю Императорского флота Японии, возмнившей о своём «священном предназначении» слишком многое. Преступно многое...

Дерзкое «выдёргивание лучей из восходящего солнца» посредством мастерства, опыта и смелости американских пилотов и моряков ещё до гибели «Сорю» смертельно сдавило более тяжёлый по вооружению «Кага». Авианосцем командовал капитан I ранга Д. Окада, как и вся команда, не крещённый атаками пикирующих бомберов неприятеля. В ходе первой штурмовки в 5.30 на него сбросили несколько бомб. Три из них разорвались в 20—50 метрах от кормы, чуть не обрубив её. Хэйнеманновские «Даунтлессы», ведомые бесстрашным К. Маккласки, вышли из набегавшей облачности примерно в 7.30 и уверенно держались за своим командиром, отличившимся у Маршалловых островов в начале 1942 года. Сейчас он возглавлял лётный состав «Энтерпрайза».

Команда авианосца «Кага» работала во взвинченном состоянии, готовясь к отражению новой атаки, имея на борту 30 спешно перевооружаемых самолётов. Вскоре 11 пикировщиков плотно зажали авианосец, сбросили 11 500-килограммовых бомб. Три бомбы взорвались по левому борту, две – по правому, ближе к корме. Роковые четыре бомбы, попавшие в корабль – две с левой стороны палубы и две с правой – вызвали волнообразный, всё пожирающий пожар. С десятков оранжево-дымящихся холмиков, ближе к нему от надстройки, напоминали о тех матросах, кто сгорел заживо. На их скрюченные останки хаотически наступал огонь, усиленный ветром и адской температурой. Цистерны с горючим, пробитые осколками бомб, подливали в огонь не масло, а авиагазолин. Столбы клубящегося и бушующего пламени были настолько велики, что очевидцам с ближних и дальних кораблей соединения было больно смотреть на беду, цепная реакция которой ещё долго будет посещать самобытную и самовлюблённую Японию в кошмарных снах...

КООРДИНАТЫ ГИБЕЛИ И ТРИУМФА

Первоначально задуманный как линкор, «Кага» вступил в строй 31 марта 1926 года и являлся старожилем японского флота, «сэнсеем» для выпускников Академии «Эта Дзима». Противокорабельное вооружение было сверхопасным: десять 203-миллиметровых орудий. Они размещались по три с каждого борта

на уровне главной палубы, остальные четыре устанавливались попарно в двух орудийных башнях в носовой части средней взлётной палубы. Последняя была трёхступенчатой, причём дым от котлов отводился через две горизонтальные вытяжные трубы над кормой, что было тогда редкостью. Двенадцать 120-миллиметровых зениток были спаренными и монтировались в средней части авианосца на отдельных платформах.

После модернизации 1935—36 гг. на «Кага», как и на «Акаги», демонтировали две носовые взлётные палубы и оставили одну во всей 247-метровой длине корабля. Поскольку выхлоп мешал пилотам возвращавшихся машин, изменили его проводящую систему, установив одну наклонную трубу по правому борту, на котором размещался «мозг» корабля – островная надстройка. Носовые башни убрали, зато возросло число бортовых орудийных башен: их стало четыре. Оборону усилили четырьмя 127-миллиметровыми зенитными орудиями, разместив их попарно на консолях, выступавших за края взлётной палубы. Увеличение числа принимаемых на борт машин до 91 боеединицы (бомбардировщики типа «97», «99», истребители типа «Ноль») вынудило корабелов ввести в конструкцию третий лифт, поднимавший самолёты из ангара на палубу. Личный состав в количестве от 2019 человек отчётливо понимал, что есть четыре паровых двигателя и четыре турбины суммарной мощностью 127 400 л.с. При водоизмещении в 42 541 тонну они позволяли мастодонту шириной почти 33 метра «роджерствовать» со скоростью до 29 узлов, причём радиус действия при автономном плавании составлял 10 000 миль.

И вот теперь, в июне 1942 года, авианосец, при всей стойкости команды, не мог преодолеть магнетизма океанского дна, до которого было не менее пяти километров. Бензиновые ручьи мчались в трещины и зияющие дыры полётной палубы, цепко «хватались» за самолёты, обслуживающий персонал, медиков и смертельно раненых. Охрипшие зенитные автоматы беспощадно кромсали утреннее небо, делая его похожим на дуршлаг. Пилоты «Зеро» хладнокровно атаковали «Даунтлессы», пытаясь снять с себя вину за их внезапно-сокрушительное наступление собственной обречённостью и фанатичной верой в победу. Они споро набирали высоту, пикировали, накручивали высший пилотаж, и очередная жертва очередей с несбиваемым пламенем и свистящим грохотом врезалась в сизо-багровую воду...

Девять американских пикировщиков не вырвались из этой схватки. Лёгкие догорающие части самолёта, словно буи, торчали на гребнях волн, за них пытались зацепиться чудом уцелевшие матросы и лётчики. Увы, гаки и аэрофинишёры им уже не были нужны...

Через несколько часов взрыв потрясающей силы, вызванный детонацией цистерн с горючим, размещённых под бомбохранилищем, вывернул нутро «Кага» наизнанку. Слётанность палубных самураев под девизом «Действие – удел настоящего мужчины» становилась легендой.

Командира авианосца Д. Окада уговаривали срочно оставить корабль, но он не изменил морскому закону: «Капитан покидает судно последним». На мостике вместе с ним держались офицеры штаба. Тут их настиг убийственный вихрь из осколков торпед, бомб, обломков самолётов и бензоцистерн – командный состав погиб. Ему не суждено было знать об американской подводной лодке, отправившей залп торпед. Акустики и бомбардиры с эсминцев «Хагикадзэ» и «Майкадзэ» обстреляли её глубинными бомбами, не дав субмарине развернуться. Командам миноносцев досталась тяжкая работа – спасение людей с горящего «Кага». За обломок неразорвавшейся торпеды субмарины ухватились счастливыцы...

Капитан II ранга Амагаи, принявший штурвал власти после гибели Окада, предпринял попытку спасти корабль, но при всём героизме команды обречённость была неотвратима. Разорванный изнутри последними двумя взрывами, недавний оплот боевой и агрессивной славы затонул в 19.25. Погибли 800 человек, треть экипажа, формировавшегося годами. Воды атолла Мидуэй стали для него вечными.

«Кага» падал на дно первым. Следом за ним 6 июня в 2.00 своей командой будет затоплен «Акаги», начавший войну с подъёма национальной реликвии – флага броненосца «Микаса». Личный приказ И. Ямамото гласил: «С дистанции 1000—1500 метров четырём эсминцам стрелять торпедами типа «93», – что и произвёл в полном шоке лидер «Новакэ» капитан II ранга М. Кога.

Потеряв в бою много друзей и чуть не став добычей океана из-за нехватки топлива, на «Энтерпрайз» возвратился К. Маккласки. Все, кто был с ним, были героями дня, морскими защитниками США. И хотя ноющая печаль по погибшим давила мозг и душу, осознание того, что авангард японского флота смят и уничтожен, поднимало тонус жизни лётчиков и всей команды авианосца. Контр-адмирал Р. Спрюэнс быстро сошёл с мостика и, не скрывая радости, по-отцовски обнял ведущего, без конца повторяя: «Thank you!» «Благодарю вас!» Подвиг Маккласки и его боевых друзей передали в эфир, позднее он стал символом Виктории на страницах передовых газет и журналов мира. В разбитом Пёрл-Харборе, в Гонолулу и на Мидуэе, на Азиатском флоте и в Австралии с благодарностью восприняли весть о бесстрашии и снайперстве пилотов «Энтерпрайза», «Хорнета» и «Йорктауна». Тысячи похвал были высказаны устно и письменно в адрес

профессионалов – капитан-лейтенанта Д. Уорлдрона, Д. Гэя, лейтенантов С. Стронга, Ч. Ирвина, С. Вейтаса, капитан-лейтенанта Д. Ли. Рядом с ними вынесли суший ад Р. Корри, Ф. Габрески, К. Кэнфилд, Ф. Уайт, истребитель Кэри, майор Парк и подполковник Каймс, ведущий торпедоносец Эрнос и многие другие, чьи имена остались в истории морских баталий.

Их боевой опыт, выдержка, разработка ведения воздушных боёв над Великим станут путеводителем для будущих асов белозвёздной авиации – Р. Бонга, Дж. Фоса, Р. Хансона и Р. Хэрмера, Д. Маккембелла, Г. Бойнингтона и Т. Макгвайра. Они воспитают новую плеяду, касту небесных орденосцев, всегда поддерживаемых генералитетом ВВС Г. Арнольдом, М. Майлом, Г. Дэвидсоном, Д. Кенни, К. Спаатсом, Р. Шулгеном, самим президентом Ф.Д. Рузвельтом, требующим постройки 60 000 самолётов в год, часть их которых шла нам по Ленд-лизу через Атлантику и перегоночный маршрут Аляска—Сибирь. Забыть доброту невозможно...

...Последним оплотом, дравшимся всеми калибрами и типами самолётов, волею судьбы станет «Хирю» – флагман контр-адмирала Т. Ямагути. Участник Гавайской операции, причинивший огромный ущерб флоту США, авианосец представлял собой 2-ю авианосную дивизию, входившую в «Кидо Бутай» Т. Нагумо. Корабль 1937 года рождения олицетворял собой авианосный тип нового поколения, располагая арсеналом в виде 73 бомберов-торпедоносцев «Накадзима», пикировщиков «Айти» и истребителей «Зеро-сэн», более известных под английскими именами «Кейт», «Вэл» и «Фишер». Почти 228-метровый корабль водоизмещением 20 250 т. двигали 153 000 л.с., «рождаемых» четырьмя турбинами. При ширине около 23 метров и осадке 7,7 метров «Хирю» развивал 35 узлов полного хода при дальности действия 10 300 миль (больше, чем «Кага» и «Акаги»). Мощность стволов измерялась двенадцатью 127-миллиметровыми орудиями и 28 пулемётами калибра 25 мм. Экипаж был внушительным – более 1100 человек, присягнувших Империи.

Взлётно-посадочная палуба не составляла единого целого с корпусом и поддерживалась в корме и на носу на пилонках, причём надстройка нашла своё место по левому борту. По вопросу с авиаматчастью важно заметить, что 16 самолётов из вышеназванных требовали сборки по ходу плавания, т. е. числились резервными. Авианосец был оборудован тремя самолётоподъёмниками и двумя горизонтальными выхлопными трубами, размещёнными под палубой на правом борту.

21 истребителем командовал старший лейтенант С. Мори, пикировщиками – старший лейтенант Р. Кикуги. Главе авиагруппы

Ё. Томонага вменялись обязанности ведущего в ходе атак и охранения, а капитан II ранга Кавагути отвечал за состояние палубного дивизиона.

Сотни вылетов совершили истребители и торпедоносцы, неся смерть и разрушения ещё до мидуэйских вод. Контр-адмиралу Т. Ямагути было что вспомнить: учился в США, был военморатташе в Берлине и Москве, встречался с военной элитой многих стран и крепко дружил с главнокомандующим Объединённым Флотом И. Ямамото. Его уважали и ненавидели, ценили и недолюбливали как в морских, так и сухопутных кругах. Он познал винтовую «нарезку» судеб, изучил хитросплетения дипломатических шагов, но зная, что вода и небо – друзья и враги, больше находился в своей стихии, отстаивая линию сильного флота.

Командир «Хирю», капитан II ранга Т. Каку, внимательно слушая собеседника, помнил о его аристократическом происхождении, как и о знаменитом портсигаре с четырнадцатилепестковой хризантемой. И вдруг, словно барабаны инквизиции, донёсся угрожающий гул, улетучивший ностальгию по префектурам. Вражеские самолёты произвели заходы с носовых и кормовых курсовых углов, начав бомбометание и торпедирование. Тритиловая масса смерти, подняв на дыбы океанскую воду, пока не дошла до авианосца. Прижатая налётом, спружиненная команда вращалась на износ, готовясь ко второй атаке, а зенитчики с крейсеров и эсминцев без прорыва вели отражающий огонь, помогая воздушному охранению. Техники падали, спеша доставить боеприпасы. Лётчики на палубе, словно в тетиве ожидавшие приказа командира, услышали его крик и стартовали курсом на американские корабли. 18 пикирующих «Айти» в сопровождении шести «Зеро», мелькнув красными кругами на крыльях и фюзеляжах, взлетели и шустро скрылись в облаках. Они, действительно, оказались асами, когда восемь самолётов вышли на смертельное randevu с соединением неприятеля. Янки сразу и навеки приволили двух прорвавшихся смельчаков. В этот момент шестёрка с «Хирю» молниеносно обрушилась на «Йорктаун», подожгла и повредила его. Команда сделала невозможное, в сжатые сроки и под огнём ликвидировав очаги поражения. Зенитчики сбили 16 самолётов из 24-х взлетевших японских машин, однако «Йорктаун» получил три попадания и с негодной полётной палубой вышел из боя.

Донесение гидроразведчика о близком нахождении «Энтерпрайза», «Хорнета» и «Йорктауна» даже при соотношении сил 1:3 не охладило пыл зачинщиков бойни на Тихом океане. По приказу Т. Нагумо и Т. Ямагути в 13.00 во вторую атаку были брошены 16 самолётов – всё, что могли собрать от авиагруппы «Хирю». Они летели так низко, что казалось, пропеллеры вот-вот подкинут вверх брюхом какую-нибудь верховодную рыбу или случайно сами летуны

забарахтаются в волнах. Восемь самолётов из этой группы не вернутся – сгорят и затонут...

Теперь вместо колоды козырных карт у Т. Ямагути было 8 самолётов: 5 бомберов и 3 истребителя. Перед строем героев Японии он выяснил, что противник потерял 8 машин, что торпедирован авианосец и повреждён крейсер.

И всё-таки адмирал, находясь на линии огня, видел бой в двух измерениях – в бинокль из нормального положения и в перевёрнутый бинокль. Он переживал за участника походов Кобаяси, за судьбы матросов и офицеров.

Отход на север не удался. После полудня «Хирю» настигли около 80 самолётов, сбросивших на него почти сотню бомб и торпед. Шесть бомб достигли цели, но корабль не потерял хода, плюс Ямагути решил атаковать в сумерках.

В это время дюжина самолётов с «Энтерпрайза» и «Хорнета» осуществляла спирально-кинжальный натиск с трёх заходов. Четыре бомбы угодили в «Хирю»: две в центр и пара – к носу по левому борту.

Страшный пожар охватил переднюю часть, дополняя свой «аппетит» разрядами боеприпасов и горючего. Дым, как дёготь, встал стеной над палубой, он проникал всюду. Заклинило машинное отделение. Люди задыхались, варились заживо, тонули в воде и горячем мазуте...

К половине десятого вечера «Хирю» превратился в огромный факел. Вода проникла в отсеки, кубрики и каюты, в котельное отделение. «Летающий дракон» стал. Рули, противопожарное оборудование вышли из строя. Умолкла связь, как будто кто-то сверху приказал: «Стоп, машины!» Ещё немного – и авианосец дал крен, достигший 15°.

С тяжёлым сердцем Ямагути известил Нагумо о решении: «Команде «Хирю» покинуть корабль», ибо считал, что только он ответственен за гибель 2-й авианосной дивизии. Около восьмисот человек экипажа слышали слова командира, пожелавшего остаться на корабле вместе с Т. Каку до конца. Вскоре команда перебралась на эсминцы «Кадзагумо» и «Югумо». В шестом часу утра 5 июня капитан I ранга Т. Абэ торпедировал «Хирю», выполнив завещание-приказ адмирала...

«Хирю» затонул, унеся на дно 418 жизней, о чём будет долго молчать цензура эры «Сёва» под штандартами Хирохито. Американцы, развив успех, преследовали отход японцев и потопили крейсер «Микума», сильно повредив крейсер «Могами», эсминцы «Таникадзэ» и «Арасио», а также транспорт «Акэбоно Мару». Лишь провидение спасло пятитысячный десант. Японцы потеряли 3500 человек, 4 авианосца и 253 самолёта. Страну охватил траур, она захлебнулась в рыданиях...

Так, ценой потери 307 человек, 150 самолётов, «Йорктауна» и эсминца «Хамманн», потопленных субмариной И-168 кептэна Танабэ, союзники СССР по Антигитлеровской коалиции обеспечили тыл Дальнему Востоку и вынудили противника перейти к обороне...

Выживших и только призвавшихся ожидали три года сложной, Большой океанской войны, преступно увенчанной атомным вандализмом в Хиросиме и Нагасаки. Наверное, то была Небесная Кара за бесчинства захватчиков в Китае, Маньчжурии, Ост-Индии и Французском Индокитае, на островах Индонезии, Океании, у берегов Австралии и Мадагаскара.

ПУТЬ КАМИКАДЗЕ

7 декабря 1941 года Императорская Япония мощным налётом авиации нанесла вероломный удар по американскому флоту в Пёрл-Харборе. В это время наши войска давали отпор под Москвой её коллегам по «Оси» – германским полчищам...

В долгих кровопролитных сражениях союзники разгромили коварные планы захватчиков и пришли к выстраданной Победе в Европе и Дальнем Востоке. Фрагменты чужой неизвестной войны – в очерке автора.

Влажная стена густого тумана обняла пространство. Было зябко и моросило, а жизнь каждого измерялась приказом. Патрулирование акватории выдалось по-боевому штормовым, и прекращение гнева Нептуна было полностью непредсказуемым. Который день на борту супердредноута Объединённого Флота «Ямато» офицерская элита хронически недосыпала. Командир 263-метрового линкора капитан I ранга Такаянаги Гихати, ведущая голова по оперативному искусству Куросима Камэто, кептэны Мийо Тацукити и Ватанабэ Ясудзи, как и бывавшие на флагмане контр-адмирал Ониси Такидзиро и лидер авиации ВМС при Генштабе капитан II ранга Сасаки, понимали, куда закатится для Японии Солнце после захвата янками острова Иводзима.

Многое пришлось пережить завоевателям Великого океана и его атолло-островной россыпи, оглашаемой грохотом прибоя на параллелях и меридианах триумфа и смерти. Они спешили доставить десант, поддержать его высадку на материк и выработать безошибочную наступательно-оборонительную стратегию. В феврале 1945-го с трудом верилось не только «хасирцам» в фейерверк побед, рождённых стволами «Кидо Бутай» адмирала Нагумо Тюити и палубными «корсарами» авиагрупп Футида, Хасигучи, Абэ, Кусуми,

Мурата, Такахаси, Итая, Симадзаки, Эгуса, Синдо и других пилотов 1-го Воздушного Флота, разгромивших корабли Франклина Делано Рузвельта в Пёрл-Харборе и авиацию на Оаху. С тех пор, как ушли на дно британские «жемчужины» – «Принс оф Уэлс» и «Рипалс», ситуации, сходные с ловушкой, в которую попала эскадра королевы Вильгельмины под стягом адмирала Карела Доормана, больше не повторялись.

Мидуэй... Авианосная сеча за крохотный островок повернула доктрину «Азия – азиатам» вспять, навечно обозначив координаты гибели, исстари сопутствующие экспансиям, преступному колонизаторскому авантюризму. За один день были потеряны мозговитые выпускники Академии «Эта Дзима», асы захватного «покроя», выпестованные бурями моряки, авиаторы, прошедшие курсы престижных авиашкол Касумигаура, Цутиура, Нагойского технического училища и передовых учзаведений ВМС Англии, Франции, Италии и США... Ушли на 5000-метровую и более глубину – искорёженные, оплавленные, некогда могучие исполины, плавучие аэродромы «Акаги», «Кага», «Сорю» и «Хирю» – авангардные проекты «Кампон» и магнатов кораблестроения за всё время реализации программы «Марусан». Погибли контр-адмирал Ямагути, командиры авианосцев Каку, Янагимото, Окада, в общей сложности 3500 человек, свято веривших в «миссию Японии руководить миром», провозглашённую баронами-реакционерами Танака Гиити и Утида Рёхэем...

Позднее глава Генштаба Императорских ВМС вице-адмирал Нагано Осами, адмиралы Кондо, Номура, Йонай, Микава, Одзава, Иноуэ, Судзуки, Какута, Ито, Ямадзаки, Такаги, как и генералитет, признавали, что с гибелью главкома Флота Ямамото Исороку и сменившего его Кога Минэити, погибших в авиакатастрофах, – положение Империи резко ухудшилось, что доказали ужасные потери в ходе корабельно-авиационных битв за Гуадалканал, Сайпан, Ириан, Рабаул, Лусон и Лейте.

Эти годы покрылись волнами, и там, где прокатились «цунами» военщины, меняла формы вечная пена. «Владыки морей», помнившие заветы «азиатского Нельсона» Того Хэйхатиро, иронизировали в избегавшем сакэ кругу: «Три раза цвела сакура, а эра Сёва летела в бездну как бакудан (бомба) или торпеда»...

Молодой энсин (младший офицерский чин) из «Токубецу когэкитай» (Штурмового отряда), акробат-владелец истребителя «Зеро» и предмет воздыханий татиката и гейш Ямада Исабуро прошёл Филиппинский ад без ранений, хорошо запомнив проповеди Ониси о духе, воле и патриотизме, когда друг теневого патрона «якудза» Кодама Ёсио формировал 1-ю эскадрилью «Камикадзе».

Судьба Японии в руке Хирохито

Воинское святилище страны Ямато - храм Ясукуни

«Крёстный» камикадзе – Т.

Молчание после гимна «Кимигаё»

Правая рука И.Ямамото – М.Угаки

Старт в вечность

Завещание навсегда

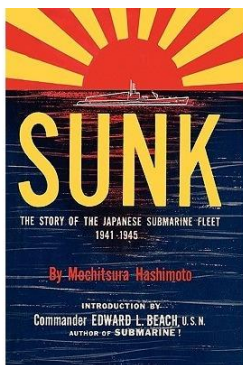
«Цветок вишни» – «Ока 11» – нёс смерть и разрушения

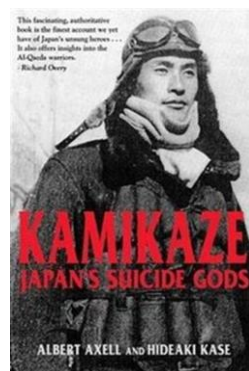
Последний миг авиасмертника

Трагедия «Банкер Хилла» у Окинавы

Память о потопленных пера М.Хасимото

Улыбка перед раем

Финал войны на «Миссури»

Сегодня, завтра или послезавтра обедневшему самураю древнего рода предстояло уразуметь: Путь Жизни – это Смерть. Ночь за ночью он искал в уме лаконичные по смыслу иероглифы для завещания, которое вымучило, ибо отослать его было некому – семья погибла в Токио под развалинами землетрясения 1923 года. Патефон крутил «Японские фонарики» Есимото. Мысли кружились, словно мотыльки в хризантемах, и, надрывая мозг, залетали в тупик. Уроженца деревушки у истоков Синано закружила ностальгия – рандеву с красавицами из квартала Гион в Киото. Сlopав редкий бэнто – рис с маринованными сливами, он отбросил кисточку. Глядя на фото кумира, «фокусника» пилотажа Гэнда Минору, энсин разговаривал вслух:

– Ханай Юкико, смазливая шансонетка из Кагосима! Как я любил тебя, не подозревая, что ты, запоем читавшая Акутагава и Исикава, всего лишь перезрелая кельнерша дешёвого бара!..

Расстроившись, Исабуро раскрыл спасавший и тайно хранимый томик Такубоку «Горсть песка»:

*Когда приходится служить капризным,
Наглым самодурам,
Как страшен кажется весь мир!*

С утра передали: шторм 7 баллов. Накадзима Тосио, пилот 1-го класса бомбера «Мицубиси G4M» заехал за Ямада в сумерках. Самолёт-снаряд из Арсенала ВМС Йокосука был наготове, сверкая новизной. Помолившись за Дай Ниппон богиням Аматэрасу и Каннон, Исабуро, внешне балагуря и храбрясь, уселся на заднее сиденье дышавшего на ладан «Олдсмобила». Изучая карту маршрута по планшету, он дымил подаренной накануне сигарой, хотя минуты назад чуть не вырвался, представив отпевание своей души в храме Ясукуни.

Старт прошёл без суеты и эмоций. Ещё на заре старший лейтенант Хорикоси Дзиро, пилот разведчика «Ki-46» радировал командованию о 5-м Флоте адмирала Раймонда Спрюэнса, вспенивавшего океан 13-узловым ходом. Поправляя в полёте повязку «хатимаки» с надписью «Эй-Рэй» – «Душа Героя», энсин подумал, что инженер Мики поздно додумался начинать «воздушный меч» Японии 1200 килограммами тринитроанизола. Неопикуемая красота мирного горизонта не смягчила сердца: – Мало «звёздно-полосатые» получили в лоб у Саво; десант на Гавайи или спалить 400 000 тонн мазута в декабре 1941-го, вот это да! Наверяд ли подняли б тогда изуродованные линкоры Киммеля и Пая. А новый командующий Честер Нимиц – вулкан!

– Небесный рыцарь высшего дана самурай Ямада! – вернул его к реальности второй пилот Хара Тюити, проверяя радиосвязь. – Вы там смотрите, сэнсэй кэндо, не захрапите! Мы доставляем вас к цели, чтобы «солдаты Джо» Макартура меньшим числом ступили на не

знавшую оккупации землю предков. Пригубите сакэ, я припрятал для вас бутылочку под сиденьем...

– О, снова ваши байки о пиратах Бидле и коммодоре Перри, – за Христа, а пушки впереди! Конвой вижу. Идёт противолодочным зигзагом – торпедные атаки Санта-Барбары и Сиднея ещё не забыли. Постараюсь отправить на дно тип «Либерти»!

Отрыв от двухмоторного «Мицубиси», однотипного с тем, что угробил Ямамото и штабистов у острова Бугенвиль, мало радовал. Планируя в направлении транспорта наибольшего водоизмещения, Исабуро, по приближении к нему, включил три жидкостно-реактивных двигателя. Суммарная тяга 800 килограммов выдала ускорение по «паспортным» данным – около 850 километров в час. Кровь ударила энсину в голову до тошноты, а первые разряды зениток уже брали в «мёртвую петлю» его «Цветок вишни», который, узнай, что им называли, тут же бы превратился бы из белого в красно-красавый с чёрным кантом по каждому лепестку.

Любителю путешествий по префектурам не было страшно. Он упивался рикошетом пуль по плоскостям и фюзеляжу, и муравьиное замешательство янки на палубе вызывало в нём диковато-дьявольский смех.

«Куро хи» – Чёрный день! Возвращение священного ветра против Хубилай-хана! Держитесь, гайдзины (чужестранцы)!»...

На сменившем курс маневрирующем бывшем сухогрузе кричали:

– Бака! – Дурак! – вперемешку с отборным штатовским матом. Возможно, Ямада плакал от мысли, что расе Ямато с начала 30-х следовало быть милосерднее, а не хвататься за оружие. Возможно...

– Тэнно хэйка банзай! – Да здравствует Император!!! – стало фанатизмом сироты на земле, а вернее фиаско над Тихим океаном, впитавшим кровь и железо наций в сверхтрагизме Второй Мировой войны.

Юнец 1927 года, почитатель «Тора! Тора! Тора!» – вероломной тактики Футида Мицуо, мечтавший увидеться с ним, рассчитал пилотаж виртуозно, снеся почти всю надстройку судна. Кто знает, может за секунды до убийства свыше 100 американцев, не считая калек, энсин Ямада Исабуро фактически открыл дверь во «второе рождение»? Увы, атакуя, он мстил за брата отца, сгоревшего в соляре у турбозубчатых агрегатов эскортного авианосца «Сёхо», затонувшего в Коралловом море. Разве для такой «нирваны» их вывели в свет матери?

«Тэнно хэйка банзай! Тенно хэйка... Банзай! Банзай! Банзай!!!»

* * *

Император эры Сёва, его величество Хирохито, давший полный ход Тихоокеанской войне, дико закричал на своём ложе во дворце.

После гибели «Ямато» ему приснилось, что он, 124-й Сын Неба, совершил харакири, потому что выжил один в стране – ВСЕ погибли как камикадзе... Шаря рукой в поисках очков, а другой протирая глаза, он вздрогнул: перед ним, склонившись в поклоне, рыдала Императрица Нагако, а малыш-наследник Акихито упрашивал мать не плакать, сжимая руками мачты дорогой модели броненосца «Микаса».

... 10 марта 1945 года «летающие крепости» ВВС Армии США применили напалм и осколочные бомбы – в бывшем городе Эдо погибло около 140 тысяч жителей и беженцев.

6 и 9 августа испарятся люди и здания в Хиросиме и Нагасаки – не стало 215 тысяч человек. Атом стал Инквизитором, породив лучевую болезнь и хаос гонки вооружений между капитализмом и коммунизмом.

Сёва – отсверкала. Это была Катастрофа, оплаченная жизнью и смертью 3 100 000 японцев. Часть из них, убивая современников на суше, в водах Тихого океана и Южных морей, в небе и под водой в большем количестве, так и не поняла с 1900 года, что их стратегия захвата едва не подвела страну под название – держава заходящего солнца.

Когда линкор «Миссури», переживший атаку смертника ранее, тихо вошёл в Токийский залив под флагом коммодора прошлого века Мэтью Колбрайта Перри, переосмысливать межнациональную трагедию не имело смысла – гибель народов не измеряется золотом. Планетная, понимаете, диктатура была тогда, извините, модной...

Спустя 70 лет мы вправе спросить: прозрели ли гомо сапиенсы после Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского процессов? Какие уроки извлекли для себя поколения, находящиеся под ядерно-боеголовочным шантажом, и кто позволил унижать великий Дальний Восток в рамках госграницы СССР – России???

СЛАВА И ЗАБВЕНИЕ АКАДЕМИКА КОНРАДА

В среде бездарностей, лелеющих мечту причаститься ко всему великому в искусстве, науке, культуре, в технике и религии витает обывательская точка зрения об интеллигенции. С позицией «Учёный (писатель, художник, врач, музыкант, мастер) – это лентяй, который убивает время работой», было и остаётся важным бороться всегда, ибо опыт учит нас заново перечитывать старую Книгу Жизни, когда выходит новая.

Представленная работа о крупнейшем востоковеде России Н.И. Конраде не есть рецензия на его труды и лит-теле-пасквили, пришедшие много позже. Употреблять чужие слова для

самолюбования и увековечивания в титрах нового поколения прилипал ко святому – автор не видит смысла по причине того, что учение – штудировка правил. А вот опыт – изучение их исключений.

Коротко изложу некоторые вехи биографии Николая Иосифовича, более подробно остановившись на тех параграфах, о которых так и не узнала ни одна из его знакомых провинциалок, независимо от собственного ума, красоты и происхождения в ореоле тургеневской «стихопрозы», исключившей понятие «надрыв пупка крестьянина».

Уходящий XIX век дал России большое число талантов, как и будущих госбандитов. 13 марта 1891 г. семья Конрад, проживающая в Риге, в кругу друзей-служащих железной дороги, отметила важное событие – рождение сына. Скоротечно, как составы, шло время. Николай, проявив себя достаточно смышлёным ребёнком, вскоре окончил местную гимназию. Родителями была замечена его усидчивая тяга к гуманитарным предметам, и, с их благословения, юноша оставляет Ригу, чтобы поступить в Петербургский университет на китайско-японское отделение Восточного факультета.

Шёл 1912 год, судьбоносный для будущего востоковеда. Никогда не знаешь, в какое время живёшь – в довоенное или послевоенное. Мир лихорадило не только от последствий Русско-Японской войны, но и от красно-марксистских бунтов. Конрад успешно экзаменуется как в Петербургском университете, так и на японском отделении Практической восточной академии. В результате, при поддержке авторитетного учителя А.М. Позднеева, Николая командируют в земли столь заманчивой Родины Хризантем, пугающей своей многовековой самоизоляцией.

Ещё до заступления на стезю научной деятельности его интересовало всё: древняя история расы Ямато, искусство, театр, события, связанные с ранением царевича Николая мечом полицейского Сандзо Цуда и взаимоотношения военатташе Ц. Нокото, Р. Ясиро и Т. Хиросэ, в разные годы служившими в Северной Пальмире. Кто-кто, а они, досконально изучившие русский язык и флотскую элиту Николая II, знали немало о русских звёздах кораблестроения и авиации. Николай Иосифович не вдавался в прения по поводу бездарности правящей верхушки. Он подчёркивал единственную, по его мнению, правильную версию: Россия проиграла Японии в лице Х. Того по мотивам полного незнания своего врага от корней нации до её оперативного вооружения по программе Муцухито (реализация дальних походов Соединённого Флота).

В ходе поездки по живописным и местами весьма бедным префектурам, родилась и вышла в свет стартовая работа Н.И. Конрада «Современная начальная школа в Японии» (1913 г.). Кто

бы мог подумать, что другой учитель в это же время (если ещё был жив) напутствовал на верный путь сына – будущего главкома Императорских ВМС Японии И. Ямамото! Воистину жизнь как депеша: полна ошибок и так коротка.

Разумеется, молодой знаток азбуки слогов Катакана и Хирагана ясно понимал дилемму «оригинал неверен по отношению к переводу» или «переводчик сдаёт слова по счёту, а не по весу». По протекции Русско-Японского Общества он систематически посещает Корею и Японию. Неоднократно бывал в Китае, изучив работы И.К. Россохина о Маньчжурии и её войске, в «осьми знамёнах состоящего». Знакомился о местным укладом жизни, быта и с наследием буддизма и синтоизма, подмятых неравноправными Ансэйскими договорами и шантажом посланников США Т. Харриса и М. Перри. А главное – Николай проводил много времени в беседах с современниками и «живыми сокровищами» – носителями фольклора и традиций воинственных и трудолюбивых народов Юго-Восточной Азии. Познание устоев бытия, легенд и сказаний, жертвенности междоусобиц феодальных времён, живое общение, а также изучение подлинников классиков, посещение театров, понимание труда гейш и рикш способствовали расширению границ миропонимания Конрада, вследствие чего ему присуждается степень магистра азиатской филологии.

В горестные 1917-18 годы, торпедировавшие, либо выбросившие за рубеж осколки монархии, интеллекта, дворянства, Веры и Мысли нации, Николай Иосифович глубоко переживает смуту, тяжело болеет. По морозам и слякоти зимы 1918-го он переезжает в грозный Орёл по месту жительства родителей, осевших здесь с 1915 года. Не стремясь понять причины поражения самодержавия и гнусность братоубийства на всех фронтах Центра России, Средней Азии и Приморья, учёный обрёл бессонницу из-за переживаний за судьбу начатого им дела, за жизнь и творчество плеяды выдающихся востоковедов начала века – Е.Д. Поливанова, Н.А. Невского, М.Н. Рамминга и братьев Плетнеров. Он знал: всё сказанное ныне об исследователе Арктики, последователе Седова и Русанова адмирале Колчаке – ложь (Троцкий умел лично править всероссийский печатный станок). Принимая активное участие в организации Университета пролетариев в 1919-м, он мучил себя мыслями «как, где, что» с его друзьями– коллегами С.Г. Елисеевым, О.О. Розенбергом и многими другими сподвижниками, знавшими цену труду, времени, мыслям. Почти все рано уйдут из жизни. Будут репрессированы вместе с семьями. Покинут Отечество, чтобы жалко существовать (нищенствовать) на чужбине, о чём слёзно напоминала мембрана патефона с записями из «Печального репертуара Александра Вертинского»...

При «закладке фундамента» Орловского пединститута Конраду пришлось решать массу организационно-материальных задач. Сказывались нехватка кадров и финансов, оборудования и достаточно ёмкой (в его понятии) библиотеки, фондов исторического наследия и богатства цивилизации. Привыкшим к стремительности Интернета может показаться смешным, что Конрад курсировал между Орлом и Москвой по вопросам жизнеобеспечения «храма науки» вплоть до карандашей и гвоздей. Ему удалось разыскать и привлечь на орловскую «ниву» великолепных единомышленников, ошибочно поверивших в гуманизм коммунизма, в предназначении которого мог сомневаться и сам ректор университета...

Ведя курс истории культуры и философии, Николай Иосифович, несмотря на значение вопросов об отапливании комнат и обуви для преподавателей, продолжал интенсивно заниматься научными изысканиями и переводами восточной классики. Так, в вышедших в Орле «Записках Орловского государственного университета» (1921 г.) представлялся труд мудреца Камо-Тёмэя «Записки из кельи» в искусном переводе Конрада. Через уникальный лаконизм японского трёхстишия «хокку» и пятистишия «танка» пылливый ум стремится познать рифмованный полёт почти непереводаемых мастеров лирики, словесной живописи и боли народа – Кёрая, Басё, Иссё, Кикаку, Рансэцу, Дзёсо, Оницура, Бонтё, Рёта, Тиё, Какэя, Бусона, Сико, Кито, Гёдая, Исса и трагично ушедшего автора «Памяти адмирала Макарова» молодого Исикава Такубоку.

В следующем году Николай Иосифович покидает Орёл по ряду профессиональных и личных причин. Однако позже он часто посещал вторую Родину. Навещал родню матери, вспоминал Марию Артемьеву, выступал перед повзрослевшими учениками.

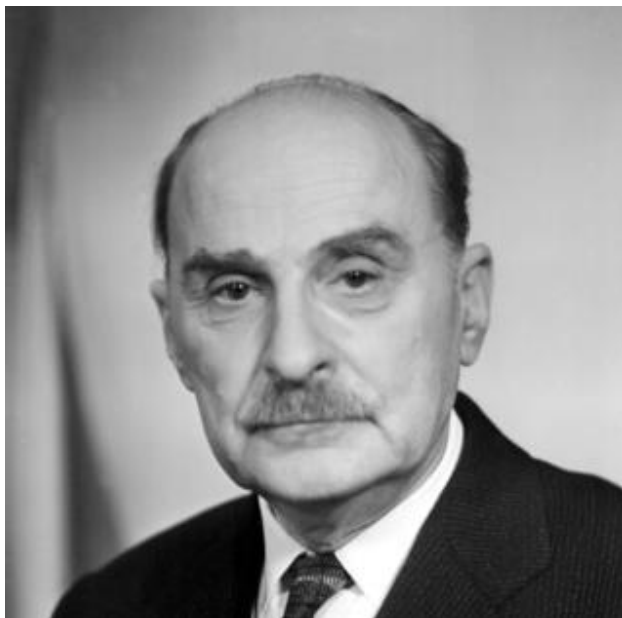
Прибыв в суету революционной разрухи и «мировых» речей в Петроград, молодой учёный возглавил кафедру японского языка.

«Я впервые услышала его голос в 1928 г., в стенах аудитории Восточного отделения Историко-филологического факультета, – вспоминает своего «сэнсея» кандидат исторических наук Ф.А. Тодер. – Николая Иосифовича окружали мы – недавние школьники, слыхом не слыхавшие о таком предмете, как история, знавшие лишь о «борьбе классов» и о том, что надо искоренять в себе все «буржуазные предрассудки».

Крепко связанный с аудиторией, Конрад уделял большое личное внимание безграмотным студентам, севшим за парты после демобилизации из армии и флота, по направлению партячек фабрик и заводов. Болезненно-рваное, эмоционально-взрывоопасное было время. Но Учитель твёрдо держал курс «Учиться, учиться и учиться», провозглашённый беспримерным разрушителем-революционером.

Знаток Маньчжурии и Китая
Илларион Россохин

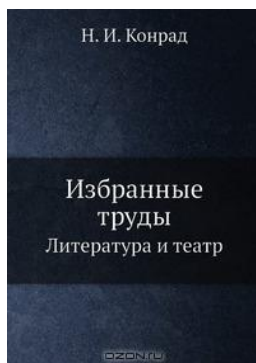
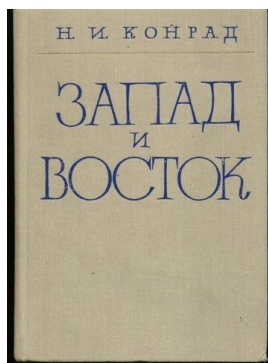
Сокровище востоковедения –
Н.И. Конрад

Японоведа Е.Д. Поливанова
расстреляли 77 лет назад...

Коллега Н.И. Конрада
С.Г. Елисеев

Гуманное наследие учёного

«Японское солнце»
советского академика

В Ленинграде Николай Иосифович защитил учёную степень доктора филологических наук по специальности «японский язык и литература», закрепив за собой звание первопроходца в истории русского японоведения. Последующие годы жизни видного учёного, как и всей выпотрошенной страны, омрачены наиподлейшим клеймом СССР – эрой репрессий, борьбой со «вражьём», не существовавшим таковым с рождения. Трафарет обвинения лицемерно фокусировался на личностях, как «шпион японской разведки»; «агент империалистических сил»; «контрреволюционер-народоволец» (т.е. «кулак»); «эсэр и меньшевик»; «антиправительственный троцкистский агитатор»; «сочувствующий белому движению и попам» (и чёрт ЧК-ОГПУ знает, «какие» ещё т.д. и т.п.)...

В 1938-м «вороном» году Конрада арестовали, накинув ему «железную маску» на три года. О чём думал, мечтал, чем изнурял себя фаворит российского востоковедения, для которого ничего не стоило обучить взвод русско-дальневосточной контрразведки задолго до появления печально известной группы Рихарда Зорге? Что мог создать в этом периоде и ЧТО КОНКРЕТНО СОЗДАЛ вообще, без учёта архивных сносок потомков разного рода «симановских» и «вышинских»? Памятуя о Большом Терроре в Царстве Лжи, очевидно, что на рождённое в заключении наложили вето. Ещё вернее, что рукописные произведения тысяч «конрадов» изымались, ликвидировались, либо оставлялись за пудовой дверью и платными слугами режима под грифом «Совершенно секретно до 3000 года»*. Закономерно задаёшься вопросом: «Каким образом бывший капитан артиллерии А. Солженицын спас в течение десятилетий жёлтый чемодан с рукописью «Архипелага ГУЛАГ»??? Без занудности и самозванства, КТО утверждал издание детского писателя А. Рыбакова? Какой «Крош» счёл «Детей Арбата» настолько своевременными и актуальными, что до сих пор не издан коллективный сборник лагерных писателей-журналистов 30-х???

Вопросы, дилеммы, вопросы без ответов навсегда. По теории вероятности привлечём логику и учтём, что полное эпистолярное издание наследия не столь Конрада, как российских индивидуумов в рамках книгопечатной, даже брошюрной серии «Труд выдающихся людей» нереально фактически. В понятии известной категории лиц ОНО (НАСЛЕДИЕ) опасно вечно, согласно ершистой фразе Оноре де Бальзака. Образно глаголя, бесцензурно-фискальной правды мы не дождёмся от власти, причём вынужден констатировать: обозначенная проблема распространяется на все страны...

* Идеолог КПСС М. Суслов заявил, что роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» выйдет через 200–250 лет, что нарушили перестройка и кинорежиссёр Ф.С. Бондарчук.

Больно, что кроме Конрада суровый удар судьбы и сталинской опричнины примут на себя семьи авторитетнейших людей науки – Ландау, Фока, Вавилова, Королёва, Кондратюка, Лангемака, Калинина, Поликарпова и других мучеников «культовой эпохи», «зацепившей прицепом» того же Солженицына, Лихачёва, Сахарова, Бродского и других.

В этих тисках член-корреспондент Академии наук СССР Николай Иосифович Конрад нашёл силу духа и воли, проявил мудрость не ударять заправилам власти по глазам, которым «всё божья роса». Он с головой уходит в иероглифические лабиринты манускриптов и собственных мыслей, обдуманно погружаясь в специфику. В её диапазон входили японоведение и история, театр и синология, лингвистика и философия, переводы, краеведение и литературоведение, становление и воспитание «конрадовской» школы учеников. Продолжением труда «Японская литература в образцах и очерках» (1927 г.), а также «Японский театр» (1929 г.), появляется новаторская работа «Синтаксис японского национального литературного языка», изданная в Москве в 1937 году. Значительно важны его переводы святы в Японии книг «Исэ-моногатари», «Гэндзи-моногатари», романа Нацумэ «Сердце» и многих других произведений классиков с Японских островов.

В годы Великой Отечественной самурайская Япония с трудом удерживала нейтралитет с СССР – случались провокации на границе, задержание судов и команд в портах, их затопление палубно-базовой авиацией и субмаринами Передового флота Хирохито. Руководство Советской России нарушит пакт о нейтралитете после Тегеранских и Потсдамских соглашений глав правительств Антигитлеровской коалиции. Конрад в эти годы по-своему пытался примирить державы, опубликовав «веер» статей о дружбе А. Чехова и В. Белинского с японскими писателями. Позже найдут массового читателя работы «О национальном языке в Китае и Японии», «О перспективах развития советского языкознания», «Толстой в Японии», издаётся двухтомный словарь под его редакцией, состоявший из 100 тысяч слов. Помимо цикла статей о театрах Кабуки и Ноо, драме «Йокёку» Конрад участвовал в создании 10-томной «Всемирной истории», вёл обширную международную переписку (в частности, с английским историком А. Тойнби). Мечтал написать небольшую книгу о монахе-востоковеде, которого он посетил в Оптиной пустыни в 1922 году. Золотым венцом его колоссальных трудов является интереснейший однотомник «Запад и Восток» с идеей общности развития Человечества. Особняком, предметом более детального исследования стоят заслуги Конрада в области издания академической серии «Литературные памятники»...

Николай Иосифович ушёл от нас 30 сентября 1970 года в Москве, но цель и смысл его жизни и творческо-подвижнической деятельности бессмертны. На гражданской панихиде присутствовали лучшие умы страны, иностранцы, поседевшие ученики и студентки первых выпусков востоковеда, простецкого, добродушного в быту человека. Выступавшие друзья, академики Д.С. Лихачёв и В.М. Жирмунский не умолчали о «бочке дёгтя», пролитой на изыскания учёного «вундеркиндами» журнала «Иностранная литература». Ещё живой, но уже слабый герой повествования методично отмечал, что прессовая травля неприемлема с точки зрения человеческой морали и простой порядочности...

Да, умели у нас треножить, а если и отпускали в галоп, так чтоб голова отлетела. Встречаясь в Орле, Москве, Риге, Владивостоке и Спасском-Лутовиново с представителями Страны Восходящего Солнца на Международной конференции «Пушкин и Тургенев», с потомками рода Толстых в Никольско-Вяземском, я рассказал им об явлении «пытливой мысли – эшафот», говорил о специфике режимного зажима инакомыслия по сценарию секрет-саги «Жизнь и смерть выдуманной оппозиции». Признанные авторитеты от Канады и Хоккайдо, от Европы до Австралии были несказанно и наглядно удручены давлением авторитаризма лжегениев, поставивших на кон перекрытие свободы творчества профессионалам. Заметьте, живым, а не ушедшим на покой асам своего дела, будь то журналист, писатель, автогонщик, певица или начальник рыбоохраны.

Выходит, флаги не будут в гости к нам??? Будут! Но убитый на дуэли гений предупреждал: «Беда стране, где раб и лжец одни приближены к престолу».

Сожалею о недалёкости сограждан, не понявших как своего, так и чужого языка хотя бы в переводе. И о каких стягах может вообще идти речь, когда сюсюкающе ворочаются личные дела репрессированного академика, награждённого двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и высочайшей наградой для иностранца – японским «Орденом Восходящего Солнца»?

Светило ли оно, грело ли душу, или радовало глаз владельца – не так важно. Главное – с 1945 года его лучи проникали в застенки, не подчиняясь вождям, конвоирам, закону и «паханам»...

Обидно одно: никто из орловцев не предложил до сих пор назвать университет именем отца-основателя. Нельзя культивировать всё культурно-орловское наследие тургеневским, предавая забвению иные авторитеты «третьей литературной столицы»!

СУДЬБА КОРМИЛЬЦА

(Быль)

Бывший бригадир совхоза «Большевик» Максим Житиков не дотянул до своего 85-летия всего-то три дня. Остановилось сердце земледельца, гремевшего трудом на всю округу...

Отовсюду – со всей страны – съехалась многочисленная разновозрастная родня, проводить Максима Григорьевича в последний путь в этом мире. Почти два километра несли труженика на руках в берёзовую рощу, и не умолкали на устах прибывших воспоминания о славном и тяжёлом, о добром и подлом, о товариществе и предательстве, воспоминания народа о самом себе. Они – устные вехи истории – озвучивались на девять и сорок дней, ночью и днём, до них и после них, а письменные ложились в скупые строки писем и телеграмм...

Крестьянин с 400-летней родословной

... Едва он сделал первые шаги, попали Житиковы под раскулачивание с высылкой и конфискацией. Перебивались кое-чем от природы, с хлеба на квас, да и то не вволю. Там, на зауральских

поселениях, мать со старшей сестрой покинули мир из-за тифа. Дед запил – горькая его и сгубила. Отца с верёвки снимали, убивался по супруге летом и зимою – без разницы. Потом – образумился, на тракториста выучился, пристрастился к походам с ружьишком по свободным дням. Схоронил односельчанина-друга, в одной эскадроне ещё при Его Величестве воевали. Пуля обошла, а лесиною задавило по первым декабрьским морозам. Проводили – помянули, а Григория след простыл. Пошёл домой напрямки через речку ночью. Долго не рассказывали дядьки Максимкины, что старший Житиков с кладки сорвался. Ему скоро «Фордзона» получать надо было. Не сложилось. Отправили его пацана с оказией обратно, к родной тётке на малую родину...

Старый пруд зовёт юных рыбаков

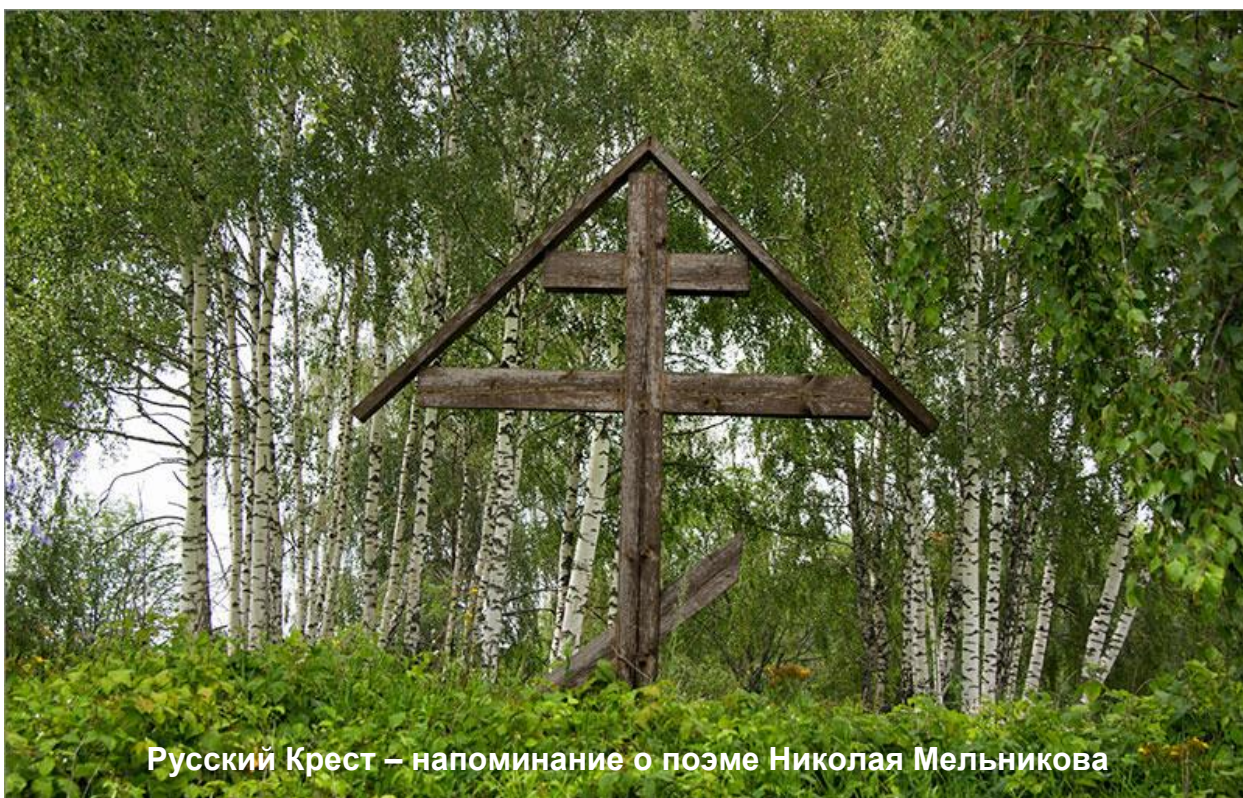
Рос Максимушка не по годам сметливым, не хулиганистым и не злобным. В кого и по чьим стопам пошёл – сам не знал. Любил лапту, собак, кошек и лошадей, особенно – порыбачить. Бывало, на удочку – ни хрена, в кубари – тоже, а он – часами шастает до озноба руками, под корнями деревьев в замоинах. Попадались голавли и подъязки с крупною плотвою, а однажды налима скользущего с фунт ухватил. На огородах тёткам помогал, за грибами-ягодами сходить – никогда не отказывался. Помаленьку сам читать научился и по пальцам считать.

Повзрослел – стали ему доверять овец, коров, телят и лошадей попасти, кобылку посмирней запрячь, бурёнку подоить.

Не успел Максим первый свой сенокос по-взрослому отмахать, свалилось горюшко адское – в о й н а. В аккурат к красным ноябрьским немчура заняла большинство райцентров, сёл и деревень области.

Мотопехота и конные – те и до хуторов дошли. Лошади – «Гут!», свиньи – «Гут!». Только и слышишь: «Матка, млёко, яйца, руссиш ферштеен, шнель-шнель!». Всё отобрали, гады, через этот чёртов «ГУТ». Где страхом и силою, где по доносам «врагов коммунизма». Вымучили, сукины дети, почти что каждую семью...

Максимкину хату ту и вовсе одну из первых сожгли, «за дружбу с пролетариями-евреями». Кто такие евреи, пацан не знал. Зато посреди ночи увёл последнюю живность селян к линии фронта.

Русский Крест – напоминание о поэме Николая Мельникова

Страху натерпелся – не опишешь. Раз остановил патруль на мотоциклах, близ развилки у леса, перед бродом. Старший немец, вертлявый, словно выдержанный навозник, немного русский знал. Пристал, крепче репья: «Кинд! Гут скатина, чия? Партизанен унд камисар?! Гавари, кинд, – не унимался офицер, щупая отворот кобуры.

– Староста наш приказал к господину бургомистру в райцентр. Там, наверно, их всех убьют. Мужиков в селе нет, полицаев и комендатуры тоже. Вот мне и поручили, как старшему, сопровождать.

– Самий старий кинд? Далжно аусвайс ауф гут скатина! Так чия? Найн хазяин – кушать Вермахт. Ферштеен?!

Через годы Максим Григорьевич, рассказывал детям и внукам, как спас его краснозвёздный самолёт. Неожиданно вынырнув из-за леса, он сбросил бомбу и пошёл на второй заход, вынудив немцев сматываться. Коровы и лошади, тем временем, испугавшись рёва самолёта и взрыва бомбы, быстро перешли брод и вошли в посадку на другом берегу. Максим отлежался в прибрежном тростнике, но немцы больше не вернулись. На следующее утро вышел к своим. Наши подарили ему плащ-палатку, сапёрную лопатку и пилотку. Позже, по фотографиям, Максим Григорьевич опознал самолёт – то был легендарный штурмовик «Ил-2»...

Кончилась война, а у юноши пустой подвал – вот и всё богатство. Тётку угнали в Рейх – она уже не вернётся. Поплакал на авошнике втихаря, решил самураев бить. Пытался обмануть военкомат, чтобы уйти добровольцем, – не удалось. Перевернул он своей сапёрной огород под зиму, перенёс брошенную немцами «буржуйку» в ещё крепкий сарай, заготовил дровишек и рыбы.

Рыба спасла его по всем направлениям. Он ел её сам и менял на молоко, масло и скудный хлеб, на «тошнотики» и даже на гвозди. Бабы жалели сироту, кой-чего собрали из одежки вдовы солдатские. Так и перекапывали зиму с ранней весной – он помогал сельчанам, они – ему: где улыбкой и добрым словом, где нужной вещью и совместным трудом.

С Всеобщей Победой не пришло освобождения от мук. Сверх половины мужиков не вернулось из Великой Сечи за свою и чужую землю. Не вернулась призывная молодёжь. Лишь двоим угнанным девочкам удалось выжить в концлагере, да и то одна из них вскоре удавилась. Максим уехал в город. Работал грузчиком на железнодорожном вокзале, а после смены посещал вечернюю школу для рабочих. Увлёкся историей и техникой, и здесь же – в вечерней школе – повстречался со своею суженой, тоже сироткой Машей, потерявшей семью при бомбардировке эшелона в ходе эвакуации...

Достоинство отслужив сигнальщиком на Балтике, Максим вернулся в родные края, узнав, что восстанавливается колхоз и строится дорога. Прошёл путь конюха, кладовщика, механизатора-водителя, заместителя агронома и бригадира. Трёх сыновей подарила ему Мария. Все пошли по отцовской линии – служить кормилице – земле. За высокие показатели в урожаях, надоях и привесах не раз премировался бригадир и его соратники. Выдавались путёвки на Кавказ и в Крым...

Как понесло страну бездумно перестраиваться, так Григорич стал сердечком хворать, а после путча в Москве вообще слёг. Эмоционально-взрывной темпераментом, человек сложной судьбы, он не принимал ни коммунистов, ни демократию, ибо понимал систему любой власти – доить разум и силы людские любой ценой. Он помнил

горе раскулачивания. Сам в слезах пилил свой сад, сокращал животину на подворье и посевы на усадьбе. Человек без высшего образования мог утрясти прямой простецкой мудростью чиновника и академика, профессионала-агрария и зарубежного гостя от промышленности. Он лично писал письма двум президентам о недопустимости купли-продажи земли, разработал проект жизнедеятельности села, чтобы молодёжь не бежала в город и не читла заграничное выше отечественного.

Видя, что словесами и документами не пробить стены экспартийных «буржуев», Максим Григорьевич основал фермерское хозяйство вместе с сыновьями. Очистил и запрудил старый пруд. Завёл карпов, уток, кроликов, гусей и пчёл – на себя с семьёй и на продажу. Выкупили старый «ГАЗон» и «Беларусь». Привели в порядок плуг, борону, сеялку, бочку из-под кваса под рыбу. Держали лошадь и, памятуя отца и деда, охотничьих собак. Планировали прикупить подержанный «УАЗик», но с обесцениванием рубля всё рухнуло в пропасть...

Немым укором смотрит почивший Герой Труда Максим Житиков на чужие вспаханные и прокультивированные дали, перешедшие на 25 лет немцам с правом продолжения договора об аренде. В окружении ушедших от разных житейских причин односельчан, среди ягод и грибов, под покровом молодых и стареющих берёз, круговоротят сознание дух и мощь наших предков, разрубающих пространство вопросом: «КАК ВЫ МОГЛИ, КАК?!»

Рыбалка на Свапе перед Рождеством

ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ

(Из неопубликованного дневника неизвестного десятиклассника³)

...15 августа 1945 г. Вчера, когда варили уху в Поречье, прибежал Серёга (Ферапонта-кузнеца сын). За дюжину раков он предложил нам с Димкой три крашенных поплавка из гусиного пера, два крупных крючка, и с десяток гильз от крупнокалиберного пулемёта обменял на щурёнка под полкило. Мы, зная, что Серый отличный рыбак, у которого не то что крючка, снега не выпросишь, – поинтересовались, зачем ему рыба и раки. Ведь Серёга известен на всю округу своими заготовками таранки, сушёных грибов и ягод. С начала войны он жил с бабкой. Отца призвали кашеварить на походную кухню (опять же при лошадях). Мамка его – тётка Ефросинья – погибла при бомбёжке колонны беженцев где-то под Киевом. После Сталинграда он получил пару «треугольников» от бати. Тот писал, что был контужен и ранен, но сейчас жив и здоров. Спрашивал, как мать, как с едой и скотиной. Не знал он ничего...

Потом – ни слуху, ни духу. Тут недавно (я раньше писал) Победу все вместе праздновали. А Серёге бумажка под дых в конце мая:

«Уважаемая Пелагея Ильинична! (бабка Серёжкина)

Ваш сын, Ферапонт Иванович Строев, уроженец с.Первомайская, ныне старший повар энного артполка, пропал без вести в апреле 1945 г. в предместье Кёнигсберга. Учитывая боевой опыт и храбрость Вашего сына, награждённого медалью «За отвагу!» и орденом Славы, есть основания полагать, что Ф.И. жив, временно находится в плену или в полевом госпитале.

Не теряйте надежды, война идёт к концу!

*С уважением, политрук N-артполка,
майор артиллерии Ванштейн
4 мая 1945 г., Берлин».*

Ну, значит, он и надеялся. Папаня он у всех ведь один! Это мы здесь сироты эвакуированные, ни леса, ни речки толком не знаем.

* * *

16 августа 1945 г. Оказывается, к Серёге гости приехали: ветераны артполка, где служил отец. Они возвращались из Германии. Вот и решили навестить родню своего «кормильца», как они его в шутку прозвали. Мы тоже ходили послушать бойцов. В нашу глухую станичку они редко заходят. Первомайской её называли после революции, а так

³ Орфография и пунктуация внесены автором публикации. – Р.С.В.

была Староказачья. Теперь деды и бабки. Молодых побили кайзеровцы. Остальные погибли, как рассказывали, кто на Сиваше, кто в походе с Тухачевским. Другие пропали в ущельях и песках после схваток с басмачами. Бабка Пелагея сказывала, что двух её родных братьёв зарубили махновцы, а самый младший (был ординарцем) бежал в Китай.

Вечером от души попиروвали: бекон, сардины трофейные, тушёнка говяжья (тоже американская). Однополчане Строева поведали, что не знали о нападении на кухню – слишком быстрым и мощным было наступление на Берлин. Затем – Прага, часто упоминали какой-то РОА. Прокатился слух, что Ферапонт пропал без вести...

Дорога к знаниям

Чуть не расплакался, вспомнив нашу квартиру на Невском проспекте, когда пили липовый чай с грушёвым вареньем на сахарине. Папа мой, инженер по вооружению, в середине 30-х исчез. Мать чернела на глазах, но всегда готовила яблочный пирог на его День

Рождения. Помню, говорила что-то про Кирова. А ещё: «Вырастешь, никому не верь что...».

ЧТО??? Этого я так и не понял. Мама замёрзла у проруби на Фонтанке в первый год блокады. Нас эвакуировали по «Дороге жизни» в марте, когда таял лёд. Страху натерпелись от «юнкерсов» и «мессеров», а утром одна полуторка с людьми провалилась. Я раньше писал, как шофёр Рахимгалеев 13 человек спас, чуть не до смерти обморозился...

* * *

17 августа 1945 г. Ходили на карасей и карпов в соседний хутор Стрелецкий, – я, Димка и Серёга. С утра моросило. К полудню вышло солнце, припекло здорово. Поймали на навозника с десятков карасей грамм по 200-250 и двух карпят не меньше полкило каждый. Серёга, хитрец, додумался фрицевское печенье замочить и добавить в тесто. Карпята не выдержали, за что и попали на сковородку. Гости выпивали, много говорили о войне и товарищах, о партизанах-французах и диверсантах. Назавтра решили пойти за грибами, которые появились после недавних ливней.

Долго крутили патефон. Но женщины, в основном вдовы, не танцевали. Был удивлён умению воинов играть на немецкой губной гармошке наши народные песни. Легли очень поздно – уже светало.

* * *

18 августа 1945 г. Немцы в этих краях стояли недолго, но зла за собой оставили – не уместить в тетрадку. Говорят, начали строить узкоколейку, разрешили восстановить церковь – бывший зерносклад без колокольни. Народ здесь разный: кто-то предал Родину, присягнув «новому порядку», а кто-то, будучи старостой, как мог выручал крестьян, вступаясь за них и подпольщиков в комендатуре и перед бургомистром. Каждого чернявого, кудрявого, длинноносного, или с необычной (нерусской) фамилией клеймили, как «большевика-еврея». Тех, кто крепок (неважно, мужик или баба), гнали на работу в Германию. Отступали – сожгли, гады, несколько деревень. Даже детей не жалели. Дед Прохор, что кубари нам за рыбку и ягоды плетёт, рассказывал, как истязали комсомолку, дочь председателя колхоза «Знамя Ленина». Её повесили в центре станицы, потому что она не открыла тайны местонахождения коммунистов и отца ценой собственной жизни...

Как и собирались, с утра пошли за грибами на довоенную лесозаготовку. За войну там всё заросло (Серёга говорит, замшело),

зато по пням радовали нас опять, растущее обширными кучками по древесному хламу. Сегодня их почему-то было маловато – и поллукошка не собрали. Командир взвода, капитан дядя Антон, родом из Зауралья, посмеялся над нами:

– Вы, ребята, ко мне бы в гости приехали. Опят вагон собрали бы! Подрастёте, приезжайте – адрес оставлю. Может, учиться поедете, или как? А главное – страну надо заново обустраивать, с колен поднимать, чтобы мы горевали поменьше. Я вот один остался из рода Морозовых: отец на Хасане, мать в лагере, сестра – медсестрой под Кромами. Все полегли. Сколько их, этих самых Кром от Москвы до Берлина...

Серёга предложил пойти за белыми и подберёзовиками в Малую Рощу. Перелесок был небольшой, смешанный: орешины, клён, осина, но больше красовались на взгорье старые, крупные берёзы. Давно сюда никто не ходил. Деревья росли в полкилометре от насыпи так и не оконченной узкоколейки. Дёрнул Серёгу чёрт – стремглав побежал к роще, и, дурья башка, кричит: – Боровики – кажи каски! Фюреры – снимай маски!

Шаркнул он, как заяц в галопе, через насыпь. Мы от него поотстали, а взрослые те и вовсе шагом шли. Скрылся Серый в роще. И тут – как громыхнёт! У меня аж живот к спине прикипел, горячей волной по лицу, словно углями осыпало. Столб земли метров на пятнадцать к макушкам берёз поднялся. В ушах – всё равно, что гвоздь провернули. Нас рваной дерниной закидало. Ей-Богу, тогда мне показалось, что внутри что-то оборвалось. Это я пишу ночью, рука дрожит. Плачу невмочь. Разорвало друга Серёгу миной из-за чёртовых грибов, никому даром не нужных. Мы мечтали пойти с ним на курсы артиллеристов «Выстрел». Правда, Серёга больше тяготел к авиации, подбивал меня поступить в Липецкую авиашколу...

* * *

19 августа 1945 г. На заре похоронили Сергея Ферапонтовича Строева на станичном погосте, где покоятся многие славные казаки, ровесники императора. Меня всего трясло, знобило. Мутило жуть. Хотелось куда-то убежать, забыться, заново родиться. Положили с ним его рисовальный альбом. Он любил копировать военные плакаты, секретничал, задумывая свои «КУКРЫНИКСЫ». Через неделю, выхлопотав бумаги, приехал дядя Антон и забрал нас с Димкой с собой. Экзамены там сдам. А потом – решил поступить на сапёра. Пусть он ошибается один раз, но я не хочу, чтобы такое повторялось. Буду добросовестно щупать землю, а быть войне – отомщу за всех.

Сегодня же бросаю вести дневник. Очень тяжело. Прощай Серёга, дружбан военный! Год у нас с тобой была разница.

(ДАЛЕЕ ЗАПИСИ ПРЕРВАНЫ)

.....

* * *

Ноябрь 1952 г. Мы с Дмитрием в Новосибирске. Возобновил дневник по единственной уважительной причине – недели две назад получили весточку из Староказачьей. Пишет наша классная Сталина Васильевна. Бабушка Пелагея умерла. В Стрелецком запрудили каскад прудов. Планируют строить дамбу для рыбхоза. Школу расширили, приехали новые поселенцы и студенты. Добровольцев-строителей хоть отбавляй. Сталина зовёт нас – свои, мол, не чужие, каждую вежу знают. Но самое горько-обидное, если не сказать страшное, вернулся домой отец Серёги – кузнец и повар Великой Отечественной, немой герой СССР, Ферапонт Иванович Строев.

Ехать туда, в гремящую Первомайскую, нам чрезвычайно хочется, однако гложет чувство какой-то глобальной вины. Затрудняюсь описать какой именно, но всё-таки вины...

Бросаю дневник окончательно. Поеду в Ленинград. Надо узнать всё об отце. Не знаю, помогут ли люди в архивах.

7 ноября 1952 г., Новосибирск

(ДАЛЕЕ ЗАПИСИ ОТСУТСТВУЮТ. – Р.С.В.).

.....

На послевоенной Неве

КРЫЛЬЯ ОРЛА

В знамени – честь, в оружии – слава

70-летие Победы народов СССР и его союзников по Антигитлеровской коалиции объединило множество мероприятий и различных торжеств, охвативших все воинские профессии.

Одним из них, как всегда забытым бюджетно-партийными СМИ Орловщины, явилось 82-летие Воздушного Флота. День авиации, провозглашённый 28 апреля 1933-го СНК СССР,

ранее проводился в третье воскресенье августа ежегодно. Покорители неба впервые отпраздновали его 18 августа того же года...

И вот сегодня, под легендарным, взмывающим ввысь «МиГ-17 бис» собрались пилоты, инженеры, техники, оружейники, орловчане и соотечественники, посвятившие жизнь служению истребительной, штурмовой, бомбардировочной, ночной, военно-транспортной, морской и учебной авиации. Под началом полковника ВВС, председателя Горсовета ветеранов Анатолия Костарева и лидера «Клуба авиаторов», подполковника авиации Алексея Власенко вспоминали крылатую молодость – Пётр Алексеевич Ступин, Юрий Иванович Шереметьев, Николай Григорьевич Иванов, Николай Сергеевич Вячеславов, Владимир Викторович Котиков, Николай Евстафьевич Галаш.

Каждый из них – фрагмент биографии Краснозвёздных ВВС, достойный внимания, изучения, подражания. Знакомимся накоротке: товарищ Ступин – со дня основания Орловского ИАП ПВО прошёл школу с первым командиром полка от техника – до инженера, отвечал за техсостояние «17-х» и «19-х» «МиГов» всех модификаций. Ветеран опирается на трость, а глаза остались задорно-молодыми, и в тоже время – цепко-строгими...

Наш небесный «князь» Шереметьев – военлёт высокого класса, – досконально знал плюсы и недостатки «МиГ-15», «МиГ-17», освоил норовистый «СУ-9». О себе не говорит. Вспоминает, что советские лётчики совершили в годы Великой Отечественной 3 млн. боевых

вылетов, «сняв» с родного неба и в ходе ударов по аэродромам 57.000 самолётов Люфтваффе...

Боевые заслуги МиГ-17
воодушевили скульптора
к сооружению монумента
в Орле

Автор памятника авиаторам
О.С. Вернослов

Кубанец, майор ВВС Иванов, имел пять смежных авиаспециальностей. Сменный руководитель на ВПП, обеспечил около 5.000 безаварийных посадок на аэродромах Курил, Сахалина, Орла. Однако он остаётся безоговорочно-правдивым, с укоризной покачивая пальцем «МиГу»: переход с поршневых истребителей на реактивные – похоронил не один десяток его ровесников и мастеров боевого пилотажа, выживших в Великой войне с Германией и Японией...

С тех же сверхдальних Курил прибыл в авиачасть Орла майор техслужбы обеспечения ВВС, с редкостной русской фамилией Вячеславов. Волгоградец из Тарновского городка начинал с Дальнебомбардировочной авиации ещё при Маршале А.Е.Голованове (чудом выжившем в ходе репрессий). Позднее – вместе с однополчанами-техниками работал со всеми типами военных самолётов...

28 лет ВВС СССР отдал его коллега, инженер Котиков, на всю оставшуюся жизнь запомнивший резкое сокращение лётсостава в конце 40-х: многие лётчики не вернулись с войны, умерли от ран, погибли при ясных и загадочных обстоятельствах...

Высокий, с орденскими планками, воентехник Галаш – молчалив, тукает по асфальту наконечником белой трости. Но опыт за ним – чувствуется, огромный, что подтвердил нам мастер спорта А.М. Маслов, десятилетиями служивший заместителем начальника ЦПАК им. С.Н. Анохина по лётной подготовке.

Собравшиеся на митинге вспоминали заслуги и профессионализм Героя Советского Союза, белгородца Николая Григорьевича Сурнева. Выдающийся пилот 472-го ИАП в годы войны уничтожил 23 машины противника, но к горечи всех, кто его знал, погиб в 1952-м под Верховье, пилотируя «МиГ-15 бис». Назывались имена замечательных небопроходцев, выпускников Орловского аэроклуба Ю.В. Косарева, А.И. Цеберга, С.Г. Шульгина, Н.Г. Антипова, П.С. Пикалина, Н.П. Тимохина, инструкторов В.П. Ермолова и А.И. Воробьёвой. На У-2 земляка Н.Н. Поликарпова стартовали в небо войны и мира: К. Рыжкова, З. Полехина, Герой Советского Союза А. Худякова, будущий генерал-майор С.В. Маслов, П. Чубаров, А. Молодчий, И.А. Аникеев и многие другие.

Геннадий Лавриненко рассказал о родном брате, лётчике-истребителе Николае Евсеевиче Лавриненко, освобождавшем Орёл летом огненного 1943-го. Будучи командиром группы ИАП, Коля и его крылатые собраты первыми столкнулись в небе с новейшими «Фокке-Вульфами-190», ошибочно приняв творение Курта Танка за модифицированные «Ла-5ФН» авторства Семёна Лавочкина. В одном из боёв «маэстро» был тяжело ранен, но не вышел из схватки, пилотируя истребитель одной рукой, вернулся на свой аэродром. Долго лечился в Тульском военгоспитале, основанном супругой Президента США Ф.Д. Рузвельта – Элеонорой. Выжив в небесно-земном кошмаре войны, Николай ушёл в мир иной, с 18-ю осколками вокруг сердца, отказавшись от операции...

А.А. Костарев и А.Г. Власенко:
«Дружба воинов умножает их силу!»

Все, в том числе послевоенное поколение авиаторов в лице майора А.С. Чесовского, подполковника А.Г. Власенко и прошедшего Неби-даг подполковника В.Н. Христюкова ожидали, что на митинг обязательно подойдёт живая легенда Орловщины, ветеран Великой Отечественной Владимир Николаевич

Гурьянов, служивший в ИАД ПВО в Германии с сыном Вождя – Василием Сталиным. Увы, небесный витязь не смог участвовать в празднике – уважаемому ветерану 89 лет. Многие посетовали: у одного из первых истребителей реактивной эры нет ни одной лавочки. Другие шумели из-за памятника Н.Н.Поликарпову, которого превратили в «металлического негра», покрасив его чёрно-смоляной краской.

Защитники неба и его рубежей над морями-океанами Родины говорили о важности сплочения общества, Вооружённых Сил, о преемственности поколений и актуальности возвращения народных масс в ряды военной и гражданской авиации. К подножию монумента, с поклоном были возложены венки, свойские цветы, выращенные на дачах. Авторы строк добавили к ним юбилейный номер «Орловского Военного Вестника» с автографами, где есть очерк «Орлы» в небе войны» о 16-ти Героях ВВС Советского Союза, родившихся на Орловщине.

Пронзительно звучали слова о забвении отрасли и равнодушии чиновников, превративших великий патриотизм в бюрократическую бумагопорчу, действующую на искажение вечности. Памятник смельчакам и мастерам авиатехники, поставленный им в брежневские времена за труд и волю в небе и на земле – остаётся безымянным, хотя десятилетиями претендует быть именованным. По всей площади постамент под «МиГом» достаточно места для размещения инициалов орденосной плеяды земляков, штурмовавших небо в 20-х, 30-х, 40-х, 50-х, 60-х годах XX века...

Нужно помнить о пилотах, воевавших в Корее, Вьетнаме, Афганистане. Значительно важно, чтобы Святым Делом – воскрешением заслуг павших и живых занималось «младое племя», а не общественность, избегавшая за сотнями подписей для урезонивания хладнокровных аппаратов власти. Подвижникам помогут ветераны, военкоматы, книги и мемуары по истории отечественной авиации, испытатели и писатели, родня небопроходцев и реставраторы авиатехники.

Очевидно, автор установки «МиГа» Вернослов сказал бы прямо: «ОРЁЛ НЕ ЖИВЁТ БЕСКРЫЛЫМ!». Ещё не поздно научиться совершать благородные поступки, а не глумиться над обществом демагогией в бюджетных СМИ на средства народных налогоплательщиков.

Так завещало нам Поколение Победителей, для которых воздушная мощь страны ковалась усилиями и подвигами всей державы, в противовес сталинскому шлагеру «И вместо сердца – пламенный мотор»...

18 августа 2015 г., Город Первого Салюта и Воинской Славы – ОРЁЛ

Верность присяге рождает героев

На всероссийском праздновании 120-летия со дня рождения авиаконструктора Николая Николаевича Поликарпова на его Родине, в Ливенском районе

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ОКТЯБРЬ 1955-ГО...

Капитан I ранга
В.И. Васильев

*«Здесь вода врывалась с гулом
В трижды прорванные трюмы:
Горе сковывало скулы,
Ярость накаляла думы».*

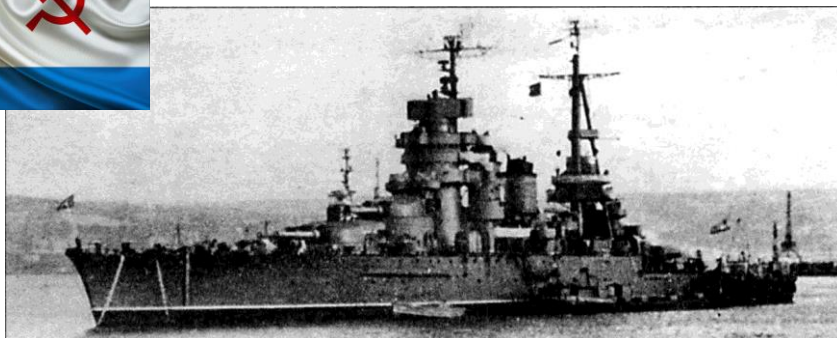
Поэт-маринист Алексей Лебедев
(Отрывок из стихотворения «Новороссийск»)

29 октября 2015 г. в 15.00, в Москве, на Поклонной Горе состоялся митинг моряков, посвящённый 60-летию трагедии экипажа линкора «Новороссийск». Бывший устаревший дредноут ВМС Италии «Джулио Цезаре» («Юлий Цезарь»), сошедший со стапелей в 1913 году, достался КЧФ после войны при разделе королевского флота между ВМС союзников по Антигитлеровской коалиции.

В ночь с 28 на 29 октября 1955 года произошла страшнейшая катастрофа ВМФ СССР: линкор взорвался, перевернулся и затонул на рейде Севастополя, унеся с собой 609 моряков. Среди жертв загадочного (и долго сокрываемого от общества) сдвоенного подводного взрыва – были и орловцы. Не вернулись живыми на Родину – в Новодеревеньковский и Покровский районы – Евгений Сергеевич Косов и Андрей Сергеевич Ларионов. Не увидят родных сыновей и возлюбленных в Знаменском, Орловском, Мценском районах: Степана Степановича Фомина, Николая Ивановича Карманова, Алексея Александровича Матюшкина. Краснофлотцы-земляки и их черноморцы-сослуживцы были посмертно награждены «Орденом Мужества» спустя 44 года – в 1999 году...

По зловещей аналогии, советский «Новороссийск» напомнил военно-морским экспертам судьбу одного из флагманов Николаевского Флота – линкора «Императрица Мария». Тогда (в той же акватории ВМБ Севастополь) из-за серии взрывов близ 1-й башни главного калибра оборвалась жизнь 225 верноподданных царя, 85 моряков получили тяжелые ранения и увечья...

Загадка «Марии» канула в Лету вследствие Гражданской войны, антифлотских преступлений большевиков, гибели офицеров в Крыму и их последующего отхода в «бананово-лимонные Сингапуры» (по песне А. Вертинского). В новом времени, после Великой Войны в Европе и в Азии, спецкомиссия по расследованию катастрофы на «Новороссийске» была поставлена перед фактом: корабль получил пробоину около 150 квадратных метров – фатальное повреждение для части команды...

Несчастный линкор «Новороссийск»

Орловец
Евгений Косов

Члены экипажа линейного корабля

Русская церковь
помнит о подвигах моряков

Авторы на митинге
в Дмитровске

Спустя 60 лет собравшиеся ветераны Флотов Советского Союза вспоминали добрым словом бывшего командующего КЧФ, адмирала В.А. Пархоменко, пострадавшего из-за интриг власти наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова, замечательную флотскую династию Никольских. Хранители славных традиций и подвигов плавсостава Флотов в годы Великой Отечественной войны говорили о методичном искажении истинных причин трагедии, о неверности ряда трактовок СМИ, даже при снятии табу с секретных документов, об использовании «Новороссийска» в лживо-пропагандистских целях идеологами «холодной» войны. Большинство адмиральско-капитанской элиты сошлось на мнении, что эксплуатация «итальянца» с проржавевшими переборками и наследственными «болезнями» кораблей серии «Кавур» – была опасно-преступной авантюрой, без технически-ходовых испытаний и полного объёма техдокументации...

Героизм экипажа в борьбе за живучесть и сохранение корабля не подлежит забвению. И сегодня, когда Крым и Севастополь, к радости всех, снова в составе России, мы обязаны помнить и изучать наследие контр-адмирала Н.И. Никольского, подвиги матросов, старшин и офицеров под началом командира «Новороссийска» и дежурного по кораблю З.Г. Сербулова и Никитенко, командира электротехнического дивизиона Е. Матусевича, лидера 1-го артдивизиона В. Марченко.

Перед переворотом и затоплением 186-метрового «цезаря» отличились собранностью и сверхмужеством глава спасателей Кулагин, капитан Амбокадзе, старпом Хуршудов, инженер-капитан Городецкий. Навсегда, вместе с орловцами, остались в историческом строю ВМФ Отечества матросы Литвин, Шиборнин, Воронков, Столяров, Кононов, Лемберг. Была вода – землёй, и экипаж – семьёй для их товарищей от побудки – до камбуза и отбоя – матросов Смышнова, Попова, Онуфриенко, Семиошко, Хабибулина и многих других...

Будете на Братском кладбище в Севастополе, поклонитесь с детьми ушедшим в бессмертие «новороссийцам». Здесь – Скорбящий матрос с траурно приспущенным флагом ВМФ СССР, тут сверкает бронзой винт линейного корабля. В граните – фрагменты эпопеи по спасению линкора и экипажа, а на мраморе – подпись:

«Мужественным морякам линкора «Новороссийск», погибшим при исполнении воинского долга. Любовь к Родине и верность присяге были для них сильнее смерти». На пьедестале монумента-памятника выбито золотом: «Родина – сыновьям».

Вопрос о забвении полного списка погибших, об антипатриотичных поступках СМИ и хранителей музея КЧФ – отдельная тема, как и полный анализ технических или диверсионных

причин непоправимого горя флотской братии. Противостояние военных моряков с партноменклатурой И. Сталина–Н. Хрущёва–Л. Брежнева–Ю. Андропова абсолютно не изучено. Что ещё хуже – ни у журналистов, ни у писателей нет стремления его изучать. Но если бы потомки «морских волков» и попытались бы развязать тесёмки позора и героизма, они однозначно столкнулись бы с недоступностью архивов отечественных и зарубежных секьюрити, с вероятностью сохранения тайн «Новороссийска» в спецхране ЦРУ США.

Не позабудем трагичную октябрьскую ночь 1955-го... Вопросы, поднимаемые временем, требуют прохождения энного отрезка времени, ибо, по выражению Поля Валери, «будущее уже не то, что было раньше».

15-31 октября 2015 г., Орёл – Москва – Подольск – Орёл

*При подготовке материала привлекались документы, предоставленные Председателем Совета ветеранов КЧФ в Москве, капитаном I ранга В.И.Васильевым и мемуары контр-адмирала Н.И.Никольского «Почему погиб линкор «Новороссийск?».

ОГНЕННЫЕ МИЛИ, ОПАЛЁННЫЕ ВЁРСТЫ...

(К 95-летию со дня рождения Героя Советского Союза,
майора В.А. Лаврищева)⁴

В моменту вхождения деревни Крюково в Колпнянский район Орловщины крестьянский сын Василий успел окончить неполную среднюю школу и приобрёл опыт строительных работ. Через год после нападения Германии на Польшу, когда Франция поразила мир сложением оружия перед нацистами, молодца призвали в ряды РККА.

В 21 год Василий Алексеевич угодил в жестокие сражения первого этапа Великой Отечественной. Вместе с добровольцами-моряками с июля 1941-го земляк оборонял Одессу. Его отряд отличился в составе 161-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии под станцией Выгода. Позднее, из-за опасности положения на Южном фронте, Ставка ВГК и Генштаб КЧФ использовали Одесский оборонительный район для укрепления Крымского полуострова, проведя широкомасштабную эвакуацию сил в Крым, поскольку войска агрессоров создали критическую обстановку.

⁴Родился 5.12.1920 г., награждён «Золотой Звездой» Героя Советского Союза 23.09.1944 г. (посмертно).

В сжатые сроки, до июля 1942 года, Лаврищев закончил курсы минёров в Военно-морской школе КЧФ. Буквально с ходу его направили в 1-й местный стрелковый полк береговой обороны ВМБ Севастополь. К тому времени Кригсмарине и союзникам Германии пришлось перебросить в Чёрное и Азовское моря многосотенный «москитный» флот, сотни вспомогательных судов, 14 субмарин, привлечь практически весь флот придунайских держав и профи из эскадр Люфтваффе.

Битва за Малую Землю

Истребляя врагов на Мекензиевых горах, отважный моряк получил ранение и был срочно эвакуирован финальным рейсом легендарного лидера «Ташкент». О «Голубом крейсере», как окрестили новичка на Черноморье, вспоминает его командир, контр-адмирал В.Н. Ерошенко: «Слегка откинутые назад мачты и трубы, первая из которых как бы срослась с крыльями мостика и обтекаемой рубкой, острый форштевень и «зализанные» обводы высокого полубака – всё подчёркивало стремительность корабля, говорило о большой скорости хода. Возвышавшиеся над палубой орудийные башни и торпедные аппараты давали представление о его ударной мощи».

По чистой случайности Лаврищев не погиб с ранеными и частью команды 3 июля 1942-го при потоплении «Ташкента» вражеской авиацией в порту Новороссийска. Всего шесть дней назад могла произойти наитягчайшая трагедия КЧФ и Севастополя: крейсер перевозил, без учёта плавсостава корабля, более 2 300 жителей и раненых (в два раза больше, чем на лайнере «Титаник»), а также реликвию-панораму «Оборона Севастополя 1854-1855 годов»...

Подлечившись в госпитале, командир роты ПТР 2-го батальона 107-й отдельной стрелковой бригады 18-й Армии Василий Лаврищев уничтожал противника близ Туапсе, у железнодорожной ветки Гойхт, в октябре 1942 года. В февральскую стужу 1943-го смельчак участвовал

в знаменитом десанте в районе Станички и Мысхако, вошедших в историю войны под наименованием «Малая Земля» (Южно-Озерейская десантная операция).

Девятнадцать раз крестоносный неприятель атаковал рубежи обороны 18-й Армии с рассвета 17 апреля. Тогда батальон и рота Василия Алексеевича восемь раз останавливали натиск фрицев и контратаковали противника. Было захвачено множество боевых трофеев, в том числе – 120 винтовок, 25 автоматов и три крупнокалиберных пулемёта. В перестрелках и рукопашных нашли смерть сотни солдат и офицеров. Кроваво-огненный апрель отразится на груди капитана Лаврищева орденом Красной Звезды...

Лаврищев
Василий
Алексеевич

Одно из последних фото
с борта лидера «Ташкент»

Противостояние в Крыму не имело затишья и передышек. Уже в сентябре боевой сподвижник Цезаря Куникова в авангарде наступления на Новороссийск снова был ранен и отправлен в тыл, на лечение в госпиталь.

Беззаветная любовь к Родине помогла её защитнику быстро подняться на ноги. В конце октября он прибывает в 351-ю стрелковую дивизию, где назначается заместителем командира стрелкового батальона 1161-го стрелкового полка, которому предстоит сражаться под Киевом. В окрестностях Шепетовки (у села Хролин), Василий, оценив неприступность окопавшегося врага, проявил «махновскую» смекалку, использовав тройку лошадей и сани вместо «тачанки». Мгновенный рейд и кинжальный огонь пулемёта Лаврищева под прикрытием друзей-автоматчиков решили исход боя за Хролин с минимумом потерь среди однополчан.

По мартовской распутице 1944-го герои под началом капитана первыми выдвинулись к Днестру, одновременно сокрушительным штурмом выбив неприятеля из села Лука. В ужасе от внезапности

атаки сложили оружие 106 венгерских головорезов. Неся потери и всё же развивая успех на пределе возможностей, фронтовые побратимы Лаврищева вместе с комбатом 29 марта вышли в лидеры в ходе форсирования Днестра, захватив плацдарм около сельца Незвиско, чем способствовали оперативной переправе товарищей по оружию.

На 1-м Украинском фронте дивизия и батальон мастера атак и обороны взаимодействовали с броненосцами 1-й танковой армии, гвардейцами М.Е.Катукова. В бою за село Рошнев Ивано-Франковской области фашисты запалили дома и постройки. В этот момент «лаврищевцы» на бегу расстреляли отряд факельщиков и смогли укрепиться в селе. Их было шестьдесят – советских офицеров и солдат. При них – несколько ручных пулемётов, четыре станковых. В роте миномётчиков имелись четыре миномёта калибра 82 мм, немного мин и «сорокопятка» с минимумом противопанцерных снарядов...

Против русских немцы бросили венгерский полк, который, неудачно атаковав, всё-таки окружил Рошнев. Трое суток, днём и ночью, наши бойцы отбивали 35 яростных атак иноземцев приспешника Гитлера – Хорти. Героев круговой обороны выручили трофеи, взятые в боях – тысячи патронов, 30 пулемётов, две сотни гранат, 100 винтовок, ибо боезапас батальона был на исходе.

9 апреля из-за удара оккупантов по левому флангу, капитану Лаврищеву приказали покинуть Рошнев, отходить под Букивну для соединения с однополчанами. Ночь прикрыла батальон – он вышел к своим, не оставив раненых, трофеев и 45-ти пленных.

Впоследствии 3-й батальон майора в числе передовых отрядов 351-й дивизии участвовал во Львовско-Сандомирской операции. Сметя противника с тракта Станислав – Надворная севернее Бородчан в сумерках 26 июля, утром следующего дня батальон настиг 40 танков и два полка пехоты. Итогом бесчинств отступающих соединений группы армий «Северная Украина» явилась кара победителей: гибель сотен солдат и офицеров, пленение около 700 захватчиков, взятие трофеев – 1500 винтовок, 100 гружёных подвод, свыше 10 авто и 16 танков на ходу. То было предвестие конца для войск генерал-полковника Й.Гарпе и подчинённой ему опытной элиты Вермахта...

Переломив неприятеля в Оболонье, дивизия Лаврищева вышла к городу Долине к исходу 29 июля, с марша вступив в бой. Трёхкратные попытки оккупантов отбросить освободителей за пределы населённого пункта потерпели полное фиаско.

Спустя сутки – 25 танков и 19 БТР противника, поддержанные огнём артиллерии и шестиствольных миномётов, атаковали 1161-й стрелковый полк, прикрывая собой одновременное наступление двух полков пехоты. Используя превосходство в технике, враг окружил

русский батальон на улицах Долины. Две роты 1-го батальона тоже попали в капкан, но Лаврищев, взяв командование на себя, успел выставить круговую оборону грамотным распределением сил. При атаке КП ему и его соратникам удалось контратаковать гитлеровцев. Соединение билось три дня в окружении и с честью вырвалось из кольца с оружием в руках, понеся безвозвратные потери...

Последний бой майор В.А.Лаврищев принял при кровопролитном форсировании реки Свича. Ленинский орденосец, Герой державы, по завоёванному праву гордившийся двумя орденами Красной Звезды и орденом Александра Невского, навечно упокоился в Долине, 6 августа 1944-го – через год после освобождения Орла и Белгорода. На могиле Василия Алексеевича – памятник, но что с ним сегодня, учитывая свастиковую «славу Украины» – трудно сказать. Именем колпнянца названы улицы в Долине и в Ужгороде. Его имя носила школа № 1, там, где комбат лёг на вечный покой, завещая потомкам: «Потерявшим память – прощенья нет!»

5 декабря воину-победоносцу исполняется 95 лет со дня рождения. Вспомнят ли об юбилее Героя в Колпне – фрагмент истории

70-летия Победы, спаянного с Годом русской литературы.

15-16 ноября 2015 г.,

г. Орёл - Курская область - Колпнянский район – Орёл

ДЕРЗКИЕ АТАКИ МОРПЕХОВ ИЛЬИ ТЕСЛЕНКО

Все помнят былинную строку «Во славном городе Карачеве», с удовольствием покупают карачевские новогодние игрушки и ёлочные украшения, но, к сожалению, забывают, что городок десятилетиями входил в состав довоенной Орловщины. Недалеко от будущего райцентра Брянской области, в селе Рясники вышел в мир 10 октября 1910 года герой нашего рассказа Илья Алексеевич Тесленко.

Выходец из русской крестьянской семьи, хотя и родился в срединной, местами заболоченной частице России, с юных лет «заболел морем», посещая избу-читальню и библиотеку средней школы. Романы Жюль Верна, «Морские истории» и «Злое море» Бориса Житкова, матросская доля в работах Новикова-Прибоя «Ухабы» и романтика морских шедевров Александра Грина воспитали в отроке стремление к морским далям...

В 22 года Илья – краснофлотец, год учился в школе младших командиров. Когда шла война в Испании, его, как подкованного в знаниях моряка, пригласили на политраблиту. Четыре года, параллельно службе, он учился в Военно-политическом училище ВМФ, успев закончить его накануне Великой Отечественной войны.

Илья Тесленко

Флотоводец
С.Г. Горшков

Флот вступил в сражения с противником одним из первых, отличился высокой собранностью и организованностью, благодаря защитно-оборонительным мероприятиям, осуществлённым наркомом ВМФ СССР, адмиралом Н.Г.Кузнецовым. В конце декабря 1941-го 1-й батальон 83-й морской стрелковой бригады, куда входил отряд десантников во главе с Тесленко, принимал активное участие в боях за Керчь. Комиссара и его «братву» хорошо знали в 51-й Армии Закавказского фронта – месяцами ранее морпехи героически обороняли Одессу и Севастополь...

Керченско-Феодосийская десантная операция навсегда засела в памяти выживших морпехов и военкома отдельного стрелкового батальона. Командующий Кавказским фронтом генерал-лейтенант Д.Т.Козлов, флагман КЧФ вице-адмирал Ф.С.Октябрьский и лидер Азовской военфлотилии контр-адмирал С.Г.Горшков поставили задачу войскам и соединениям кораблей: овладеть Керченским полуостровом, в целях дальнейшего освобождения Крыма. Силы вторжения 51-й и 44-й Армий подкреплялись 650-ю самолётами и плавсоставом 260 кораблей и судов.

Десантирование, проходившее с 25 декабря в условиях мороза, жестокого шторма и постоянного прицельного огня неприятеля, длилось до 2 января 1942 года, войдя в историю войны её самой крупнейшей десантной операцией. Под Керчью в ней участвовали около 19.000 человек, а близ Феодосии – более 20.000 солдат, офицеров, старшин и матросов. Агрессор выставил на противодействие в районе восточной части Керченского полуострова около 25.000 человек. Они входили в группировку из частей 46-й пехотной дивизии 42-го армейского корпуса 11-й Армии. Под свастикой выступили 8-я румынская кавалеристская и 4-я горнострелковые бригады, два танкобатальона, пять дивизионов зенитчиков и два полка полевой артиллерии. Для их прикрытия с воздуха командование Люфтваффе выделило две авиагруппы – несколько сот бомберов, штурмовиков, истребителей.

Бойцы Тесленко, высадившись у мыса Зюк, прорвали линию обороны противника. Выйдя в тыл, они расстреливали врагов из автоматов и пулемётов в ходе трёх дней и ночей. Майор Тесленко уничтожал оккупантов на острие атаки, несмотря на их превосходство в живой силе и технике. «Чёрная смерть» захватила две батареи гитлеровцев, оружие и миномёты, нанеся им крепкий урон разворотом стволов и огнём по позициям их бывших владельцев.

Трижды раненный богатырь Илья руководил боем в условиях полного окружения. Ожесточённо отбиваясь отседавших фрицев, комиссар получил четвёртое ранение. Но даже будучи в укрытии, герой воодушевлял морпехов на прорыв окружения и выход к своим...

Может быть, невидимая нить времени и былая былинная удасть Илюши Муромца у Девяти Дубов спасли земляка. За выдающееся мужество в боях за Керчь – 17 апреля 1943 года Илью Алексеевича Тесленко наградят «Золотой Звездой» Героя Советского Союза. Полгода он мучился в госпитале и недюжинным усилием воли вернулся в строй доблестного КЧФ. В ночь на 10 сентября ленинский орденосец в авангарде десанта освобождал Новороссийск, подавил с однополчанами множество немецких огневых точек.

Десять лет после Великой Победы И.А.Тесленко оставался в неустрашимых рядах ВМФ. Проживая с семьёй в Симферополе, прошедший сквозь ад войны суровый воин дослужился до звания капитана I ранга, являлся многоопытным наставником флотской молодёжи. Почётный гражданин Карачева и Керчи, награждённый орденом Красной Звезды, двумя орденами Красного Знамени и двумя орденами Отечественной войны I степени, пронёс по жизни флаг КЧФ и девиз русских морпехов: «Там, где мы, там – Победа!»

27 ноября 2015 года

День морской пехоты – Орёл – Рясники – Карачев – Орёл

Память благодарных карачевцев

Библиография

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ РАССОХИН

КНИГИ В.В. РАССОХИНА

«Капель» (Стихи) – Тула, Приокское кн.изд-во, 62 с., 1968 г., 5000 экз.

«Золотая кувшинка» (Стихи и поэма) – Тула, Приокское кн.изд-во, 80 с., 1971 г., 4000 экз.

«На ветру» (Стихи) – Тула, Приокское кн.изд-во, 112 с., 1977 г., 5000 экз.

«Тропинка» (Стихи) – Москва, Изд-во «Современник», 79 с., 1980 г., 10 000 экз.

«С восходом солнца» (Стихи и поэма) – Тула, Приокское кн.изд-во, 95 с., 1985 г., 1500 экз.

«Круговорот» (Стихи) – Тула, Приокское кн.изд-во, 94 с., 1992 г., 1000 экз.

«Шапка Мономаха» (Стихи, поэмы) – Орёл, Типография «Труд», 304 с., 1992 г., 30 000 экз.

«Последняя дуэль» (К 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина) – Орёл, Изд-во «Фолиант», 204 с., 35 с. цв. репродукций и иллюстраций автора, 1997 г., 10 000 экз.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.В. РАССОХИНА, СОЗДАННЫЕ И ИЗДАННЫЕ В СОАВТОРСТВЕ С С.В. РАССОХИНЫМ (2006–2015 гг.)

«Небесные снайперы» (1-е изд.) – Орёл, «Труд», 96 с., оформление авторов, 2006 г., 1200 экз.

«ТОК» (Избранное, стихи, проза, исторические исследования, отзывы, переписка авторов) – Орёл, «Труд», 716 с., 2006 г., 3000 экз.

«Сказка об Иване-Свидетеле» (2-е, заново оформленное, отд.изд.) – Орёл, «Труд», 52 с., 2007 г., 1000 экз.

«Лишний гражданин» / «Путь провинциала» (Стихи, документальный «Указатель имён») – Орёл, Изд-во «Фолиант», дизайн авторов, 536 с., 2007 г., 1000 экз.

«Небесные снайперы» (2-е изд., подбор фотодокументов, оформление авторов) – Орёл, «Труд», 504 с., 2007 г., 3000 экз.

«Мы Вас любим, фронтовики!» (Стихи, отрывки из поэм, фото авторов) – 1-е изд., 236 с., Орёл, СП РФ и КНР «Новое время», 2007 г., 2000 экз.

«Мы Вас любим, фронтовики!» («Жизнь не по рифме», 2-е доп. изд., фото и дизайн авторов) – Орёл, «Новое время», 248 с., 2008 г., 2000 экз.

«Шамиль в Калуге» (Стихи и проза о Кавказе) – Орёл, «Труд», 80 с., 2009 г., 1000 экз.

«Страна непуганых идиотов» (Трагикомедия в 3-х действиях, художественное оформление авторов) – Орёл, «Новое время», 128 с., 2009 г., 1000 экз.

«Победившие смерть» (К 65-летию Победы, 1-е изд. о подвигах свыше 100 советских танкистов, оформление и фото авторов, в твёрдой обложке) – Орёл, «Новое время», 336 с., 2010 г., 1000 экз.

«Сердце над облаками» (К 65-летию Великой Победы, посвящается гению боевого самолётостроения Н.Н.Поликарпову, подбор фотодокументов, обложка и форзацы авторов) – Орёл, «Новое время», 690 с., 2010 г., 10 000 экз.

«Победившие смерть» (Глава-отрывок из трилогии «Танки в крови», к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, новая мягкая обложка и новое оформление форзацев, фото авторов) – Орёл, Изд-во «Фолиант», 336 с., 2010 г., 1500 экз.

«Посмертный обыск» (К 210-летию со дня рождения А.С.Пушкина, подарочное изд. в авторском оформлении) – Орёл, «Труд», 36 с., 2010 г., 1000 экз.

«Золотая кувшинка» (отд.изд.поэма к 150-летию со дня рождения И.И.Левитана, с ил. авторов и современников живописца) – Орёл, «Труд», 36 с., 2010 г., 1000 экз.

«Шапка Мономаха» (2-е, отд.изд. по многочисленным просьбам читателей России и стран СНГ, дизайн авторов, художник П.Ермаков) – Орёл, «Труд», 32 с., 2011 г., 1000 экз.

«По ухабам Отечества» (Стихи, поэмы, проза, критика, отзывы, рецензии, переписка – в авт.оформлении) – Орёл, «Новое время», 632 с., 2011 г., 1000 экз.

«Щедринский» (Цикл новых стихотворений к 185-летию со дня рождения М.Е. Салтыкова-Щедрина, художественное оформление и фото авторов) – Орёл, «Новое время», 108 с., 2012 г., 1000 экз.

«Штурмующий небо» (К 120-летию со дня рождения авиаконструктора Н.Н.Поликарпова, дизайн обложки, форзацев, иллюстрации по тексту – авторов) – Орёл, «Новое время», 624 с., 2012 г., 15 000 экз.

«Штурмующий небо» (2-е, переработанное и переоформленное изд. в двух разных обложках авторов к 100-летию ВВС России и к 70-летию изгнания фашистов с Орловщины) – Орёл, «Новое время», 628 с., 2013 г., 15 000 экз.

«Мы Вас любим, фронтовики!» (3-е изд. в авторском оформлении к 70-летию освобождения Орловщины от оккупантов, сокращённая версия) – Орёл, «Вешние воды» (Типография «Труд»), 80 с., 2013 г., 1200 экз.

«Наш Лермонтов» (К 200-летию со дня рождения) – Орёл, «Новое время», цв.исполнение по 280 с. текста, цв.вкладка, проза, стихи, эссе, поэмы в авторском оформлении, 2014 – 2015 гг., тираж более 1500 экз. печатается партиями по мере поступления средств в производство.

«Небопроходцы» (Сборник стихов и прозы о первопроходцах Советских ВВС, о загадках Второй Мировой войны, переписка с читателями, отклики о труде авторов, личный архив) – Орёл, «Новое время», 260 с., 2015 г., 1500 экз.

«Штурмующий небо» (3-е переработанное издание в честь 70-летия Победы в двух разных обложках с закладкой-тесьюмой и с цв.вкладкой в авторском оформлении) – Орёл, «Новое время», 600 с., 2015 г., 25 000 экз.

«Память крепче брони» (Сборник стихотворений на фронтовую тематику с эпиграфами участников Великой Отечественной войны, с цв.форзацами и 59 заставками-фото по тексту, к 70-летию Победы в Европе и на Дальнем Востоке) – Орёл, «Новое время», 300 с., 2015 г., 3000 экз.

«Орловский Военный Вестник» (Юбилейный спецвыпуск журнала с произведениями авторов о Второй Мировой войне под заголовком «СССР – Англия – США: содружество по оружию», к 72-летию освобождения Орловщины и к 70-летию окончания Второй Мировой войны) – Орёл, ООО ПФ «Картуш», № 8 (39), 148 с., ламинирование и фотокладка, 31 июля 2015 г., 500 экз.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ ЧЛЕНА СРП В.В. РАССОХИНА

«Под созвездием Орла» (два сборника стихотворений заключённых, отбывающих наказание в ИТК и СИЗО Орловской области, выпущенные по инициативе руководства УФСИН региона) – Изд-во «3 июля» – Типография «Труд», 46 и 44 с. с фотоиллюстрациями, 2004-2005 гг., 1000 экз.

Лихопёк Ю.В. «Земля с хозяином и без...» (Орловские хроники) – Орёл, «Новое время», 148 с., предисловие, дизайн, иллюстрации по тексту, финансирование Рассохиных, к 65-летию освобождения Орловщины от захватчиков, 2008 г., 1000 экз.

ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ О ТВОРЧЕСТВЕ В.В. РАССОХИНА (печатаются в сокращении)

Зиборов Е. «Светлая капель». – «Орловский комсомолец», 28.12.1968 г.

Савельев И. «Все звуки мира». – «Рабоче-крестьянский корреспондент», №1, 1969 г.

Агеев Н. «Рабочие ритмы». – «Рабоче-крестьянский корреспондент», №1, январь 1969 г.

Жуков М. «Золотая кувшинка». – «Орловская правда», 15.04.1972 г.

Логвинов А. Рассохин Виктор Васильевич (в книге «Писатели Орловского края» под общ.ред. К.Д.Муратовой, Г.М.Шевелевой) – Орёл, отделение Приокского кн.изд-ва (Типография «Труд»), 1981 г.

Журавлёв В. «Про булку и целительный кефир...» – «Орловский комсомолец», 6.12.1980 г.

Золотарёв Л. «Чувство истины». – «Орловская правда», 7.12.1980 г.

Золотцев С. «Нет в поэзии провинций». – «Молодая гвардия», № 7, 1980 г.

Подсвиров И. «Вечное движение». – «Орловская правда», 12.04.1978 г.

Котюков Л. «Верность». – «Орловский комсомолец», 30.12.1977 г.

Логвинов А. «Рядом с героем». – «Орловский комсомолец», 24.05.1986 г.

Платонова Т. «Встреча с поэтами» (К 170-летию И.С.Тургенева). – «Мценский край», сентябрь 1988 г.

Золотцев С. «Во имя добра». – «Орловская правда», 30.04.1992 г.

Шестаков Д. «Работаю над большой поэмой о селе». – «Сельские зори», 8.06.1992 г.

Курляндская Г. «Верность истине». – «Орловская правда», 3.02.1994 г.

Анненкова М. «Не любит правда пышной фразы...» – «Орловские вести», 11.10.1994 г.

Кондратьева В. «У нас в гостях Виктор Рассохин». – «Заря», 7.06.1995 г.

«Книга о Пушкине» (К 200-летию поэта) – «Орловская правда» (соб.инф.), 5.06.1999 г.

Трофимов А. «Я через чувства понимаю мир». – «Орловская правда», 4.04.2003 г.

Трофимов А. «Певец земли Орловской» (Посвящается юбилею творческой деятельности поэта В.В.Рассохина) – «Сельские зори», 23.09.2003г.

«Представляем новую песню» («Первый Салют», к 60-летию освобождения Орловщины, сл.В.Рассохина, муз.В.Садовского) – 24 районные газеты Орловской области, июнь-июль-август 2003 г.

«Под созвездием Орла». – «Живая мишень», № 43, 2003 г.

«Залп» (Литературно-критическое обозрение члена СП СССР П.И. Родичева, независимое от писательских организаций) – № 9, сентябрь 2004 г.

«Энергия слова». – Презентация однотомника избранных произведений «ТОК» Виктора и Сергея Рассохиных во всех печатных СМИ Орловщины, июль-август-сентябрь 2007 г.

Васютин Ю. «Жизнь не по рифме» (О книге «Мы Вас любим, фронтовики!», к 65-летию освобождения Орловщины от фашистских захватчиков) – «Орловская городская газета», июль 2008 г.

«Короткой строкой» (о книге Рассохиных «ТОК») – «Ливенская газета» (соб.инф.), 20.05.2008 г.

Ветров Ю. «Архив поэта» (О книге «Посмертный обыск») – «Наша жизнь», 25.12.2010 г.

Несмелов Ю. «Пикник с поэтом» (Фетовский праздник в Клеймёново) – «Наша жизнь», 30.05.2012 г.

Ветров Ю. «Щедринарий» (К 185-летию со дня рождения М.Е. Салтыкова-Щедрина) – «Наша жизнь», 15.12.2012 г.

Казаков А. «Объяснение в любви» (О книге «Мы Вас любим, фронтовики!», к 70-летию разгрома гитлеровских войск на Орловщине) «Орловская губерния», 31.06.2013 г.

Давыдов С. «Стихи с поклоном» (К 70-летию Победы в Орловско-Курской Битве) – «Наша жизнь», 31.06.2013 г.

Калинин Н. «Укрощение строптивых». – Художественно-публицистическая газета «Вестник», № 49, г. Мценск, октябрь 2013 г.

Костарев А. «Штык и перо Рассохиных» (К 20-летию Союза российских писателей). – «Орловская городская газета», 6.12.2013 г.

Кузнецов В. «Присягу дают один раз» (К 20-летию СРП и к 75-летию В.В. Рассохина). – «Орловский вестник», 12.02.2014 г.

Козлов В. «За пределами переплёта» (К 20-летию деятельности Рассохиных в составе СРП). – «Орловская губерния», 12.02.2014 г.

Старовойтова В. «Во имя подвигов». – «Орловский вестник», 4.02.2015г.

«Свастика под прицелом». – «Орловский вестник» (соб.инф.), 15.04. 2015 г.

Березин М. «Истории из великой истории». – «Орловская правда», 14.07.2015 г.

Мищенко А. «Воинскому подвигу посвящено». – «Орловский вестник», 12.08.2015 г.

Гусева Е. «О подвиге, о храбрости, о славе...» (О спецвыпуске журнала «Орловский Военный Вестник» – «СССР – Англия – США: содружество по оружию», с произведениями Рассохиных о Второй Мировой войне, к 70-летию Победы союзников в Европе и на Дальнем Востоке). – «Наша жизнь», 28.08.2015 г.

Публикации в электронных СМИ РФ – см.многочисленные сюжеты о книжных новинках Виктора и Сергея Рассохиных на сайте Медиахолдинга «Истоки»: www.trk-istoki.ru. (2008–2015).

Электронные версии книг В.В. Рассохина – см. базу данных об авторах в Электронно-библиотечной системе ЦБС г. Орла им. А.С. Пушкина (там же – ряд публикаций в СМИ Орловщины).

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СБОРНИКИ (СССР – РФ, 1966-2015 гг.).

«Ровесник» (Сборник стихов поэтов Брянской, Калужской, Орловской и Тульской областей). – Тула, 1966 г.

«Светлячок» (Рассказы, стихи и сказки для детей). – Тула, 1976 г.

«Орбита мужества». – Москва, 1977 г.

«Рассвет над Окой» (Проза, стихи). – Тула, 1982 г.

«Час России» (Антология одного стихотворения поэтов России). – М., 1988 г.

«Священные камни» (Фотоальбом Памяти сожжённой фашистами деревни Колпачки, авт.-сост. А. Кузьмин, Г. Лазарев). – Тула, 1994 г.

«Первый Салют» (Антология в двух томах). – Курск, 1995 г.

«Среднерусская полоса» (Стихи поэтов Смоленска, Брянска, Орла). – Брянск, 1996.

«Орловская писательская организация за 50 лет» (Биобиблиографический справочник, сост. А. Лысенко). – Орёл, 2011 г.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ В.В. РАССОХИНА В КНИГАХ

Агеев Н. «На ветру». – Тула, 1977 г.

Николюкин И. «Тропинка», – М., 1980 г.

Николаев А. Ежегодник Большой Советской энциклопедии. – М., 1981 г.

Трофимов А., Уварова Т. «Край наш благодатный» (Люди, события, факты). – Орёл, 2003 г.

Щербаков С. «Старшинов» (Серия ЖЗЛ). – М., 2006 г.

Трофимов А., Уварова Д. «Светотени». – Орёл, 2006 г.

Бельский А. Орловский энциклопедический словарь. – Орёл, 2009 г.

Леонов И. «Окрылённые подвигами» (в книге «Память крепче брони») – Орёл, 2015 г.

Строев Е. «В боях за истину» (В книге «Память крепче брони», к 70-летию Великой Победы). – Орёл, 2015 г.

Материал о писателе-земляке В.В. Рассохине (члене Союза писателей страны с 1978 г.) подготовила в Год 70-летия Победы и русской литературы директор ЦБС г. Орла им. А.С. Пушкина Ирина Анатольевна Гладкова.

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ РАССОХИН

КНИГИ С.В. РАССОХИНА

1. «Тихие Гавайи?» (о разгроме военно-морской базы ВМС США Пёрл-Харбор авианосным соединением ВМС Императорской Японии и последующих сражениях ВМС, ВВС, Армий противников на Тихом океане) – Орёл, Типография «Труд», 347 с. с 10 цв. иллюстрациями автора и фотодокументальной вкладкой, 2002 г., 3000 экз.

2. «На воде некуда бежать» (Рассказы, очерки, стихи об исторических битвах ВМФ России, о кампаниях Японии и США на Тихом океане 1941-1945 гг., статьи о выдающихся людях Родины) – Орёл, ООО ПФ «Картуш», 452 с. в авторском оформлении, 2013 г., 1000 экз.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, В СОЗДАНИИ, ОФОРМЛЕНИИ И
РАСПРОСТРАНЕНИИ КОТОРЫХ УЧАСТВОВАЛ

С.В.РАССОХИН (1997-2015 гг.)

1. Рассохин В.В. «Последняя дуэль» (К 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина) – Орёл, «Фолиант», 204 с., цв. илл., 1997 г., 10 000 экз.

2. «Небесные снайперы» (1-е изд. о Боевом Пути авиаполка «Нормандия-Неман») – Орёл, «Труд», 96 с. с 24 с. документальных фотокладок, 2006 г., 1200 экз.

3. «ТОК» (Однотомник избранных произведений Виктора и Сергея Рассохиных с 16-страничной фотокладкой) – Орёл, «Труд», 716 с., 2006 г., 3000 экз.

4. «Сказка об Иване-Свидетеле» (сатирическая поэма В.В.Рассохина против пороков Человечества, дизайн – С.В.Рассохин) – Орёл, «Труд», 52 с., 2007 г., 1000 экз.

5. «Лишний гражданин» / «Путь провинциала» (об отечественных и планетарных проблемах общества на рубеже столетий, с «Указателем имён» на свыше 400 исторических лиц Земли) – Орёл, «Фолиант», 536 с., 2007 г., 1000 экз.

6. «Небесные снайперы» (дополненное, переоформленное издание о противостоянии ВВС стран Антигитлеровской коалиции и держав «Оси») – Орёл, «Труд», 504 с., цв. форзацы и документальная фотокладка 36 с., 2007 г., 3 000 экз.

7. «Мы Вас любим, фронтовики!» (Из цикла «Жизнь не по рифме») – 1-е изд., 236 с., Орёл, СП РФ и КНР «Новое время», 2007 г., 2000 экз.

8. «Мы Вас любим, фронтовики!» (2-е изд. на военную и послевоенную тематику, четыре раздела стихов и поэма

«Отчисленный поэт», в новой обложке с новыми форзацами) – Орёл, «Новое время», 248 с., 2008 г., 2000 экз.

9. «Шамиль в Калуге» (Цикл стихов, воспоминания и очерки о проблемах Кавказа) – Орёл, «Труд», 80 с., 1000 экз.

10. «Страна непуганых идиотов» (фантастическая трагикомедия в 3-х действиях) – Орёл, «Новое время», 128 с., 2009 г., 1000 экз.

11. «Победившие смерть» (о Героях бронетанковых войск Красной Армии с 22 с. документальных фото, к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне) – Орёл, «Новое время», 336 с., 2010 г., 1000 экз. в твёрдой обложке.

12. «Победившие смерть» (2-е, переоформленное изд. из трилогии «Танки в крови» в новой мягкой обложке и с др.цв. фотографиями) – Орёл, «Фолиант», 336 с., 2010 г., 1500 экз.

13. «Сердце над облаками» (К 65-летию Великой Победы, о жизни и творчестве КБ Н.Н.Поликарпова) – Орёл, «Новое время», 690 с., 23 с. чёрно-белых исторических фото, цв. форзацы, 2010 г., 10 000 экз.

14. «Посмертный обыск» (Новое издание драматической поэмы В.В. Рассохина к 210-летию со дня рождения гения русской литературы А.С.Пушкина) – Орёл, «Труд», 36 с. с иллюстрациями, 2010 г., 1000 экз.

15. «Золотая кувшинка» (К 150-летию мастера живописи И.И. Левитана) – Орёл, «Труд», 36 с. с репродукциями выдающегося художника, его современников и этюдами авторов, 2010 г., 1000 экз.

16. «Шапка Мономаха» (отдельное переоформленное издание поэмы В.В.Рассохина о державной власти Отчизны по просьбам соотечественников и читателей из стран СНГ) – Орёл, «Труд», иллюстрации на 32 с. текста, новая обложка, 2011 г., 1000 экз.

17. «По ухабам Отечества» (Сборник избранных стихов и прозы Рассохиных, переписка и рецензии) – Орёл, «Новое время», 632 с., 2011 г., 1000 экз. с большим объёмом документальных фотоматериалов.

18. «Щедринарий» (К 185-летию со дня рождения М.Е. Салтыкова-Щедрина, цикл новых стихотворений) – Орёл, «Новое время», 108 с., дизайн и оформление авторов, 2012 г., 1000 экз.

19. «Штурмующий небо» (К 120-летию со дня рождения авиаконструктора-земляка Н.Н.Поликарпова) – Орёл, «Новое время», 624 с., 2012 г., 15 000 экз. Издание благословлено Патриархом Московским и всея Руси Кириллом.

20. «Штурмующий небо» (К 100-летию ВВС России и к 70-летию освобождения Орловщины от оккупантов, дополненное и переработанное издание в двух разных обложках с разным оформлением глав) – Орёл, «Новое время», 628 с., 2013 г., 15 000 экз.

Труд поддержан Московской Патриархией и Орловско-Ливенской епархией.

21. «Мы Вас любим, фронтовики!» (заново оформленное, третье (сокращённое) издание к 70-летию изгнания фашистов с Орловской земли) – Орёл, «Вешние воды» (Типография «Труд»), 80 с., 2013 г., 1200 экз.

22. «Наш Лермонтов» (К 200-летию великого поэта России) – Орёл, «Новое время», 280 с. с цв. иллюстрациями, проза, поэмы, литературные исследования авторов. Тираж свыше 1500 экз. печатается поэтапно, по мере поступления средств спонсоров и авторов – Год культуры (2014) – Год литературы (2015).

23. «Небопроходцы» (Сборник прозы и стихотворений о Героях ВВС СССР, о Н.Н. Поликарпове и В.П. Чкалове, отзывы о деятельности авторов, переписка с читателями) – Орёл, «Новое время», 260 с., 1500 экз.

24. «Штурмующий небо» (3-е изд. в подарочном исполнении, в двух разных обложках и с цветной фотокладкой в честь 70-летия Победы в Европе и на Дальнем Востоке) – Орёл, «Новое время», 600 с., 2015 г., 25 000 экз.

25. «Память крепче брони» (Сборник стихотворений в двух авторских разделах с эпиграфами поэтов-фронтовиков, с цв. форзацами, закладкой-тесью и с 59 документально-военными фото) – Орёл, «Новое время», 300 с., 2015 г., 3000 экз.

26. Юбилейный спецвыпуск «Орловского Военного Вестника» с произведениями членов СРП, авторов 40 книг Виктора и Сергея Рассохиных «СССР – Англия – США: содружество по оружию». – Орёл, ООО ПФ «Картуш», № 8 (39), 148 с., цв. фотокладка с Посланием Предстоятеля РПЦ Кирилла, рабочей афишей и обложками книг авторов, 31 июля 2015 г., 500 экз.

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ РАССОХИНА С.В.

(ПУБЛИКУЮТСЯ В СОКРАЩЕНИИ)

Бондарчук М. «Сплочённые мужеством» (Новая книга о подвигах «Нормандии-Неман») – газета Колпнянского района Орловской области «За изобилие», № 61 (98419), 4.08.2006 г.

Бельский А. «Небесные снайперы» (К Дню Воздушного Флота России) – молодёжная газета Орловской области «Поколение», № 90 (12408), 22.08.2006 г.

Вылугин А. «Небесные снайперы» (Новая книга о Боевом Пути авиаполка «Нормандия-Неман») – еженедельник «Орловские земельные ведомости», №24 (139), 31.08.2006 г.

«Энергия слова» (Материал пресс-службы губернатора и Управления СМИ Орловщины о книге «ТОК») – 24 районные газеты региона, июль-август 2007 г.

Малинина Л. «ТОК» Рассохиных (Книжная полка) – «Болховские куранты», № 70 (10265), 1.09.2007 г.

Курнаков А. «В напряжении времени» (Рецензия на книгу Виктора и Сергея Рассохиных «ТОК») – газета Свердловского района Орловской области «Сельская новь», № 73 (9733), 25.09.2007 г.

Викторов В. «Стихом и прозой чувства разбудить» (Презентация многожанрового однотомника избранных произведений «ТОК») – газета «Новосильские вести», 28.09.2007 г.

Бельский А. «Наши новые книги» (К 70-летию Орловской области) – газета «Орловские вести ВОИ», № 9 (68), сентябрь-октябрь 2007 г.

Кузнецов В. «Под флагом человеколюбия» (О книге орловских писателей Рассохиных «ТОК») – газета Кромского района Орловской области «Заря», № 53 (9754), 3.10.2007 г.

Чуев Г. «Курсом патриотизма» (О книгах авторов, вышедших в Год русского языка) – газета Орловской областной общественной организации ветеранов войны и военной службы «Военные вести», № 19, апрель 2008 г.

Жильцов Н. «Советуем прочитать» (О новой книге Рассохиных «Мы Вас любим, фронтовики!») – газета Знаменского района Орловской области «Земля родная», № 17, 25.04.2008 г.

Даянова В. «Небесные снайперы» (Книжная новинка – 2-е изд.) – газета «Мценский край», №143 (13286), 2.11.2008 г.

«Советуем прочитать» (Анонс книги авторов «Мы Вас любим, фронтовики!» (Жизнь не по рифме) в честь 65-летия освобождения Орловщины от фашистских захватчиков, 2-е изд.) – соб. инф. 23 райгазет региона, апрель-декабрь 2008 г.

Видеосюжет-презентация книг «Шамиль в Калуге» и «Страна непуганых идиотов» на сайте Медиахолдинга «Истоки» www.trk-istoki.ru, март-октябрь 2009 г.

Кулагин В. «Победившие смерть» (Рецензия на одноимённую книгу Рассохиных о подвигах свыше 100 советских танкистов в годы ВОВ) – «Сельская новь», № 56 (10113), 10.08.2010 г.

Жильцова Т. «Мозаика истории» (Рецензия на книгу авторов «Сердце над облаками» о КБ Н.Н. Поликарпова и Героях ВВС СССР к 65-летию Победы) – информбюллетень «За справедливость», 27.10.2011 г.

«Из-под пера» (Анонс книги авторов «Шапка Мономаха», 2-е изд.) – соб.инф.газеты «Заря», № 25 (10212), 7.04.2012 г.

Субботина С. «Учил самолёты летать» (Рецензия в газете «Орловская среда» на книгу «Сердце над облаками» к 100-летию ВВС

России и к 120-летию со дня рождения Н.Н. Поликарпова) – № 18 (202), 16.05.2012 г.

Вулф К. «И вместо сердца – пламенный мотор...» (К юбилею авиаконструктора Н.Н. Поликарпова) – «Орловская городская газета», № 28 (108), 11.06.2012 г.

Видеосюжет о новых книгах Рассохиных на ОГТРК – июнь 2012 г.

Милова А. «Орловские лётчики отпраздновали юбилей ВВС» – газета «Орловская губерния», № 33 (59), 15.08.2012 г.

Видеосюжет-презентация книжных новинок авторов в «Оперативном эфире» ТРК «Истоки-Инфо» и РЕН-ТВ – август 2012 г.

«Об истории авиации» (обзор книги «Штурмующий небо» редакции газеты «Шаблыкинский вестник») – 17.08.2012 г.

Фастов А. «Рассохины штурмуют огромным тиражом» – «Орловская городская газета», № 34 (114), 22.08.2012 г.

Леонидова И. «О земляке-конструкторе» (Рецензия «Ливенской газеты» на книгу Виктора и Сергея Рассохиных «Штурмующий небо») – 15.06.2012 г.

Иванов П. «Окрылённые подвигами» (обзор деятельности авторов и трёх новых книг по истории ВВС) – «Орловский вестник», №3 (1017), 30.01.2013 г.

«Мы Вас любим, фронтовики!» (соб.инф. о третьем издании книги, поддержанном Управлением культуры и архивного дела Орловской области) – «Орловская городская газета», № 25 (157), 5.07.2013г.

Иванов А. «Штурмующие небо» (краткая аннотация о выходе двух одноимённых книг авторов к 100-летию ВВС и к 70-летию освобождения Орловщины от фашистов) – «Орловская правда», № 150 (25888), 9.10.2013 г.

Костарев А. «Штык и перо Рассохиных» (К 20-летию Союза российских писателей) – «Орловская городская газета», № 47 (179), 6.12.2013 г.

Козлов В. «За пределами переплёта» (К 20-летию СРП) – «Орловская губерния», № 5 (132), 12.02.2014 г.

Кузнецов В. «Присягу дают один раз» (К 20-летию писательской деятельности Рассохиных в составе СРП) – «Орловский вестник», № 5 (1067), 12.02.2014 г.

Старовойтова В. «От школы – до Кремля» (Благодарность «Совета солдатских матерей» писателям-землякам) – газета Орловского района Орловской области «Наша жизнь», № 45 (8805), 21.06.2014 г.

«Свастика под прицелом» (Анонс 32-й книги Виктора и Сергея Рассохиных «Небопроходцы») – «Орловский вестник» (соб.инф.), № 13 (1123), 15.04.2015 г.

Презентация книги «Небопроходцы» в радиоэфире каналов «Радио-FM» и «Шансон» – май 2015 г.

Литературный информблок ОГТРК о книгах «Небопроходцы», «Штурмующий небо», «Память крепче брони» – 30.04.2015 – 18.05.2015 г. (16 трансляций в сутки в честь 70-летия Великой Победы).

Презентация книги «Память крепче брони» в эфире и на сайте Медиахолдинга «Истоки» – май 2015 г.

Мокин В. «На воде некуда бежать» (Рецензия ветерана ВМФ СССР, капитана II ранга, основателя местной организации «Флоту быть!» на одноимённую книгу С.В.Рассохина) – «Орловская городская газета», № 27 (260), 17.07.2015 г.

Анонс новых книг авторов о Второй Мировой войне в телеэфире Медиахолдинга «Истоки» и на сайте телерадиокомпании – август 2014 г.

Презентация «Орловского Военного Вестника» с произведениями Рассохиных (по блокам) под заголовком «СССР – Англия – США: содружество по оружию» в радиоэфире «Радио России – Орёл» – 1.08.2015 – 10.08.2015 г. (160 выпусков, аудитория – до миллиона жителей).

Березин М. «Истории из великой истории» (Книжные новинки Года 70-летия Победы и русской литературы – труды Рассохиных, благословлённые Патриархом Московским и всея Руси Кириллом) – «Орловская правда», № 74 (26178), 14.07. 2015 г.

Мищенко А. «Воинскому подвигу посвящено» (Рецензия на книгу «Память крепче брони» и «Орловский военвестник», изданный к 72-летию освобождения Орловщины от оккупантов) – «Орловский вестник», 30 (1140), 12.08.2015 г.

Р. Марченко, Е. Кутявина, Д. Климова, И. Комнатная – видеосюжет о творчестве и наработке авторов в Год 70-летия Победы и выходе спецвыпуска «Орловского военвестника» – апрель – август 2015 г., см. www.istoki.ru (расширенная версия новостей в программе «Оперативный эфир»).

Н. Тычинская, А. Дулевская (Медиахолдинг «Истоки») – видеосюжет «Рассохиных лишили стипендии» (интервью авторов о 75-тысячном автопробеге, об истинности литпроцесса в Год русской литературы и срыве 1-го альманаха членов СРП «Ради жизни», не изданного к 70-летию Победы, 72-летию освобождения Орловщины от фашистов, 70-летию окончания Второй Мировой войны) – 23.09.2015 г.

А. Васильев «Курсом патриотизма» (отзыв о спецвыпуске военно-исторического журнала «Орловский Военный Вестник» № 8(39) – «Орловская городская газета», № 45(278), 20.11.2015 г.

Ерохин В., Тычинская Н. Презентация спецвыпуска «Орловского Военного Вестника» №9(44) с произведениями Рассохиных «Ради

справедливости всюду» в телеэфире и на сайте ТРК «Истоки» – 16.12.2015 г.

Биографию и отзывы о произведениях С.В. Рассохина (члена СРП с 2013 г.) подготовила ведущий специалист электронной библиотечной системы ЦБС им. А.С. Пушкина Наталья Владимировна Фролова.

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Новиков. На слиянии Оки и Орлика... 3

ВИКТОР РАССОХИН

Рассохин Виктор Васильевич	4
В финских снегах	7
Спасённое небо	11
Взлёты и пикие авиаконструктора Поликарпова	16
Первый Салют	19
Святыня	19
Солнцем освещённые цветы	21
Захар	23
«Брат Маленкова» (Памяти репрессированных в родном Отечестве)	33
Трясина	38
Сталинский броненосец	44
Возвращение бумеранга	49
Шальные ягоды	54
АС (К 110-летию В.П. Чкалова)	55
Встречный мой	70
Николай Цоков – воин, гражданин, поэт	73

СЕРГЕЙ РАССОХИН

Рассохин Сергей Викторович	77
В огне Крымских десантов	79
Герой Казахстана Жардем Супигалиев	81
«Полундра» Николая Дубковского	85
Предупреждение Освенцима	89
«Десятый вал» у Мидуэя	93
Путь камикадзе	117
Слава и забвение академика Конрада	122
Судьба кормильца	130
Общая тетрадь	135
Крылья Орла	140
Незабываемый октябрь 1955-го... ..	145
Огненные мили, опалённые вёрсты... ..	148
Дерзкие атаки морпехов Ильи Тесленко	152

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги В.В. Рассохина	156
Произведения, созданные и изданные в соавторстве с С.В. Рассохиним (2006–2015 гг.)	156

Книги, изданные под общей редакцией члена СРП В.В. Рассохина ..158
 Публикации и рецензии о творчестве В.В. Рассохина 158
 Коллективные литературные сборники (СССР – РФ, 1966-2015 гг.) . 161
 Отзывы о творчестве В.В. Рассохина в книгах 161

Книги С.В. Рассохина 162
 Произведения, в создании, оформлении и распространении
 которых участвовал С.В. Рассохин (1997-2015 гг.) 162
 Сокращённые отзывы о творчестве члена СРП С.В. Рассохина 164

Майор запаса С.В. Широков –
 Директор музея-диорамы

Выступление авторов в Военно-историческом музее
 в честь 120-летия Н.Н. Поликарпова
 и 100-летия ВВС России

Военно-исторический журнал
ОРЛОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК

Спецвыпуск № 9 (43)
2015 год

Ради справедливости всюду
(На земле, в небесах и на море)

Главный редактор С.А. Ветчинников

Корректор В.С. Алексеевский

Технический редактор С.А. Ветчинников

Художественное оформление, подбор фотодокументов – авторов

Учредитель (издатель): общество с ограниченной ответственностью
полиграфическая фирма «Картуш».

Подписной индекс «Почты России» в Орловской области **53235**

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по
надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций по Орловской
области.

Регистрационный номер ПИ № ТУ 57-
00246 от 2 июля 2013 г.

Сайт: kartush-vestnik.rf

Редакция вправе публиковать
присланные в свой адрес
произведения, письма и обращения
читателей.

Редакция уважает точку зрения
авторов на какие-либо события, их
трактовки, хотя не всегда может их
разделять, следуя правилу: «Пусть в
споре рождается истина».

Цена свободная.

Подписано в печать 07.12.2015 г. Дата выхода 11.12.2015 г. Формат 60x80 1/16

Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Arial

Объем 9,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 338

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.

Адрес издателя и редакции:

302001, г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26, Тел. (4862) 44-51-45.

E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»

г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.